Агитатор
Вып. 9.
1923 г.

Российская Коммунистическая Партия (Большев.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АГИТАТОР

НЕПЕРИОДИЧЕСКИЙ ОРГАН
АГИТ.-ПРОПАГАНД. ОТДЕЛА
Гомельского Губернского Комитета Р. К. П.

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛЕССПЕЧАТЬ"
Гомель—1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Ф. Козлов—
Первый этап в развитии партии и его историческое значение.

Б. Павлов—
Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги.

Н. Батурин—
Группа «Освобождение труда».
Рабочее движение в 70-х и 80-х г.г.
Социал-демократия и рабочее движение 90-х г.

Б. Эдельман—
Первый с'езд Российской социал-демократической партии.

Манифест Российской социал-демократической рабочей партии.

М. Лядов—
«Экономизм» и его причины.

В. И. Ленин—
Об экономизме (выдержки из книги «Что делать?»).

Хронология.

Указатель литературы (история партии до 2-го с'езда).

Российская Коммунистическая Партия (Большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АГИТАТОР

непериодический орган агитационно-пропагандистского отдела Гомельского Губернск. Комитета Р. К. П.

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОЛЕССПЕЧАТЬ“
ГОМЕЛЬ 1923 г.

Типография № 1 „Полесспечати" Заказ № 835. Гублит № 68.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий сборник составлен с целью дать возможность, хотя бы приблизительно, ознакомиться с историей партии от момента ее зарождения и до второго с'езда. Выпуск сборника вызван тем, что литература по истории партии имеется в крайне ограниченном количестве. Даже такая, на первый взгляд распространенная книга, как „очерки по истории российской социал-демократии" Батурина не дошла до широких слоев членов партии, не говоря уже о рабочих. Между тем, в связи с исполняющимся в марте м-це текущего года двадцатипятилетием I с'езда, интерес к истории партии сильно возрос. Спрос на соответствующую литературу превысил имеющиеся возможности удовлетворить этот спрос. Выпускаемый сборник, не претендуя на особую полноту, или новизну материалов все-таки заполняет частично существующий пробел.

При составлении сборника, редакция руководствовалась желанием дать более, или менее ясное представление о каждом периоде первого этапа в развитии партии, а также попутно выяснить основные моменты в поступательном ходе российского рабочего движения. Эта мысль красной чертой проходит через весь материал сборника. Сейчас-же после вступительной статьи помещена выдержка из брошюры Б. Павлова. „Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги". Далее, в качестве материала, использованы некоторые главы из „Очерков"—Батурина. Эти главы дают характеристику рабочего и общественного и социал-демократического движения в 70, 80, 90-х годах прошлого столетия. Даны, в виде отдельных глав и материалы подводящие итоги движения—о группе „Освобождение Труда" и первом с'езде Р. С. Д. Р. П. Для характеристики „экономизма" использована „История" М. Лядова—книга, которая в настоящий момент уже совершенно (вследствие редкости) недоступна для массового читателя. И наконец, даны выдержки из брошюры

В. И. Ленина „Что делать". На последней следует остановиться подробнее. Брошюра была написана в ходе борьбы с экономизмом и поэтому носит полемический характер. Для читателя не искушенного в чтении подобных книг многое останется темным. Между тем, лучшей характеристики и критики экономизма нет, да вряд ли и будет. Считаясь со всеми этими данными, редакция сочла возможным и необходимым выделить из брошюры наиболее ценные и наименее отягченные полемикой места и поместить получившиеся выдержки после статьи взятой из книги Лядова, для того, чтобы облегчить чтение до максимума. И, наконец, в сборник включен перечень важнейших событий за этот период и библиография.

Редакция.

ПЕРВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ПАРТИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Первые ростки Российской социал-демократии появились в 80-годах прошлого столетия. Эти годы во всех отношениях были годами перелома. С одной стороны, выявились основные тенденции в развитии народного хозяйства России, показавшие, что она становится страной капиталистической и что капитализм проникает в самые глухие ее уголки, а с другой стороны—это была пора крушения старого народнического социализма, который несмотря на свои героические усилия, не поддержанный массами, пал под ударами царизма.

Печальное зрелище представляла в эти годы Россия. Всякая общественная жизнь замерла. Реакция, свирепствовавшая после поражения народников, превратила огромную страну в кладбище. Забитые нуждой и голодом крестьянские массы покорно подставляли свою спину под удары полиции и земских начальников. Тяжелые подати и периодические неурожаи, недостаток земли и наследие крепостничества община камнем висели на шее крестьянства, загоняя его в кабалу к помещику и мироеду. Огромные массы крестьян обезземеливаются «освобождаются от земли» и подгоняемые голодухой двигаются в города в поисках заработка. А заработок этот был не легок. Промышленный капитализм быстро разростающийся на русской почве имел все права на то, чтобы заслужить название «истекающего кровью и грязью из всех своих пор». Отечественные капиталисты точно стремились побить реккорд мировой эксплоатации. И успевали в этом, при благосклонном покровительстве царизма, весьма недурно. Рабочий день в 16 часов был обычным явлением. А заработная плата в среднем на ткацких, например, фабриках едва достигла 10 рублей в месяц. Но и этой ничтожной платы никто из рабочих полностью не получал. Большая ее половина уходила на разного рода штрафы и вычеты, производившиеся фабрикантами. Хорошим считалось, если рабочему удавалось за свой месячный каторжный труд получить 4 рубля.

Развитие капитализма и реакция сказались и на ходе процесса политической борьбы с самодержавием. На революционной арене оказались две группы—новые народники—«восьмидесятники» и «марксисты».

Идеология нового народничества была просто-на-просто дополненным и исправленным (под давлением реакции) изданием старой. Но если прежнее народничество 70-тых годов, будучи по существу мелко-буржуазным, было все же революционным, то новое народничество оказалось контр-революционным. Если народники 70-х годов были людьми не знавшими соглашений, сделок и компромиссов, готовыми во имя идеи итти напролом, ведшими агитацию и революционную работу под постоянной угрозой виселицы, рисковавшими жизнью на каждом шагу, не жалевшими никаких жертв во имя торжества основной идеи—низвержения самодержавия, то новые народники уже

типичные представители мелко-буржуазного революционера. Они расчетливы, осторожны, не желают «из за иллюзий» ставить свою жизнь на карту. К ним очень бы подошла характеристика, данная немецким буржуазным «революционерам» 1848 г.: «у них мало способностей и никакого характера, много крика и мало воли, великие слова и малые дела». Это действительно были апостолы «малых дел», называвшие себя, однако, социалистами. Весь их социализм заключался в том, что спасение России от политического гнета царизма и эксплоатации они видели в различного рода крестьянских артелях, об'единениях кустарей и, главное, в деревенской общине разлагавшейся, кстати, к тому времени под напором капиталистических отношений. Россия, говорили они, придет к социализму через крестьянскую общину, нужно только эту общину сохранить и поддержать. Но как раз того, что эта община разлагается, что она душит крестьянина, что она представляет собой пережиток старых крепостнических отношений в деревне, народники 80-х годов не хотели видеть. Закрывая глаза и затыкая уши, они упрямо твердили, что русский народ (а этот народ давно расслоился на классы, которые вели ожесточенную борьбу) социалистичен от природы и что капитализму в России не бывать и что основной задачей всякого революционера является охранение крестьянской общины от распада и разложения. Те же, кто за этот распад общины, те—мол работают на руку и заодно с «рыцарями первоначального накопления» (так назывались капиталисты).

Народники упрямо не хотели замечать, что капитализм и его неизбежный спутник—рабочее движение в России с каждым годом развиваются. (В 1887 году в России было 30.888 фабрично-заводских предприятий с 1.318.048 рабочих, не считая железнодорожников, которых было 218.077, с годовым производством на сумму 1.334.499.000 рублей). Что рабочий класс из пассивного об'екта эксплоатации постепенно превращается в активного борца за улучшение своего экономического положения и что недалек тот час, когда он выступит застрельщиком борьбы против политического гнета и эксплуатации вообще.

Намек на единомыслие «с рыцарями первоначального накопления» бросался народниками по адресу марксистов, которые говорили, что в деревню уже проник капитализм, что община трещит под его напором, и что распадение этой общины, как пережитка феодализма, есть прогрессивное явление. Искусственные меры и подпорки, которые ставят народники, желающие сохранить «своего кита», только усугубляют бедствия крестьян и рабочего класса, мешают развитию капитализма, а следовательно служат на руку реакции, стремящейся «охранять устои».

Вот при таком положении дел в России, возникает заграницей—в Женеве в 1883 году первая русская социал-демократическая организация «Группа освобождения труда». Основатели и руководители группы Л. Г. Дейч, Г. В. Плеханов В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и В. Н. Игнатов когда то принимали деятельное участие в революционном движении 70-х годов, но постепенно один за другим, вследствие различных обстоятельств, оставили Россию и уехали заграницу. Здесь столкнувшись лицом к лицу с западно-европейским рабочим движением, детально ознакомившись с марксизмом, они вынуждены были заняться пересмотром своих прежних взглядов и убеждений на события, происходившие в России. Результатом этого пересмотра было признание и усиленная пропаганда членами группы факта, что Рос-

сия стала страной капиталистической, что она в своем развитии будет в основном повторять процесс экономического развития западно-европейских стран и что, следовательно, не мелко-буржуазное крестьянство, а рабочий класс является носителем революции и социализма в России. «Группа Освобождения Труда» явилась застрельщиком в борьбе с реакционным народничеством, господствовавшим тогда в России, а также поборником и пропагандистом идей научнаго социализма и марксизма среди тогдашних революционеров, а через них и в среде рабочего класса.

Почти одновременно с Группой Освобождения Труда, но уже в России, а не заграницей, в 1884 году, в Петербурге организовалась социал-демократическая группа под руководством Благоева (впоследствии вождь болгарских с-д. «Тесняков»). Эта группа выработала программу и начала вести пропаганду среди петербургских рабочих. Скоро она завязала сношения с Группой Освобождения труда, приняла ее программу и даже сделала попытку издавать журнал «Рабочий». В 1885 году Благоев был арестован, в следующем году полиция разгромила типографию и арестовала почти всех членов кружка, который после этого распался.

Но распадение Благоевскаго кружка вовсе не означало смерти начавшегося движения. Социал-демократия в России была вызвана к жизни самими условиями экономическаго и политическаго бытия. И группа Благоева была только ласточкой первого периода в жизни нашей партии. Тов. Ленин, упоминая об этом периоде говорит, что это был период возникновения и упрочения социал-демократии, которая, как партия, переживала период утробнаго развития. Он продолжался с 1884—1894 г.г., т. е. целых 10 лет.

Историки партии называют это время эпохой кружковщины. И действительно, это название наиболее удачно определяет сущность тогдашнего организационного строения будущих партийных ячеек. Марксистская пропаганда хотя медленно, но неуклонно ползет из Питера по другим городам России, которые постепенно покрываются сетью кружков. Работа производилась впотьмах. Иногда два кружка работали рядом в одном и том же городе, не подозревая о существовании друг друга. В кружках занимались усвоением идей научнаго социализма и самообразовательной работой. При отсутствии более или менее широкой организации наблюдалось кустарничество, которое впоследствии оказало партии плохую услугу (экономизм.), но с другой стороны кружковщина приносила и хорошие результаты. Марксизм на русской почве был явлением молодым, а следовательно, прежде чем принести плоды он должен был проникнуть в массы, а не оставаться достоянием верхушек. Кроме того, усвоение и изучение марксистских идей рабочими, ставило самую организацию партии на реальную основу. Шла подготовка людей, воспитанных в духе классовой борьбы. Этот дух переносился на фабрики и заводы, воспитывая и дисциплинируя широкие рабочие массы, превращая рабочих из «класса для других, в класс для себя». К концу 90-х годов замечаются определенные успехи движения. Сеть марксистских кружков покрывает и захватывает все крупнейшие города и промышленные центры России.

Голод 1891 и 1892 годов дал новый толчек развитию и упрочению движения. Но эти годы в то же время обострили полемику между марксистами и народниками. Голод воскресил старый народнический лозунг «идите в народ». Идите в народ, говорили одни народники, просветите его и он поймет необходимость революции. Идите в

народ, говорили другие, воспользуйтесь голодом и поднимите восстание. Марксисты не соглашались ни с теми ни с другими. Вождем революции, говорили они, может быть только рабочий класс. Поэтому, не в деревню нужно идти, которая в одиночку все равно не сможет сделать революции, да вдобавок к этому она не сознает связи между самодержавным-полицейским строем и своим экономическим положением; а если вы идете «в народ», то и раз'ясните ему эту связь прежде всего. А нам (марксистам) нужно другое, а именно—усиление пропаганды в рабочих массах и организация авангарда революции. К этой организации авангарда кружки приступают с особенной настойчивостью после «голодного года», когда началась волна стачек. Если раньше в кружки вовлекались единичные рабочие, то теперь начинаются поиски методов «массового подхода» и естественно, что первые же столкновения с практикой показали, что массовая работа не может быть охвачена помощью штудирования Маркса, или чтения Каутского, нужно было, что-то новое. Наступал перелом в работе.

Перелом в работе кружков, наступивший, примерно, в 1894 году явился началом второго периода в развитии нашей партии. Этот новый период продолжался с 1894—1898 г.г., т. е. всего 4 года. Такой сравнительно небольшой промежуток времени характерен в то же время двумя значительными явлениями. С одной стороны, кружки нащупали, наконец метод подхода к широким рабочим массам. Новый метод можно характеризовать довольно коротко: агитация в широких рабочих массах, возможна на почве защиты повседневных экономических нужд рабочих, но не должна в то же время ограничиваться только такой защитой. Сплачивая и об'единяя рабочих вокруг экономических лозунгов сегодняшнего дня, агитация должна связывать эти лозунги с общим экономическим положением рабочего класса и выяснять другую связь, связь экономики с политикой, связь бесправного положения рабочего в самодержавном государстве с тяжелым положением рабочего класса вообще. Теоретическое выражение новой тактики было дано в написанной Кремером в Вильне брошюре «Об агитации».

С другой стороны этот период был временем повального увлечения марксизмом в среде самых широких слоев русского общества. Тов. Ленин так описывает этот период: «Начало стихийного рабочего движения с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом, для борьбы с общим противником. Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или в начале 90-х г.г. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасным, только теорию (революционного) народничества, не замечая, как водится ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, до тех пор прошло не мало, (на наш русский счет) времени. А в это время выходила одна за другой марксистские книги открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за маркси-

стами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Работа таким образом, развернулась вширь. Естественно, что при таком положении дел особенно остро давало себя чувствовать отсутствие единства организации. Ведь каждый кружок вел работу самостоятельно. В случае его «провала» она обрывалась. Правда, уже с 1889 года замечаются попытки об'единения рабочих кружков. В Петрограде, например, существовал комитет об'единявший деятельность около десятка кружков. Взимались даже членские взносы. С 1895 года возникают «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса». Сначала в Петербурге, затем в Иванове-Вознесенске, Москве, Киеве, Екатеринославе, Николаеве. Но все эти попытки одиночные. Растущая широта движения требует и широкой (в смысле охвата всей территории) централизованной организации. Назрела необходимость оформления партии. И вот 14-го марта (н. ст.) 1898 года, по инициативе Киевской группы «Рабочей газеты», в Минске был созван 1-й с'езд, продолжавшийся три дня и положивший начало оффициальной организации «Российской социал-демократической Рабочей Партии». Этот с'езд был заключительным аккордом второго периода. Партия вступила в юношеский возраст.

Начался третий период истории партии, продолжавшийся с 1898—1902 г., называющийся еще периодом «Искры». «Это период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью». (Ленин). Причины этому, в основном, сводятся к следующему: на теле международной социал-демократии выскочил чирий, именуемый Бернштейниадой. Это было оппортунистическое течение, возглавлявшееся немецким социал-демократом, учеником Энгельса—Бернштейном. К концу 90-годов Бернштейн выпустил книгу под названием «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». В этой книге Бернштейн подвергает Маркса ревизии и находит, что он слишком «догматичен», изрядно устарел и нуждается в поправках. И Бернштейн «ничто же сумняся» вносит поправки. Развитие капитализма не обостряет классовые противоречия, а сглаживает, а посему классовая борьба, как устарелое понятие должна быть заменена борьбой за демократию, социализм-де придет через парламентскую борьбу, а не через диктатуру пролетариата. Место классовой борьбы должно занять «сотрудничество классов». Так учил Бернштейн. И когда его книжка попала в Россию голоса у некоторых марксистов, особенно у «легальных» начали звучать фальшиво. Получались странные вещи. Голос по всем признакам Струве, а мысли Бернштейна. Да это было и вполне понятным. По существу «легальные марксисты» были буржуазными либералами, которые хотели использовать рабочий класс в интересах буржуазии. Рабочий класс мог пригодиться в качестве тарана против самодержавия. Но события обманули надежды господ «легальных». Рабочий класс все больше и больше становился на классовую позицию, а значит делался заклятым врагом не только самодержавия, но и буржуазии. Следовательно, пора было бить отбой и провозглашать замену классовой борьбы—классовым сотрудничеством. Но беда была не в этом. Целое поколение «молодых» социал-демократов, начавших работать во второй период, воспиталось исключительно на этой «легальной» марксистской литературе. Классовой закалки не было. А «старики» были, либо за-границей, либо, «в местах не столь отдаленных». И молодые, верные своим учителям Струве, Булгакову, Бердяеву, Прокоповичу и друг. подталкиваемые, вдобавок,

малосознательностью стихийного рабочего движения, начали забывать о связи экономики с политикой. Агитация на почве экономических интересов превратилась в ц е л ь, вместо того, чтобы быть с р е д с т в о м в борьбе политической. Социал-демократизм принижался до тред-юнионизма. «Молодые» тянулись в хвосте рабочего движения, бормоча о преимуществах экономической борьбы. Родился »экономизм». Его теоретическая сущность выразилась в знаменитом «Кредо» (верую), составленном Кусковой. «Стариками» для борьбы с экономизмом была создана газета «Искра», издававшаяся за-границей. Борьба тянулась несколько лет и закончилась победой «искровцев».

В марте текущего года наша партия празднует двадцатипятилетие со дня 1 с'езда. Четыре века прошло с тех пор как в Минске, впервые, с большими предосторожностями, был созван 1 с'езд. Много событий вихрем промелькнуло в России за это время: русско-японская война, революция 1905 года, мировая война, февральская революция, октябрьская революция и установление диктатуры пролетариата. В свете последних событий весьма поучительно припомнить историю нашей партии для того, чтобы судить о правильности ее тактики и причинах сравнительной быстроты завоевания политической власти, вслед за февральской революцией. Это в свою очередь может оказать помощь в понимании теории и практики рабочего движения вообще.

Марксизм, как мы видели, появился в России на революционной арене в 80-х годах, т.-е. в тот момент, когда вся она была заполонена народниками. Заявлявшие себя преемниками «Народной воли» (хотя им и далековато было до народовольцев), вписавшей блестящую страницу в историю русского революционного движения 70-х годов, «восьмидесятники» не только не хотели думать о том, чтобы предоставить руководящую роль на этой арене «новичку и пришлецу»—марксизму, но не собирались даже потесниться, чтобы предоставить ему место. Поэтому вполне понятно, что марксизм, пересаженный на русскую историческую почву в определенную эпоху, при определенных сложившихся соотношениях общественных сил и классов, волею судеб должен был не только «теснить» народничество, но и откалывать от него наиболее пригодные элементы. Эти элементы (революционные, конечно) нужны были воинствующему марксизму для того, чтобы создать проводников марксистского сознания в среду рабочего класса. «Социализм, как учение столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедноты и нищеты масс; но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть на основе глубокого научного знания: Носителем же науки является (в капиталистическом обществе Ф. К.) не пролетариат, а буржуазная интеллигенция. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне принесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее» (Каутский). «Стихийное развитие рабочего движения идет, именно, к подчинению его буржуазной идеологии, ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией». (Ленин). Вполне понятно поэтому, что марксизм должен был первоначально завербовать себе сторонников из имеющегося уже на революционной арене России материала—революционной интелли-

генции. Полемика марксизма с народничеством, не прекращавшаяся почти в течение 15 лет, была борьбой не только за первенство рабочего класса в революции, она была одновременно и борьбой за живые действительно революционные силы, находившиеся под влиянием народничества и в его недрах. Яркие подтверждения этому можно найти в воспоминаниях и записках участников тогдашнего зарождавшегося движения. И руководители русского марксизма справились с этой первой, наиболее трудной, но и основной задачей. Вот в этом заключается огромная перед рабочим классом России заслуга Группы Освобождения Труда.

Затем наступает второй период в истории нашей партии. Он падает на то время, когда отделение активных элементов (что не исключает, конечно и, привлечения новых) от прежних революционных сил было произведено. Тогда начинается борьба за массы. Борьба за массы в условиях сначала чисто стихийного, а затем полустихийного, полусознательного движения неизбежно должна носить отпечаток известной элементарности приемов и тактики. Специфическая агитация этого периода в полном об'еме носит на себе этот отпечаток. Агитация на конкретных примерах, борьба за повседневные нужды рабочих, а через эту борьбу постепенное сплочение рабочего класса в мощную дисциплинированную армию, в мелких стачках накопляющую опыт для генерального сражения с самодержавием и капитализмом, вот та линия, вдоль которой развивалось движение. И всякое уклонение от этой линии вправо, или влево неизбежно должно было вызвать, либо победу стихийности над сознательностью, либо отрыв от масс, а следовательно подмену сильной партии класса небольшой горсточкой «героев», размахивающих картонным мечом перед носом «чудища—самодержавия». Результат первого случая—порабощение пролетариата буржуазии, эволюция его до придатка буржуазной политики; превращение трагедии в пошленький фарс—во втором случае. И то и другое для партии грозило бы гибелью, а следовательно и уничтожением классовой политики пролетариата, упрочением буржуазного влияния на рабочий класс, обреченный в перспективе на годы долгого прозябания под «отеческой» опекой царя и буржуазии.

А даже самый поверхностный взгляд, брошенный на историю партии в третий период ее развития, заметит этот опасный уклон вправо. Стихийное рабочее движение, также стихийно идущее на путь тред-юнионизма, встречало не противодействие со стороны части социал-демократии, а наоборот—даже подталкивание. Вот тут и сказалось знаменитое «принижение сознательности вожаков» движения. Вина была не рабочей массы, которая стихийно, ничего иного кроме тред-юнионизма выработать не могла, а вина «вожаков», которые плохо осмыслив Маркса, но за то хорошо усвоив проповеди г. г. Струве, Булгаковых и др. предпочли за чечевичную похлебку продать революционное первородство рабочего класса. Нас не должна, поэтому удивлять та запальчивость и горячность со стороны «стариков», предпринявших поход против «экономизма». Они сразу заметили опасность борьбы за «реальные» улучшения без притязаний на самостоятельные выступления за политическую свободу. Слишком уж жирный подарок подносили буржуазии Кускова и К°, в «муках стихийности» родившие приобревшее столь худую славу «Кредо». И понятно, почему чуть ли не другой день, после появления этого «дитяти», прижитого от «законного» союза стихийности и несознательности—тов. Ленин во главе 17 представителей революционной части социал-демократии

резко протестовал против этого катехизиса «копеечки на рубль». Борьба шла на жизнь и смерть. Вопрос ставился резко. Быть или не быть в России самостоятельному рабочему движению; пойдет ли рабочий класс своей дорогой, или в хвосте либеральной буржуазии? От этого зависила судьба не только самодержавия, но и судьба капитализма. Но, как видно, русский капитализм родился в «плохую для него пору». Русский рабочий класс был выведен революционной социал-демократией на широкую арену политической борьбы. Он понял, что без политической власти для него нет экономической свободы. И уже через три года он дал первый бой самодержавию в революции 1905 года, которая была прологом к диктатуре пролетариата.

Ф. Козлов.

ЗАРОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ и ЕГО ПЕРВЫЕ ШАГИ.

I.

Первые заводы и фабрики стали появляться в России в начале XVIII столетия, когда Петр I, нуждаясь в оружии для созданной им армии, в сукнах и в других тканях для обмундирования ее, начал покровительствовать учреждению горных и оружейных заводов, суконных, полотняных и парусиновых фабрик. Чтобы облегчить создание их, правительство само строило и оборудовало фабрики и заводы, а потом передавало их частным лицам или снабжало лиц, желающих открыть промышленные предприятия, деньгами, инструментами и рабочей силой, выписывало для них из-за границы искусных мастеров, освобождало владельцев фабрик и заводов от уплаты разных податей. Чтобы обеспечить сбыт изготовляемых товаров, правительство давало фабрикантам крупные казенные заказы, устанавливало высокие таможенные пошлины на товары ввозимые из-за границы, совершенно запрещало ввоз некоторых товаров,—напр., шерстяных материй,—представляло отдельным фабрикантам монополию производства, т.-е. запрещало кому бы то ни было выделывать те товары, которые изготовлялись этими фабрикантами. При помощи таких покровительственных мер Петру удалось достигнуть того, что ко времени его смерти в России существовало уже 233 казенных и частных фабрик и заводов.

Труднее всего для правительства и предпринимателей было обеспечить эти фабрики и заводы рабочей силой. В то время еще не существовало машин, и вся работа производилась руками при помощи самых несложных инструментов и приспособлений. Необходимо было снабжать фабрики и заводы достаточным количеством знакомых с делом рабочих, а это было очень нелегко, так как все сельское население состояло из частновладельческих и государственных крепостных и было вследствие этого прикреплено к земле, население же городов отличалось немногочисленностью и состояло, главным образом, также из крепостных. В виду этого правительство, чтобы обеспечить фабрики и заводы рабочей силой, посылало для работы на них преступников, нищих, бродяг, приписывало к ним как отдельных крепостных людей, так и целые села, разрешило предпринимателям покупать для своих фабрик и заводов крепостных и, наконец, в 1736 г. объявило что все свободные люди, попавшие на фабрики по вольному найму, должны «вечно» оставаться на них.

Таким образом, в XVIII веке громадное большинство рабочих на наших фабриках и заводах было на всю свою жизнь прикреплено к ним и не имело права ни уйти от своих хозяев, оставив работу, ни переменить их.

Положение дел меняется лишь в начале XIX века, когда у нас возникают новые отрасли фабричного производства, и когда некоторые из них,—напр., хлопчатобумажная промышленность,—получают значительное развитие. Если на прежних фабриках преобладал принудительный труд, а вольнонаемные рабочие составляли сравнительно незначительное меньшинство, то теперь главную роль в производстве начинает играть труд наемный. Однако, этот наемный труд не был трудом свободным, так как большинство рабочих продолжало состоять из крепостных, отпущенных помещиками на оброк, т.-е. выплачивающих им взамен обработки их земли назначенную ими сумму денег и обязанных по первому требованию помещиков возвратиться на работы в их имения. Таким образом, эти вольнонаемные рабочие, поступая на фабрику, не переставали быть прикрепленными к земле своих помещиков и оставались крестьянами, лишь временно покинувшими земледельческие работы. Работающие на фабриках и заводах крепостные рабочие были в полном смысле слова рабами своих хозяев. Они находились в полном распоряжении предпринимателей, которые по своему усмотрению определяли условия труда, назначали заработную плату, производили вычеты из заработка, накладывали штрафы, определяли продолжительность рабочаго времени. Фабриканту принадлежало право без суда наказывать «домашним порядком» своих мастеровых за плохую работу и недостаточное прилежание и даже, как преступников, ссылать в Сибирь. Всякое неповиновение, оказанное рабочими их владельцу или его управляющему, приравнивалось к восстанию против правительства и наказывалось тюрьмой и каторжными работами.

При таких условиях русские фабрики и заводы в XVIII веке и в первой половине XIX века мало чем отличались от тюрем, где заключенных заставляют заниматься трудом. Поэтому немудрено, что они внушали ужас населению, что никто не хотел по доброй воле идти на них и что нанявшийся на работу считался человеком пропащим.

Один из первых русских эмигрантов, заочно приговоренный царским судом к смертной казни за участие в деле декабристов, Н. И. Тургенев, вспоминая о русских фабриках и заводах, писал: «Я помню, с каким ужасом говорили об этих заведениях крестьяне,—они говорили: «в этой деревне есть фабрика», с таким выражением, как если бы хотели сказать: «в этой деревне—чума».

II.

Происшедшее в 1861 г. освобождение крестьян от крепостной зависимости оказало большое влияние на развитие русской фабрично-заводской промышленности, обеспечив ее достаточным количеством рабочей силы. Вследствие незначительных размеров участков земли, полученных крестьянами при освобождении, в деревне быстро развилось малоземелье. Малая величина наделов повела к тому, что земля не могла прокормить и обеспечить существования всего населения деревни. Под влиянием этого, толпы крестьян стали покидать свои избы и пашни и отправляться в города, на фабрики и заводы, в поисках за работой. Таким образом было устранено одно из глав-

ных препятствий роста и развития русской промышленности,—недостаток рабочих рук. Последствия этого не замедлили проявиться: фабрично заводская промышленность стала быстро развиваться.

В 1862 г. в России насчитывалось 11.810 фабрик и заводов, через 25 лет, в 1887 г., их было уже 16.723, т.-е. за это время число их возросло почти на 40%. Общая стоимость товаров, производимых этими фабриками и заводами, повысилась за эти 25 лет с 247.614 тысяч руб. до 910.472 тыс. руб., или, другими словами, более, чем в $3^1/_2$ раза.

Одновременно с этим возросло и число фабричных рабочих: в 1863 г. оно равнялось 357.835, а в 1887 г. достигло 656,932, т.-е. увеличилось почти на 85%. Но не только возросло число рабочих,—изменился вместе с этим и самый характер труда. Освободившись от власти помещика, крестьянин получил возможность по своему усмотрению располагать своей судьбой. Он знал теперь, поступая на фабрику, что останется на ней для работы до тех пор, пока захочет сам, а не до тех пор, пока ему позволит помещик, как было раньше. Много крестьян навсегда оставляло свои деревни и переселялось в города, навсегда бросало земледельческий труд и шло работать на фабрики. Так постепенно образовывался в России пролетариат, как особый класс общества, живущий исключительно своей работой и не имеющий никакого имущественного обеспечения.

Принудительный труд крепостного мастерового был заменен свободным трудом наемного рабочего, свободным в том смысле, что с этих пор рабочий, по закону не был более привязан к тому предприятию, в котором он работал, и имел право в любое время переменить одного хозяина на другого. Однако, свободный по закону, рабочий далеко не был в действительности свободным человеком, так как, поступив на фабрику, он попадал в полную зависимость от своего хозяина. Те тысячи крестьян, которые шли из деревень в города и становились фабрично-заводскими рабочими, подвергались самой безчеловечной эксплоатации со стороны предпринимателей. В то время почти не существовало еще законов, которые хотя бы отчасти защищали интересы рабочих, а те немногие законы, которые имелись, никогда и никем не исполнялись. Произволу предпринимателей не было поставлено никаких границ, и они имели возможность до конца использовать ту власть, которую им давали их капитал и необходимость для рабочих примириться с самыми тяжелыми условиями труда, лишь бы не потерять места и последнего куска хлеба.

III.

Немудрено поэтому, что условия, в которых приходилось жить и работать освобожденному от крепостной зависимости рабочему, почти ничем не отличались от условий, в которых он жил и работал до реформы 1861 г. Продолжительности рабочего времени не было поставлено границ. Обычно работа на большинстве фабрик и заводов продолжалась не менее 12—14 часов в сутки, но во многих предприятиях рабочий день был значительно больше, достигая 16—18 часов. Самым обычным явлением была работа по ночам, а на многих фабриках и заводах она не прерывалась и по праздникам и воскресеньям. Рабочее время было одинаково, как для взрослых

рабочих, так и для женщин и детей, напр., в Петербурге на некоторых фабриках дети от 8 до 10 лет работали по 14 часов в сутки.

Вообще законом не было установлено возраста, до которого дети не могли бы поступать на фабрики. Во многих предприятиях можно было встретить детей-рабочих в возрасте 8—10 лет, а иногда и моложе; так, на рогожных фабриках в Москве фабричная инспекция обнаружила малюток не старше 3 лет от роду, работавших вместе со своими родителями.

Еще в 1845 г. был издан закон, запретивший назначать на ночные работы детей моложе 12 лет. Однако, никаких наказаний за нарушение этого закона установлено не было, равно как не существовало никакого надзора за соблюдением его фабрикантами. Понятно, что при таких условиях с этим законом никто не считался и что на самом деле на фабриках по ночам работали и дети моложе 12 лет.

Отношения хозяев к рабочим были проникнуты крайним произволом. Фабриканты считали себя в праве, вопреки закону, воспрещавшему понижать заработную плату до истечения срока найма, уменьшать ее в любое время по своему усмотрению. По самым разнообразным поводам на рабочих налагались штрафы, которые поступали в полное распоряжение предпринимателей. Общая сумма их достигала на многих фабриках несколько тысяч и даже десятков тысяч рублей в год и составляла изрядную статью дополнительного дохода фабрикантов. Поводы к наложению штрафов были самые разнообразные. Фабриканты штрафовали рабочих за «сборище нескольких человек в одну кучку», за пение песен, за перелезание через фабричный забор и т. п. Штрафы служили фабрикантам средством на законном основании уменьшать условленную заработную плату и иногда достигали 40% заработка рабочего. Той же цели служило установление обязанности рабочих покупать все необходимые для них продукты в фабричных лавках, где цены на все товары бывали обычно выше рыночных. Некоторые фабриканты получали поэтому от лавок не меньший доход, чем от самих фабрик.

Сроки найма обычно фабрикантами не соблюдались, и они без всякого предупреждения отказывали от места тем рабочим, которыми были недовольны, не дожидаясь окончания найма. Сроки выдачи рабочим их заработка определялись всецело произволом предпринимателей. Иногда они выдавали заработную плату 2 или 3 раза в год, а иногда заработанные деньги совсем не выдавались рабочим на руки до истечения года. Вообще рабочим приходилось выпрашивать у фабриканта свой заработок, как особою милость.

Санитарные и гигиенические условия жизни и работы на фабриках были ужасны: работать приходилось в сырых, душных и тесных казармах, жить в подвалах, в лишенных света каморках.

Таким образом, если освобождение крестьян от крепостной зависимости заменило принудительный труд на фабриках и заводах трудом рабочих, поступающих на работу по личному своему желанию и свободному, якобы, и равноправному договору с предпринимателями, то на положении рабочих это почти не отразилось: попрежнему предприниматель оставался неограниченным повелителем, по своему произволу устанавливающим условия труда; попрежнему рабочий обязан был безпрекословно повиноваться

новаться его распоряжениям. Хотя условия найма определялись теперь взаимным соглашением сторон, однако, на деле рабочий, предоставленный своим силам, не имеющий ниоткуда поддержки, всегда бывал стороной слабейшей, вынужденной принимать все условия, предлагаемые ему фабрикантом, как бы тяжелы они ни были.

IV.

Как ни тяжелы были условия жизни, в которых находились крепостные рабочие, правительству и предпринимателям не удалось совершенно подавить в них личность и заставить безропотно примириться с этими условиями. С тех пор, как появились в России первые фабрики и заводы, началась и борьба рабочих против предпринимателей. Эта борьба отличалась чрезвычайным упорством и на отдельных фабриках и заводах продолжалась десятками лет; и только войскам, присылаемым правительством на помощь предпринимателям, удавалось подавить волнение и заставить рабочих приняться вновь за работу. Но это не прекращало борьбы, а лишь на-время приостанавливало ее: проходило несколько лет, и вновь на усмиренной фабрике вспыхивали волнения. Обычно волнения начинались с того, что рабочие требовали от хозяев или сокращения рабочего времени, или увеличения заработной платы, или улучшения условий труда. Хозяин отказывал, и тогда рабочие посылали ходоков к властям: к губернаторам, министрам и даже к царю, чтобы просить у них защиты против эксплоатации предпринимателей. Обычно из таких ходатайств ничего не выходило: власти открыто становились на сторону хозяев. Отчаявшись получить помощь от правительства, рабочие бросали работу, нередко при этом избивая фабричную администрацию и уничтожая фабричное имущество. Перепуганные хозяева спешили за помощью к властям. На место волнений присылались команды солдат, которые жестоко расправлялись с рабочими, подвергали их телесным наказаниям, арестовывали, зачинщиков ссылали в Сибирь. Однако, все эти меры не приводили к желательным для властей и предпринимателей результатам: фабрики и заводы оставались постоянными очагами недовольства и брожения, и правительство стало смотреть на рабочих как на людей, опасных для общественного порядка. В 1848 г., когда русское правительство было встревожено вспыхнувшим повсюду в Западной Европе революционным движением, оно начало с опасением глядеть на скопление в больших городах массы рабочих. Московский генерал-губернатор подал царю обширную записку, в которой, указывая на то, что в Москве насчитывается до 36 тысяч рабочих, писал: «Для охранения тишины и благоденствия, которыми в настоящее время наслаждается одна Россия, правительство не должно допускать скопления бездомных и безнравственных людей, которые легко пристают к каждому движению, разрушающему общественное или частное спокойствие». В виду этого, он предлагал воспретить устройство в Москве новых фабрик. Однако, это предложение вызвало недовольство среди московских фабрикантов и не осуществилось.

V.

С падением крепостного права борьба рабочих с предпринимателями не только не прекратилась, но вспыхнула с новой силой. Тяжелые условия труда необходимо должны были вызвать волнения среди рабочих, побудить их протестовать против

произвола предпринимателей и стремиться к облегчению своего положения. И действительно, такие попытки со стороны рабочих начались вскоре после освобождения крестьян. Уже в 1865 году возникли волнения среди рабочих в Орехове-Зуеве В 1870 году возникли стачки в Петербурге, среди портных и на Невской бумагопрядильне, где рабочие пред'явили требования о повышении заработной платы, прекратили работу и подали полицеймейстеру жалобу на администрацию. Сведения об этой стачке проникли в газеты, которые стали писать о ней, как о небывалом до тех пор в России явлении, и заговорили о нарождении у нас рабочего вопроса. Большое впечатление эта стачка произвела и на правительство. Забастовавшие рабочие были преданы суду, который приговорил 53 человек к аресту на три дня, а четырех депутатов, подававших полицеймейстеру жалобу, как зачинщиков, к аресту на 7 дней. Министр внутренних дел поспешил издать циркуляр, в котором предписал полиции «при первом известии о стачке рабочих на каком-либо заводе или фабрике, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении главных зачинщиков между рабочими высылать таковых в одну из назначенных для того губерний».

Такие меры борьбы против стачки не могли, однако, достичь цели. Стачки продолжались, и не проходило года без того, чтобы, то там, то здесь не вспыхивали рабочие волнения и забастовки.

В 70-х годах большинство стачек носит оборонительный характер. Обычно они возникают в виде протеста против неправильных действий администрации или ее попыток усилить эксплоатацию рабочих: рабочие начинают забастовку, не соглашаясь на об'явленное предпринимателями увеличение рабочего времени или понижение расценок. Много стачек было вызвано неправильностями в выдаче заработной платы и особенно наложением на рабочих громадных и произвольных штрафов и вычетов. Иногда рабочие заявляют требования об удалении тех или других лиц из состава администрации, возбудивших против себя негодование рабочих своими притеснениями и придирками.

Забастовки отличаются малой организованностью: очень редко рабочие пред'являют администрации подробно разработанный список своих требований. Часто между самими рабочими происходят разногласия: одни настаивают на одних требованиях другие—на других. В связи с этим все стачки 70-х годов носят стихийный характер. Рабочие приостанавливают работу, потеряв всякую надежду добиться улучшения своей участи иными путями. Часто, начав стачку, рабочие посылают ходоков к разному начальству жаловаться на притеснения хозяев и просить помощи. Элемент сознательности в этих стачках был еще очень мал, подобно тому, как он был мал в самих рабочих. Рабочие того времени, недавно еще расставшиеся с землей и часто не перестававшие мечтать о возвращении к ней, не в силах были сознать, что все они представляют собой особый общественный класс, имеющий общие интересы, независимые от того, на какой фабрике, кто из них работает, и непримиримые к интересам класса фабрикантов и заводчиков. Однако, сама жизнь учила их понимать свои интересы, и наиболее сознательные из них уже начинают задумываться о своем положении и верно оценивать его.

В конце 70-х годов в среде рабочих начинают проявляться первые проблески классового самосознания. В этом отношении характерны забастовки на Новой бумагопрядильне в Петербурге. Первая забастовка вспыхнула в 1878 г. из-за понижения расценок. Забастовавшие рабочие подавали жалобы в полицию, и градоначальнику, и, наконец, наследнику. Однако никто на их жалобы внимания не обратил, и вскоре часть их была арестована, остальные же стали на работу. В следующем году забастовка возобновилась. Но только на этот раз забастовавшие обращались за помощью не к властям, а к рабочим других фабрик и заводов. К забастовке примкнули рабочие Нарвской бумагопрядильни, приславшие на Новую бумагопрядильню выборных, чтобы совместно выработать общие требования. Волнение передалось и на другие фабрики. На некоторых из них предприниматели поспешили сделать своим рабочим уступки, чтобы предупредить забастовку. Власти решили подавить стачку силой, и это им удалось лишь после того как ряд рабочих был арестован и выслан из Петербурга, а малолетние забастовщики подвергнуты телесному наказанию.

Во все время забастовки рабочие фабрик, продолжавших работать, оказывали забастовавшим денежную поддержку, доказывая этим, что в них начало пробуждаться сознание общности интересов всего рабочего класса.

VI.

Мы видели, что во время забастовок на Новой бумагопрядильне полиция оказывала деятельное содействие фабрикантам. За рабочими устанавливалось наблюдение, чтобы обнаружить «зачинщиков» и «подстрекателей» к забастовке; рабочих арестовывали, ссылали, подвергали телесным наказаниям; все их просьбы и жалобы на предпринимателей оставались без ответа. Так было при всех забастовках. Всегда полиция, узнав о начавшейся стачке, спешила притти на помощь фабрикантам, так как видела в стачке опасность для общественного спокойствия и государственного порядка.

В 1879 г. во время стачки на фабрике Дитя в Московском уезде пять «зачинщиков» были высланы в северные губернии. В следующем году, когда из-за незаконного понижения администрацией заработной платы вспыхнула забастовка на фабрике Хлудова в Ярцеве, были вызваны войска, арестовавшие и выславшие этапным порядком на родину 800 рабочих.

В 1875 г. на постройке Оренбургской жел. дор. забастовали 800 рабочих; все они были подвергнуты телесному наказанию, а 15 человек высланы в Архангельскую губернию. Иногда между забастовщиками и войсками, вызванными для их усмирения, происходили столкновения.

В 1872 г. во время забастовки на Кренгольмской мануфактуре рабочие, пытавшиеся освободить своих делегатов, избранных для переговоров с губернатором и им арестованных, стали бросать камнями в оцепившие их войска. Произошло столкновение, после чего несколько рабочих были арестованы.

Не только местные власти, но и центральное правительство находило нужным силой бороться против забастовок. Мы говорили уже о том, что в 1870 г. министр внутренних дел издал циркуляр, предписывавший без суда высылать зачинщиков стачек. В 1874 г. был опубликован закон, по которому виновные в принадлежности к

сообществу, имеющему целью возбуждение вражды между хозяевами и рабочими, а равно в подстрекательстве к устройству стачек карались тяжелыми наказаниями вплоть до лишения всех особых прав и преимуществ и ссылки в Сибирь. В 1878 г. полиции и жандармам был предоставлен свободный доступ на все фабрики и заводы во всякое время дня для производства обысков и арестов. Мало того: в 1880 г. предпринимателям было предоставлено право учреждать на своих заводах и фабриках особые полицейские должности, а генерал-губернатор Юго-Западного края в 1879 г. издал обязательное постановление, которым возложил на фабрикантов обязанность под страхом наложения денежных штрафов наблюдать «за недопущением в среду рабочих распространителей вредных политических учений», а в случае появления их задерживать и доносить полиции.

VII.

Репрессивные меры правительства не могли задержать развития рабочего движения. В начале 80-х годов число стачек увеличивается. За 6 лет, с 1881 по 1886 г., можно насчитать до 48 стачек, с более чем 80 тыс. участников; но сюда вошли не все бывшие в те годы стачки: о многих из них не проникло в печать никаких сведений.

Это увеличение числа стачек было вызвано тем, что русская промышленность в начале 80-х годов переживала полный застой. Целый ряд фабрик и заводов вследствие переполнения рынка товарами, стал сокращать размеры производства и распускать рабочих. Так, напр., в Петербурге, на огромном заводе Берда, где прежде работало 3—4.000 человек, теперь осталось 1.000, на Александровском заводе вместо 800 осталось 350 рабочих, на Сампсониевском заводе—вместо 1.200—1.500 чел. только 450 чел., на заводе Нобеля—вместо 900—1.200—около 600 чел. Вообще обороты петербургских заводов сократились почти наполовину. То же самое происходило в центральном промышленном районе, при чем особенно сильно пострадали мелкие фабрики, часть которых совершенно закрылись. Оставшиеся фабрики сократили размер заработной платы или старались достигнуть уменьшения ее путем увеличения штрафов, которые были доведены до величайшей строгости.

В Варшаве в 1882 г. насчитывалось до 20 тыс. безработных. Вообще положение рабочих в эти годы, вследствие падения заработной платы и вызванного неурожаями повышения цен на хлеб, было настолько тяжело, что многие из них, совершенно отвыкшие от земледелия, принуждены были вернуться в деревню и взяться за соху. Это же ухудшение положения рабочего класса привело к тому, что, несмотря на полную невозможность найти работу в другом месте, так как все фабрики тяготились даже наличным числом рабочих, забастовки все же были явлением весьма частым. Надо при этом сказать, что обычно забастовки вызывались притеснениями администрации и носили оборонительный характер: об'явив забастовку, рабочие протестуют против понижения расценок или против все возрастающих штрафов, которыми предприниматели хотели покрыть убытки, понесенные ими вследствие промышленного застоя. Иногда бастующие рабочие добиваются смены мастеров, притесняющих их непомерными штрафами и вычетами из заработной платы.

VIII.

Стачки начала 80-х годов не только отличались многочисленностью участников, но и выливались в весьма острые формы, сопровождаясь насилиями над администрацией, разгромом фабричных помещений и столкновениями с войсками и полицией. В 1882 г., во время стачки на громадной Жирардовской мануфактуре около Варшавы, вызванные войска открыли огонь по стачечникам: 3 были убиты, и 15 ранены. Тем не менее стачка продолжалась, пока администрация, испуганная возраставшим волнением среди рабочих, не была вынуждена согласиться на все требования бастующих. В 1884 г. забастовавшие рабочие Вознесенской мануфактуры в Дмитровском уезде, разгромили часть фабричного имущества и избили одного из директоров; были вызваны войска, при помощи которых 115 рабочих были арестованы и высланы на родину. В 1885 г. разгромы фабричного имущества были произведены во время стачек на Морозовской мануфактуре в Твери, Никольской мануфактуре в Орехове-Зуеве и на фарфоровом заводе Кузнецова в Тверской губ.

Однако, на-ряду с подобными проявлениями резкого классового возмущения в начале 80-х годов в нашем рабочем движении замечаются первые признаки большей организованности в стачечной борьбе, чем в 70-х годах, и более сознательного формулирования бастующими своих требований. Развиваются, вместе с тем и солидарность в рядах пролетариата, и сознание общности классовых интересов.

Стачка евреев-ткачей в Белостоке в 1882 г. происходила при организованной поддержке небастовавших рабочих, обложивших себя сбором в пользу бастующих товарищей и бойкотировавших их места. Когда в том же году жандармы привлекли к судебной ответственности за забастовку 11 рабочих александровских железнодорожных мастерских, то остальные стачечники, в числе 200 человек, явились в камеру мирового судьи, требуя, чтобы и их судили вместе с товарищами.

В 1885 г. в Иваново-Вознесенске по взаимному соглашению одновременно забастовали рабочие пяти крупных фабрик. Происшедшая в том же году стачка на заводе Кузнецова, в Тверской губернии, была подготовлена на тайном собрании рабочих; арестованные полицией «зачинщики» были освобождены из-под ареста толпой бастующих. Особенно же организованно протекла знаменитая морозовская стачка на Никольской мануфактуре Морозова в Орехово-Зуеве в 1885 г. Эта забастовка привлекла внимание общества к рабочему вопросу и заставила правительство предпринять некоторые шаги к улучшению положения рабочих. Самой стачке предшествовала агитационная деятельность рабочих Моисеенко и Волкова, первый из которых принимал участие в стачке на Новой бумагопрядильне в Петербурге в 1878 г. и был выслан в Енисейскую губ. на $1^1/_2$ года за «принадлежность к тайному политическому обществу». План забастовки был выработан на предварительных собраниях наиболее влиятельных рабочих. Поводом к забастовке послужили громадные штрафы, налагаемые на рабочих; эти штрафы достигали 300 тысяч руб. в год и иногда составляли до 40% выдаваемой рабочим заработной платы. Общее количество забастовавших рабочих достигало 8 тысяч. Моисеенко и Волков все время удерживали бастующих от насильственных действий, стремясь придать стачке как можно более организованный характер, но это не всегда удавалось им,—так велико было озлоб-

ление рабочих против администрации. Рабочие разгромили фабричную контору и харчевой магазин, повыбили стекла в фабричных корпусах и квартирах администрации. В ответ на это были вызваны войска, и приехал губернатор. Во время об'яснения последнего с толпой Волков передал ему тетрадь с требованиями рабочих, но был тут же арестован вместе с другими выборными. Рабочие бросились отбивать арестованных, разгромили помещение, в котором они находились, и освободили большинство из них; Волкова освободить не удалось. На следующий день прибыли еще войска, и началась расправа с забастовщиками: около 800 чел. были высланы на родину, 33 чел. были арестованы и преданы суду. Однако, суд большинство из обвиняемых оправдал. Моисеенко и Волков были без суда, административным порядком, сосланы в северные губ. При помощи этих мер властям удалось добиться прекращения забастовки; тем не менее, эта забастовка имела важные последствия: тетрадь, переданная Волковым губернатору и заключавшая в себе подробно разработанные требования рабочих, послужила материалом для изданного вскоре закона 3 июня 1886 г.

IX.

Как мы видели, вначале правительство рассчитывало бороться против забастовок исключительно при помощи репрессивных мер. Однако, вскоре ему пришлось убедиться, что этими мерами достичь ничего нельзя. Несмотря на все строгости и насилия, забастовки не только продолжались, но и становились более частыми и выливались в более острые формы. Поэтому правительство сочло нужным сделать некоторые уступки рабочему классу и ограничить наиболее вопиющие злоупотребления капиталистов.

Первый закон, касающийся условий труда на фабриках и заводах, был издан в 1882 г. Этим законом было запрещено допускать к работам детей моложе 12 лет, дети же от 12 до 15 лет должны работать не более 8 часов в сутки; ночные и праздничные работы для них воспрещаются. Для надзора за соблюдением предпринимателями этих правил была создана фабричная инспекция. Однако, на всю Европейскую Россию было назначено всего только 20 инспекторов. Понятно, что при таких условиях они не могли усмотреть за тем, что делается на всех фабриках и заводах; поэтому предприниматели не стеснялись открыто нарушать требования закона 1882 г.

Бурная волна стачек, пронесшаяся по России в начале 80-х годов, и в частности описанная выше морозовская стачка, заставила правительство обратить внимание на положение рабочего класса. Меньше чем через месяц по окончании морозовской стачки была образована особая комиссия под председательством Плеве, которая выработала правила о надзоре за фабриками и заводами и о взаимоотношениях предпринимателей и рабочих. 1 октября 1886 г. эти правила получили силу закона. Многие из требований, заявленных рабочими Морозовской фабрики и других бастовавших фабрик и заводов, были удовлетворены этим законом. Но наряду с этим закон 1886 г. содержал в себе некоторые правила, явно благоприятствующие фабрикантам и ставящие их в более выгодное положение, чем рабочих. Одновременно закон 1886 г. значительно усилил наказания за стачки. Если же принять во внимание, что предприниматели мало считались с этим законом и продолжали нарушать его, то ясно будет, что рабочему классу этот закон почти ничего не дал, и что

малейшее улучшение своей доли рабочим приходилось брать с боя, не надеясь на помощь властей и фабричных инспекторов.

Важно было лишь одно: это то, что первый шаг к улучшению участи рабочих был сделан правительством только потому, что к этому принудили его рабочие стачки и волнения. Рабочие почувствовали свою силу и поняли, что в борьбе против капитала они могут надеяться исключительно на свои собственные силы.

X.

70-ые годы прошлого столетия были временем, когда русские рабочие перестали быть бессознательной массой, интересующейся исключительно вопросом о куске хлеба. Опыт стачечной борьбы заставил их задуматься над существовавшими в то время в России порядками. Видя, что все жалобы и прошения, которые они подают властям, в расчете на то, что они, вникнув в их нужды и признав их дело справедливым, положат границы той эксплоатации, которой они подвергаются со стороны предпринимателей, ни к чему не ведут, что царь и его слуги всегда становятся на сторону сильного,—русский рабочий по-неволе начал задавать себе вопросы: Почему же это происходит? Почему власти обращают так мало внимания на его жалобы? Почему интересы предпринимателей им ближе и дороже, чем интересы трудящегося и эксплоатируемого большинства населения? Стараясь найти ответы на эти вопросы, наиболее сознательные рабочие начинают интересоваться политическими вопросами, знакомиться с литературой, в которой они надеются найти ответы на волнующие их сомнения,—сближаться с революционерами и социалистами.

Еще в 60-х годах некоторые кружки социалистически настроенной молодежи обратили внимание на фабричных рабочих и стали вести среди них агитацию. В 70-х годах сближение между передовыми и наиболее сознательными рабочими и социалистами становится теснее. Интеллигентная молодежь идет в рабочую массу, чтобы познакомиться с ее нуждами и условиями жизни. В конце 70-х годов народники, как называют социалистов того времени, основывают кружки из рабочих, доставляют им книги и нелегальные газеты, принимают деятельное участие в стачечной борьбе, помогая бастующим и советами, и сбором денег для поддержки стачек. С другой стороны, и сами рабочие,—конечно, наиболее развитые из них,—втягиваются в революционную работу, входят равноправными членами в социалистические кружки, отправляются вместе с социалистически настроенной молодежью для агитации в деревню, и, наконец, вместе с ними садятся, привлекаемые правительством к суду, на скамью подсудимых.

На происходившем в 1874 г. судебном процессе группы молодежи, известном под названием «процесса 50-ти», один из подсудимых, рабочий Петр Алексеев произнес речь, произведшую громадное впечатление.

Обрисовав ужасное положение, в котором находятся русские рабочие, и подчеркнув, что они тщетно надеялись на помощь со стороны правительства, Алексеев закончил свою речь пророческими словами:

«Русскому рабочему народу остается надеяться только на себя и ни от кого не ожидать себе помощи, кроме как от одной нашей интеллигентной молодежи: она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока подниместся мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

XI.

Агитация народников нашла для себя благодарную почву в среде рабочего класса, но сами народники не смогли использовать в полной мере этот свой успех. Дело в том, что они не придавали своей деятельности среди рабочих того значения, которое она могла иметь. Им была совершенно неясна та роль, которая выпадет на долю пролетариата в борьбе за переустройство жизни на социалистических началах. Они верили, что Россия и ее экономический строй будут развиваться совершенно иначе, чем страны Западной Европы, что нас минует капиталистический строй, и были убеждены, что у нас нет и не будет пролетариата, как общественнаго класса, каким он уже вполне сложился в то время в Западной Европе. Они верили и то, что в России, в силу своеобразия ее экономическаго развития, удастся легче, чем в других странах, осуществить социальный переворот, который даст ей возможность избежать все ужасы капиталистического строя и осуществить на деле более совершенные формы общественных отношений. В крестьянских общинах и артелях они видели зародыш этих форм и сообразно с этим считали русского крестьянина способным осуществить переход к этим формам. Поэтому всю свою революционную энергию они направляли в деревню, главные силы свои посвящали агитационной работе среди крестьян. Если же они, несмотря на это, обращались и к городским рабочим, то лишь в расчете на то, что рабочие, более знакомые с условиями жизни крестьян, чем они сами, будут деятельными и полезными агитаторами в деревне.

Была и другая причина малой успешности работы народников среди рабочих. Мечтая о социалистическом перевороте, они совершенно не обращали внимания на борьбу чисто-политического характера. Они с недоверием относились к демократическим учреждениям, которые уже существовали в то время в Западной Европе, и поэтому не придавали большого значения борьбе за осуществление в России политических свобод. Сознательные же рабочие иначе смотрели на дело. Вся их жизнь, все условия, в которых им приходилось бороться за улучшение своего положения, приводили их к мысли, что первый враг, которого надо уничтожить, это—самодержавие, что, добившись политических прав и свободы, рабочий класс в них получит могущественное орудие для дальнейшей борьбы против капитала. Такие мысли сами собой рождались в голове сознательных русских рабочих 70-х годов,—напр., у Петра Алексеева, как видно из вышеприведенной его речи. Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях «О русском рабочем в революционном движении» свидетельствует, что в конце 70-х годов «рабочее движение переросло народническое учение на целую голову».

XII.

Действительно, еще в 1875 г. на юге России возникла первая большая рабочая организация «Южно-Русский Рабочий Союз», поставившая ближайшей целью завоевание политической свободы. Члены этого союза считали, что социалистического переустройства общественных отношений легче всего добиться уже по завоевании политической свободы. Но эта организация вскоре распалась, так как большинство участников ее было арестовано.

Через 3 года, в конце 1878 года, в Петербурге из отдельных кружков рабочих сложилась рабочая организация, принявшая название «Северный Союз Русских

Рабочих». В первое же время после своего основания она насчитывала более 200 членов. Основатели ея имели в виду в будущем создать всероссийскую рабочую организацию. Во главе союза стояли слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин, оба люди весьма энергичные и развитые.

Свою программу союз изложил в воззвании «ко всем русским рабочим». Во главе своей программы союз ставил уничтожение существующего экономического строя, отмену частной собственности на землю и передачу всех средств производства и орудий труда рабочим артелям. В первую очередь союз находил необходимым добываться осуществления политической свободы, «так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса». Эта программа вызвала недовольство среди народников, которые находили, что политической борьбе в ней придается слишком большое значение. На нападки, которым подвергалась с их стороны программа союза, его основатели ответили письмом, помещенным в выходившей в то время нелегальной газете «Земля и Воля». В этом письме они писали: «Наша логика в данном случае кратка и проста. Нам нечего есть, негде жить, и мы требуем себе пищи и жилища; нас не учат ничему, кроме ругательств и подпалочного подчинения, и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать с умилением, как наши «державные» и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратьев по миру... Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, позволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды».

Северный союз просуществовал недолго. Тайным агентам полиции удалось проникнуть в его среду; многие члены союза, в том числе и Обнорский, были арестованы. Халтурин же вскоре всецело ушел в террористическую борьбу. Он решил во что бы то ни стало убить царя. Для этой цели он поступил слесарем в Зимний дворец. Несколько месяцев пришлось ему употребить на то, чтобы пронести во дворец и накопить достаточное количество взрывчатых веществ. Наконец, ему удалось заложить мину под царской столовой, и 5 февраля 1880 года последовал взрыв. Однако, Халтурину не повезло: в минуту взрыва царя в столовой не было. Халтурин бежал. Через два года он принял участие в убийстве свирепствовавшего на юге России прокурора Стрельникова, был арестован и повешен.

Так погиб один из первых русских рабочих, собственным умом дошедший до той мысли, до которой не могли додуматься чуждые жизни рабочего класса русские интеллигенты 70-х годов,—до мысли о необходимости организации чисто-рабочей партии, ставящей своей первой задачей борьбу против давящего все живое самодержавия и видящей в достижении этой задачи необходимое средство для облегчения дальнейшей борьбы,—борьбы за освобождение труда из-под власти капитала. Халтурин погиб, но его дело не могло погибнуть. Те мысли, которые владели им, были созданы самой жизнью, и поэтому рано или поздно они должны были возродиться.

XIII.

Возродить эти мысли и связать их с идеями научного социализма выпало на долю группы «Освобождение Труда», основанной в 1883 г. за границей 5-ю рус-

скими эмигрантами. Русский рабочий класс должен твердо запомнить их имена, как имена людей, показавших ему, к достижению чего он должен стремиться в своей борьбе, как имена людей, провозгласивших, что освобождение русского рабочего класса должно быть делом самих рабочих. Этими людьми были: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и вскоре умерший В. И. Игнатов. Основанная же ими группа была первой русской социал-демократической организацией.

Посмотрим же, в чем заключается то новое, что эта группа внесла в русское рабочее и революционное движение. Основатели этой группы в 70-х годах были народниками, т.-е. видели залог успеха социалистического движения в общинных устоях жизни русского крестьянства и недооценивали той роли, которую должен будет сыграть в этом движении рабочий класс. Несмотря на то, что многим из них приходилось вести пропаганду среди рабочих, они не могли отделаться от предрассудков народничества, не сумели понять его ошибок.

В конце 70-х годов среди народников произошел раскол. Одни из них, разочарованные тем полным неуспехом, который выпал на долю их революционной агитации среди крестьянства, отчаялись поднять его на борьбу с существующими общественными порядками и пришли к выводу, что «работать среди крестьянства—это то же, что биться об лед». В то же время преследования и казни, которым подвергало их самодержавное правительство, заставили их отказаться от своего прежнего взгляда на политическую борьбу, как на нечто второстепенное, неважное для народа. Поэтому они решили перейти к новым средствам борьбы, поставить своей задачей борьбу против самодержавия. Разочаровавшись в революционной роли крестьянства, они не видели в России никакого общественного класса, на который можно было бы опереться в этой борьбе. При таких условиях им приходилось рассчитывать только на свои силы, и они принялись составлять тайную партию из людей, готовых на эту борьбу,—партию, которая могла бы в решительную минуту нанести самодержавию последний удар и взять в свои руки власть для того, чтобы осуществить в России социалистический переворот. Партия, которая была ими основана, известна под именем «Народная Воля». Она прославилась героической борьбой, которую ей пришлось вести в 70-х годах и в самом начале 80-х против царского правительства, но и погибла в этой непосильной борьбе. Но не все народники вошли в эту партию. Часть их, к которой принадлежали и будущие основатели групп «Освобождение Труда», продолжала придерживаться старых народнических взглядов. Понимая, что дело «Народной Воли» обречено на неуспех, так как революционное движение только тогда может рассчитывать на победу, когда оно является делом не кучки заговорщиков, а массовым движением, они не вступили в ряды «Народной Воли»; а основали самостоятельную партию «Черный Передел». Однако, эта партия успеха не имела, вскоре была обнаружена царскими жандарами, и в 1880 г. руководители ее покинули Россию. За границей, обдумывая уроки, вынесенные ими из их революционной деятельности, и познакомившись с научным социализмом Маркса и Энгельса и с западно-европейским рабочим движением, они пришли к выводу, что истина действительно была на их стороне, когда они в спорах с народовольцами говорили, что революционное движение может победить только как движение массовое, но что одновременно с этим они делали страшную ошибку, возлагая все свои надежды на крестьянство

янство и просмотрев новую нарождающуюся в России революционную силу—русский пролетариат. Поняв это, они порвали со своим народническим прошлым и решили направить все свои усилия на создание в России рабочей партии, руководящейся в своей деятельности идеями научного социализма.

Б. Павлов.

ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА".

„Ближайшее знакомство с литературой „марксизма" покажет нашим социалистам, какого могучего орудия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя „пролетариев всех стран". Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами".

Плеханов. „Социализм и политическая борьба".

Как в З. Европе, так и у нас в России социалистическое движение должно было пережить детский, утопический период, прежде чем вступить на путь современного социализма. Но едва ли в какой-нибудь другой стране развитие научной социалистической мысли и современного социалистического движения было затруднено такими сложными и запутанными условиями, как у нас. В то время как в З. Европе самостоятельное рабочее движение возникает только после целого ряда буржуазных революций, утвердивших политическую свободу, в России сознательная борьба рабочего класса начинается под двойным гнетом капитала и докапиталистической формы государственного строя. С другой стороны, наиболее революционная часть образованного русского общества, так называемая русская интеллигенция, выступая на борьбу против существующего строя, не довольствуется уже буржуазными идеалами зап.-европейских революций. Опыт этих революций слишком хорошо показал, что одна только политическая свобода не приносит освобождения народным массам. Поэтому запоздалое русское революционное движение почти с самого своего зарождения подхватывает современные социалистические лозунги З. Европы, которые на почве отсталой экономической действительности перерабатываются в самобытные социалистические теории.

Неудивительно, что программы и теории старых русских социалистов оказываются так же далеки от современного социализма, как и все утопические учения З. Европы. Таков был и «самобытный» русский социализм 70-х годов, который известен под именем народничества.

Сами народники указывали на свое отличие от западно-европейских социалистов в том, что они ищут своих союзников, борцов за социализм не в рабочем классе, как в З. Европе, а в русском крестьянстве, которое, благодаря самобытным устоям русской экономической жизни—общинному землевладению, способно скорее всякого другого класса осуществить социалистический строй. Правда, первые опыты социалистической пропаганды в деревне (массовое хождение в народ 74 г.) дали ей неважные результаты. Крестьянин, который, по народнической теории, был насквозь пропитан социализмом, оставался равнодушен к этому учению. Но это не смущало народников. Они об'ясняли это равнодушие тем, что крестьянская община еще не достаточно высоко развилась, но дальнейшее развитие общины в будущем непременно

приведет к социализму. Задачей революционной партии народники считали поэтому устранение всех препятствий к сохранению и дальнейшему развитию общины и вообще всех самобытных устоев русской экономической жизни. Но это вовсе не значит, что народники хотели бороться за политическую свободу, за установление свободного и демократического государственного строя. Как и теперешние анархисты, они призывали к изгнанию и истреблению властей и захвату земли. Народная революция должна уничтожить государство, на развалинах которого сами собою возникнут вольные социалистические общины. Политическая же свобода без социального переворота оказала бы плохую услугу народу. Она открыла бы простор для капитализма, который приведет к разрушению общины. Таковы были взгляды народников-социалистов, лежавшие в основе их программы.

Первою большою организацией, которая усвоила эту народническую программу, было общество «Земля и Воля», сложившееся в 1876 г. Сначала это общество вело лишь мирную пропаганду социализма в деревне и согласно этой программе воздерживалось от всякой «политики». В то время, как народническая проповедь социализма не имела почти никакого успеха в крестьянстве, она скоро встретила к тому же большие препятствия со стороны правительства. Полицейские преследования, а потом и жестокие расправы с арестованными стали все более наводить народников на мысль о борьбе с правительством своими собственными силами.

Еще раньше, чем созрела эта мысль, зверства и издевательства над заключенными побудили отдельных лиц взяться за оружие, чтобы отомстить насильникам. За покушениями на жандармов, шпионов, губернаторов, скоро последовали вооруженные сопротивления при арестах. Правительство отвечало на это смертными приговорами, и, таким образом, борьба все более ожесточалась. Среди народников, отвергавших до сих пор всякую политическую борьбу, все более горячо стал обсуждаться вопрос: не должна ли социалистическая партия последовать примеру этих отдельных лиц и посредством систематического и организованного террора нанести решительный удар своему ближайшему врагу? От решения этого вопроса зависело направление всей деятельности партии. Разумеется, что правоверные народники, не поступаясь своей теорией, не могли мириться с террором. Вот, что писал по поводу происшедших покушений орган партии «Земля и Воля»:

«Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбой против существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ... Обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью—значило бы оставить свою прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной, временной.

«Такое направление нашей деятельности было бы великой ошибкой еще с другой стороны, со стороны тактики». «Самодержавие, поражаемое со всех сторон, падет, уступив место современному конституционному строю, который, как всякая конституция, выдвинет на первый план привилегированные сословия: помещиков, купцов, фабрикантов—всех владетелей капитала движимого и недвижимого, одним словом, буржуазию в экономическом смысле слова. В настоящее время они разрознены и потому бессильны. Конституционная же свобода,

как бы жалка она ни была, им-то во всяком случае, даст возможность сорганизоваться в сильную партию, первым делом которой будет провозглашение крестового похода против нас, социалистов, как своих опаснейших врагов».

Так смотрели правоверные народники на выдвинутый вопрос о борьбе с правительством. Они составляли пока большинство, и еще зимою 1877—1878 г. общество «Земля и Воля», обсуждая свой устав, с негодованием отвергло всякие предложения ввести в свою программу какие бы то ни было политические требования. Но когда осенью 1879 г. собрался очередный с'езд партии в Воронеже, число сторонников политической борьбы и террора было уже очень велико. Взгляды нового направления сводились к следующему:

«Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и по каким бы то ни было причинам оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем, эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет идейная борьба»*).

Из приведенных здесь взглядов сторонников и противников террора нетрудно заметить, что как те, так и другие, оставаясь народниками, противополагают социализм политической борьбе. Вопрос, который по разному решался двумя спорившими фракциями, ставился таким образом: социализм или политическая борьба? Одни, желая остаться верными социализму, отвергали всякую политическую борьбу, как смертный грех; другие, убедившись в неизбежности политической борьбы, отодвигали на задний план задачи социализма.

Обе фракции землевольцев не могли притти к соглашению, и вскоре после Воронежского с'езда «Земля и Воля» роскололась на две партии: «Народную волю», в которую вошли сторонники нового террористического направления, и «Черный Передел», к которому примкнули правоверные народники.

Приступив к террористической борьбе с правительством, «Народная Воля» открыла новую, блестящую эпоху революционного движения в России. Всем известен исход этой борьбы.

Удавшееся, наконец, покушение на Александра II вовсе не означало ни торжества социализма, ни падения самодержавия; напротив: оно обнаружило все бессилие революционной партии, которая в течение нескольких лет наводила ужас на правительство и своей геройской борьбой приковала к себе внимание всего мира. В решительную минуту эта партия стояла совершенно одинокой пред огромной силой правительства, которое быстро оправилось после первого смятения.

---

*) Так передает автор биографии Желябова Л. Тихомиров те мысли, которые развивал Желябов на липецком с'езде землевольцев-террористов. Эти взгляды Желябова встретили всеобщее одобрение и защищались террористической партией З. и В. на Воронежском с'езде. Народовольческая теория социального переворота при помощи захвата власти временным революционным правительством была разработана только позднее.

Убедившись, что за таинственным «Исполнительным Комитетом» «Народной Воли» не скрывается никакой серьезной силы, нет никакой широкой народной организации, правительство Александра III мало-по-малу старается свести на-нет все жалкие либеральные начинания так-называемой «эпохи великих реформ». Искажается суд присяжных, ограничиваются права земства, новым университетским уставом искореняется вольный дух учащейся молодежи, закрываются лучшие журналы и газеты, учреждается свирепая цензура, вводятся земские начальники. 80-е годы оставили по себе память, как эпоха худших времен самодержавия.

В то самое время, когда в Западной Европе растет и развивается социалистическое движение, когда во Франции, в Бельгии, Австрии возникают сильные рабочие партии,—у нас в России с начала 80-х годов наступает полный упадок всяких общественных движений, а к началу 90-х годов политическая жизнь под ударами реакции почти совершенно замирает.

Уцелевшие остатки «Народной Воли» уже не могут снова сорганизоваться в сильную партию и оказать какое нибудь противодействие всеобщей реакции. Напротив, с наступлением этой реакции сама «Народная Воля» неуклонно идет к своему разложению и, наконец, совершенно обессилив, сходит со сцены русской политической жизни.

«Народная Воля» потерпела поражение, потому что она не была поддержана народным движением. Но на эту опасность, как мы видели, указывали еще сами народники, боровшиеся против возникающего террористического направления, когда они говорили, что «с борьбой против существующего порядка терроризация не имеет ничего общего», и, что «разрушить систему может только сам народ». И однако же полный упадок «Народной Воли» об'ясняется вовсе не тем, что она отступила от программы правоверного народничества. Лучшим доказательством того служит судьба другой народнической партии, которая в противоположность «Народной Воле», стремилась отстоять идеи народничества во всей их чистоте.

Одним из самых горячих защитников чисто-народнических взглядов на Воронежском с'езде землевольцев выступил Г. В. Плеханов, редактор «Земли и Воли». Он страстно отстаивал старую землевольческую программу, доказывая, что террор совершенно не совместим с задачами широкой агитации в народе. Когда же с'езд большинством голосов решил оказать поддержку террористам, он вышел из общества «З. и В.», заявив, что «не желает иметь ничего общего с изменниками народному делу».

Приехав после с'езда в Петербург, Плеханов встречается здесь с другими членами «Земли и Воли», прибывшими из-заграницы: Л. Дейчем, Л. Стефановичем и В. И. Засулич, которые также оказываются сторонниками прежней народнической программы. Через месяц после с'езда группа единомышленников окончательно выделяется в партию: «Черный Передел» и приступает к изданию своей газеты под тем же названием.

Эта партия чистых и последовательных народников просуществовала недолго и успеха не имела. Первый же номер газеты «Черный Передел», изданный в России был арестован в январе 1880 г. в тайной типографии партии. Арестованный по этому делу Жарков*), работавший в типографии партии, выдал своих товарищей. Редактор

*) Впоследствии он был убит народовольцами, как предатель.

газеты Плеханов вместе с другими чернопередельцами, спасаясь от преследований правительства, бежит за-границу, в Женеву, куда переносится издание «Черного Передела».

За время (1879—1881), в течение которого были изданы все 4 номера этой газеты, взгляды заграничной группы чернопередельцев подверглись значительному изменению. «Опыт скоро показал нам», рассказывает Плеханов *), «что идея хождения в народ, еще так недавно и так сильно увлекавшая наших молодых революционеров, утратила всякую серьезную власть над их сердцами. Очень значительная часть революционной молодежи сознательно становилась на сторону террористов и разделяла их мысль о том, что деятельность в крестьянстве, при существующих у нас политических условиях, заранее осуждена на полное бесплодие». Этот опыт революционного движения сильно поколебал веру чернопередельцев в жизненность и непогрешимость народнической теории и прежде всего того убеждения, что социализм несовместим с «политикой».

Решающее влияние на выработку новых взглядов заграничной группы оказало основательное знакомство с теорией и практикой современного социализма в З. Европе. Плеханов был знаком с учением Маркса еще раньше, когда он работал в партии «Земля и Воля». В своей статье в 3 и 4 №№ Земли и Воли», под заглавием: «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», формулируя народническую программу, он указывает на важное значение учения Маркса, в исторической теории которого социалисты, по его мнению, должны искать разрешения задач своей практической деятельности. Редакция «Черного Передела» в своих статьях заявляла, что согласно учению Маркса она признает экономические отношения «основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни общества, но и умственного и нравственного склада его членов». Однако, повторяя этот взгляд Маркса, чернопередельцы далеко не стояли на точке зрения научного социализма. Они принимали это учение в том искаженном виде, какой придавал ему Бакунин и некоторые современные анархисты. Из того положения, что экономические отношения общества лежат в основе всего политического строя, они делали вывод, что социалисты должны стремиться к экономической революции, отвергая всякую политическую борьбу **). Только в последнем, 4 № «Черного передела» (19 сентября 1881 г.) члены группы заявляют себя уже сторонниками политической борьбы, а также признают пользу террора. Не отрицая пользы политической свободы, чернопередельцы, в своих спорах с народовольцами, усиленно подчеркивали, однако, необходимость широкой агитации в народе, в противовес узкой заговорщицкой тактике народовольцев. Только народные крестьянские организации, по их мнению, могут обеспечить народу экономические выгоды от революции. Эту мысль чернопередельцы проводили в рабочей газете «Зерно», которую они издавали в 1881 г. (вышло 6 №№).

---

*) Искра, № 54. Почему и как мы разошлись с „Вестником Народной Воли“.

**) Ср. предисловие Кропоткина к русскому изданию брошюры Бакунина: „Парижская Коммуна и идея государства“, Женева 1892, стр. V: „Желать достичь социализма или хотя бы аграрной революции посредством политической революции—чистая утопия, потому что история всюду показывает, что политические изменения являются последствиями великих социальных революций“.

Дальнейшее знакомство с социал-демократической литературой и с практикой западно-европейского рабочего движения окончательно разрушили не только народническую програму практической деятельности, исключавшую всякую «политику», но также и самые основы народнической теории. Вооружившись теорией научного социализма, чернопередельцы подвергли беспощадной критике не только свои собственные, но и все вообще старые русские программы и теории. «В основу этой критики, говорит Плеханов *), был положен практический опыт, частью приобретенный нами самими, во время нашей народнической деятельности, частью завещанный нам социалистами первой половины того десятилетия» (т.-е. 70-х годов). Большое значение для выработки новых взглядов Плеханова имело, конечно, его близкое знакомство с петербургским рабочим движением, вызванным к жизни народнической пропагандой. В результате предпринятой критики от народничества не осталось ничего. Бывшие чернопередельцы окончательно расстались с утопическими теориями общинного «русского» социализма и пришли к убеждению, что и в России социалистическое движение может итти успешно только под знаменем научного социализма и что единственной революционной силой, способной стать под это знамя, и у нас, как в З. Европе, может быть только рабочий класс.

Таким образом опыт революционного движения в России и основательное изучение теории и практики зап.-европейского социализма привели передовую часть русских «самобытных» социалистов к усвоению учения современной социал-демократии.

Убедившись, что борьба за социализм вовсе не исключает политической борьбы, заграничная группа должна была теперь признать большую заслугу за «Народной Волей», которая, хотя бы и расходясь со своей народническою теорией, в своей практике вела упорную борьбу с правительством. Это значительно сближало практические цели как заграничной группы бывших чернопередельцев, так и «Народной Воли» и делало возможной совместную работу.

Начиная с 1880 г., Плеханов вместе с народовольцами участвует в издании «Социально-революционной библиотеки», сборника «На Родине», биографий Желябова, Перовской, Кибальчича. Плехановым же был приготовлен для этого издательства, перевод «Коммунистического Манифеста», который был напечатан в 1882 г. с предисловием Маркса к русскому изданию. «Исполнительный Комитет» предложил даже Плеханову принять участие в редакции своего заграничного журнала «Вестника Народной Воли». Плеханов принял это предложение и вместе с П. Лавровым и Степняком (Кравчинским) вступил в редакцию «Вестника».

Таким образом, русским социал-демократам представлялась возможность при помощи народовольческого издания подготовить русских революционеров к усвоению социал-демократического учения, в котором, по их мнению, Нар. В. только и могла найти оправдание своей практической деятельности. С этою целью Плехановым была написана для «Вестника Н. В.» статья: «Социализм и политическая борьба». Почти уже состоявшееся соглашение было расстроено стараниями Л. Тихомирова, при ближайшем участии известного провокатора Дегаева. Тихомиров, заступивший место

*) Предисловие в „Истории рев. движения в России“ Туна.

Степняка в редакции «Вестника Народной Воли», сначала очень примирительно относился к социал-демократическому направлению, которое хотел придать журналу Плеханов; приехавший заграницу Дегаев, уже тогда находившийся в сношении с начальником департамента полиции Судейкиным, внушил Тихомирову, будто молодые товарищи очень не сочувствуют его сближению с бывшими чернопередельцами. Опасаясь потерять свою популярность среди революционеров в России, Тихомиров поспешил резко переменить свое отношение к социал-демократии, и Плеханову пришлось выйти из редакции.

Убедившись в полной невозможности совместной работы с «Народной Волей» бывшие чернопередельцы организовали самостоятельную группу под названием «Освобождение Труда», в которую вступили 5 членов, принимавших деятельное участие в движении 70-х годов: В. Н. Игнатов *), Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и Г. В. Плеханов.

Эта небольшая заграничная группа была первой русской социал-демократической организацией и вполне справедливо считается родоначальницей русской социал-демократии.

Самостоятельное выступление группы «Освобождение Труда» было встречено очень враждебно. Ее, между прочим, обвиняли в том, что она стремится расстроить организацию «Народной воли». Такие нападки могли происходить только от грубого непонимания тех задач, которые поставила себе новая группа. Члены этой группы высказывали свое сочувствие практической деятельности «Народной Воли», но они не могли согласиться с тем обоснованием этой деятельности, которое народовольцы попрежнему искали в старом народничестве. Несмотря на всеобщее несочувствие, социал-демократическая группа приступила к литературной пропаганде своих взглядов, в полной уверенности, что сама русская действительность рано или поздно подтвердит правоту этих взглядов.

Непринятая в «Вестник Народной Воли» статья Плеханова «Социализм и политическая борьба» была теперь самостоятельно издана группой «Осв. Тр.».

Мы уже видели, какое важное значение имел вопрос об отношении социализма к политической борьбе в социалистическом движении 70-х годов. Брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» впервые дала в русской литературе блестящее разрешение этого вопроса, выдвинутого ходом революционного движения в России.

Вооруженный теорией современного социализма, которая учит, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», автор брошюры мог не только опровергнуть, но также исторически объяснить то народническое убеждение, что социализм не совместим ни с какой «политикой». Он показывает здесь, что в основе этого убеждения лежало Прудоновско-Бакунинское, т.-е. анархическое учение о государстве, которое покоилось на утопических представлениях русских народников-бунтарей (последователей Бакунина) о будущих коммунистических общинах. По мнению народников, коммунизм должен вырасти «сам собою» из условий крестьянской жизни, как только будут устранены препятствия к свободному развитию «народных идеалов», но господствующее внутри общины товарное хозяйство,—говорит Плеханов,—неизбежно должно привести не к коммунизму, а к капиталистической эксплуатации.

*) Умер в 1885 г.

Анархическая тактика воздержания от политики, которую народники-бунтари рекомендовали, между прочим, и русским рабочим («Земля и Воля», «Зерно»), свелась бы на деле к тому, что лишила бы рабочих возможности об'единить свои усилия в общей политической борьбе, направить свои удары на созданную их эксплуататорами общественную организацию. Следуя советам бунтарей, русские рабочие должны были бы вести разрозненную войну с отдельными эксплуататорами, на стороне которых всегда стояла бы организованная сила государства.

Итак, русские народники в своем отношении к политической борьбе повторяли заблуждение з.-европейских анархистов. Что касается народовольцев, то Плеханов признает их заслугу в том, что они открыли «новую эпоху в развитии нашей революционной партии—эпоху сознательной политической борьбы с правительством». Но он восстает против народовольческого понимания этой борьбы в форме заговора с целью захвата власти. Плеханов беспощадно критикует наивную веру народовольцев во всемогущество горсти заговорщиков, которая, по их мнению, захватив власть, может совершить не только политический, но и социальный переворот даже «при отсутствии социально-революционной инициативы в самом народе».

Указывая на утопические предрассудки и заблуждения, которые мешали как народникам, так и народовольцам правильно понять вопрос об отношении социализма к политической борьбе, Плеханов определяет ближайшие задачи русских социалистов следующим образом: «Единственной не фантастической задачей русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных учреждений с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии в России—с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая дала бы рабочим, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны».

Так решила вопрос о социализме и политической борьбе эта первая социал-демократическая книжка, изданная группой «Освобождение Труда». Огромным большинством тогдашних революционеров эта новая постановка вопроса была понята очень плохо и не встретила никакого сочувствия. Это первое издание группы не только не привлекло к социал-демократии симпатий революционной интеллигенции, но положило начало упорной борьбе с народничеством, борьбе, которая потом долгие годы велась группой «Осв. Тр.», прежде чем привела к торжеству идей научного социализма в России.

Еще раньше выступления группы «Осв. Тр.» некоторые русские народники были знакомы с учением Маркса и Энгельса. Не оспаривая его правильности по существу, они решительно отвергли его применимость к программе своей партии на том основании, что это учение «явилось результатом наблюдения общественных отношений в капиталистических странах и не может иметь никакого значения для земледельческой России». Напрасно возражали социал-демократы, что учение Маркса обнимает всю культурную историю человечества и поэтому может быть применимо к России так же, как и к Греции и Риму, Индии и Египту. Устои русской экономической жизни казались народникам настолько самобытными, что развитие капитализма и создание рабочей партии они считали делом невозможным даже в будущем: развитие крестьянской общины к социализму должно предупредить у нас развитие капитализма.

Вопрос о значении капитализма и развитии его в России на-ряду с вопросом об общине был долгое время предметом споров между социал-демократами и народниками. Этому вопросу и было посвящено другое сочинение Плеханова «Наши разногласия», изданное групой «Осв. Тр.» в 1884 г. Подвергнув обстоятельному разбору всех выдающихся представителей русского социализма—А. Герцена, Н. Чернышевского, М. Бакунина, П. Ткачева—автор переходит к подробному рассмотрению русской экономической действительности, на почве которой выросли самобытные теории. При помощи обширной статистической литературы Плеханов обнаруживает всю вздорность народнических утверждений, будто капитализм не имеет у нас никакого будущего. Увеличение числа фабрик с миллионными оборотами, развитие кредита, вытеснение кустарных промыслов крупными предприятиями, наконец, появление некоторых продуктов русской промышленности (как, напр., рафинада) на иностранных рынках—все это показывает, что «не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит у нас капитализму».

Крестьянская община не только не может помешать дальнейшему росту капитализма, но сама развивает товарное производство, которое приведет к полному ее разложению. Общинное землевладение уже и теперь тяготит не только деревенских кулаков, но также и беднейшую часть крестьянства, которая, отправляясь на заработки, сдает свои наделы в аренду, приплачивая за них арендатору.

Подводя итог своей критике народничества с социал-демократической точки зрения, Плеханов устанавливает следующие «наши разногласия».

1. Коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются почти все наши революционеры.

2. По внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

3. При переходе к этим последним ей принадлежит не активная, а пассивная роль: она не в состоянии двинуть Россию на путь коммунизма; она может только менее сопротивляться такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4. Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров, класс,

5. освобождение которого может быть достигнуто лишь путем его собственных усилий.

Таким образом, революционная интеллигенция должна направить все свои усилия прежде всего на пропаганду в рабочей среде. Но тем самым она приобретет наилучшее средство для революционного воздействия и на крестьянство. Промышленный рабочий имеет много общего с деревней. Он-то и послужит связующим звеном между революционной интеллигенцией и крестьянством.

Несмотря на то, что книга Плеханова «Наши разногласия» дала уничтожающую научную критику народничества, она так же, как и предыдущее его сочинение «Социализм и политическая борьба», не могла похвалиться успехом среди русских революционеров, которые в большинстве продолжали упорно держаться народнической теории

и не скрывали своего враждебного отношения к «освободителям труда» *). Безграничное уважение к погибшим героям «Народной Воли» мешало русским революционерам внимательно и беспристрастно рассмотреть,—что собственно представлял тот социализм, под знаменем которого боролась эта партия. Всякая критика народовольческой программы принималась, как оскорбление «великих теней».

Каково было научное значение этой книги, ясно обнаружилось 10—15 лет спустя после ее появления. Когда во второй половине 90-х годов в русской легальной литературе впервые возгорелась борьба с народничеством, которое все еще считалось передовым и преобладающим направлением русской интеллигенции, то так-наз. «легальный марксизм» в своих спорах с народниками о капитализме и общине очень немногое мог прибавить к той критике народничества, которая была дана в «Наших разногласиях».

«Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», а также переведенные на русский язык сочинения Маркса и Энгельса выполнили существенную часть той задачи, которую поставила себе группа «Осв. Тр.». Познакомив передовую русскую интеллигенцию с научным социализмом, группа «Осв. Тр.» дала в то же время обстоятельную критику теорий русского социализма и указала путь для решения практических вопросов русского социалистического движения.

Свои социал-демократические взгляды гр. «Освобождение Труда» формулировала в «проекте программы русских социал-демократов», изданном в первый раз в 1885 г. В отличие от всех народнических программ, этот первый проект социал-демократической программы определял задачи русских социалистов следующим образом:

> «Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического накопления а местами,—в наших промышленных центрах,—оно испытывает уже гнет капиталистического производства, не ограниченный еще ни сколько нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает, как говорил когда-то Маркс о западе европейского континента, не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.
>
> Одним из важнейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом.
>
> «Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть сознание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты со своей стороны должны доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.
>
> Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

*) Так назвал членов группы П. Л. Лавров в одной заметке о ней в „Вестнике Народной Воли“.

1) право быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом позорные действия, к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую избирать их из бедных классов населения.

3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5) Свободу передвижений и занятий.

6) Полную равноправность всех граждан независимо от религии и племенного происхождения.

7) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

«Но цель эта останется недостигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

„Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями".

„Группа "Осв. Тр." убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы в его среде".

...„Группа «Осв. Тр.» задается целью и пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению".

«Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, гр. «Осв. Тр.» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Народной Воли» лишь по вопросам о так-наз. захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса».

...«Группа «Осв. Тр.» нимало не игнорирует крестьянство, составляющего огромную часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде всего направлена на более развитый слой этого населения, коим и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собою разумеется, что распределение сил наших социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение, и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы

своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа «Осв. Тр.» не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старание, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы.»

Не трудно отметить в этом проекте места, которые не соответствуют ни духу социал-демократического учения вообще, ни общим социально-политическим взглядам самой группы «Осв. Тр.»—в частности. Прежде всего бросается в глаза, что группа отводит такое важное значение «социалистической интеллигенции», которое не согласуется с классовой теорией научного социализма. Далее, признавая «необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства», группа «Осв. Тр.» склоняется, хотя и с большими оговорками, к тактике «Народной Воли», совершенно несвойственной социал-демократии. Наконец, в своей программе группа выставляет два требования (не приведенные в тексте), которые не поддерживаются в настоящее время социал-демократическими партиями: 1) государственная поддержка производительным ассоциациям) и 2) непосредственное народное законодательство. Словом, весь проект в целом нельзя было бы признать вполне выдержанной социал-демократической программой.

Не нужно, однако, забывать, что группа очевидно и не ставила себе целью дать программу с.-д. партии, для создания которой не было тогда налицо необходимых условий. Проект программы имел в виду только подготовительную деятельность революционной интеллигенции в интересах будущей рабочей партии.

К тому же, проект этот составлялся в то время, когда «Народная Воля» была еще достаточна сильна и исход борьбы ее с правительством еще далеко не был выяснен. Не разделяя утопических надежд народовольцев на социальный переворот путем захвата власти временным правительством, члены группы «Осв. тр.» считали, по-видимому возможным, что самодержавие под ударами организованного террора пойдет на уступки и даст либеральную конституцию еще прежде, чем революционное движение распространится на широкие народные массы. Такой исход борьбы революционной интеллигенции имел бы, конечно, большое значение для рабочего движения. Это значение и учитывалось в проекте программы, которая на-ряду с «подготовкой рабочего класса к социально-политическому движению, признает необходимость террористической борьбы». При таких обстоятельствах члены группы «Осв. Тр.» считали себя вынужденными сделать даже сознательные уступки народовольцам, применяясь к господствующим взглядам среди русских революционеров *). Такими сознательными

*) „... ей (группе Осв. Тр.) невозможно было не считаться с народническими симпатиями,—скажем откровеннее: предрассудками,—тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально единственной русской социал-демократической группой, а число возможных русских социал-демократов казалось очень большим, т. к. все старые революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах группа (О. Тр) поневоле должна была потребовать по крайней мере быть осторожной, мягкой и уступчивой... На деле такая осторожность ни к чему не привела, потому что споры эти (т.-е. по аграрному вопросу) все же пришлось начать очень скоро после составления проекта программы: доказательство—книга „Наши разногласия", представляющая собою резкий ответ на ехидные литературные выходки ныне благополучно юродствующего г. Л. Тихомирова против социал-демократической ереси. „Заря" № 4, Stuttgart 1902 г., ст. Плеханова: „Проект программы РСДРП" стр. 18—19.

уступками Плеханов об'ясняет два места програмы, которые «не выдерживают критики с точки зрения «ортодоксального» марксизма: государственная помощь производительным товариществам рабочих во всех отраслях нашего народного хозяйства и очень неопределенная формулировка ее аграрных требований. Весь проект, таким образом, излагая основные социал-демократические взгляды, представлял не только с.-д. программу, как мы понимаем ее в настоящее время, но и растворенные в ней тактические соображения.

Однако, эта тактика, расчитанная почти исключительно на деятельность «социалистической интеллигенции»,' оказалась бесплодной. Это вполне ясно обнаружилось к концу 80-х годов, когда «Народная Воля» почти уже прекратила свое существование, и тем не менее остатки разбитых организаций революционной интеллигенции в огромном большинстве оставались попрежнему глухи к социал-демократической пропаганде. Вольные и невольные отступления проекта программы группа «Осв. Тр.» от социал-демократических взглядов были значительно исправлены группой во втором издании этого проекта в 1888 г. То место, где говорится о «необходимости террористической борьбы», было выпущено: «Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма,—говорится во втором проекте,—русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций». За «социалистической интеллигенцией» уже не признается такого самостоятельного и решающего значения в деле завоевания политической свободы. Во втором издании проекта говорится, что «завоевание демократической конституции...» «является целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом».

Второе издание проекта программы отличается от первого еще тем, что оно более сжато и точно формулирует положения научного социализма и таким образом, по форме изложения, более приближается к програме. Все же практические требования остались в нем без изменения. В своем переработанном виде проект попрежнему имеет в виду лишь подготовительную деятельность русских социал-демократов*).

Если гр. «Осв. Тр.» своими изданиями много сделала для распространения социал-демократического учения в среде революционной интеллигенции, то ее собственные силы оказались недостаточными для того, чтобы понести это учение в рабочую среду. Попытка создать популярную рабочую литературу успеха не имела, так, как оставаясь за границей, группа скоро потеряла связь с Россией. В 1884 г. Л. Дейч, пытавшийся перевезти первые издания группы в Россию, был арестован во Фрейбурге германскими властями и выдан русскому правительству. За свою прежнюю револю-

*) Об'ясняя неясность и неправильность с с.-д. точки зрения некоторых практических требований своей программы уступками народническим предрассудкам, группа „Осв. Тр." признала свою ошибку в вопросе о непосредственном народном законодательстве: „На счет представительной системы и прямого народного законодательства надо прямо сказать, что в этом отношении гр. „О Тр." находилась тогда под влиянием идей Риттингхаузена, что прекрасная работа Каутского: „Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie". (парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия), Stuttgart 1893, заставили ее значительно изменить свой взгляд". „Заря", № 4, ст. Плеханова о программе, стр. 19.

ционную деятельность в партии «Земля и Воля» он был приговорен военно-окружным судом в Одессе к 13 г. и 4 м. каторги. Только в 1901 году ему удалось бежать из Благовещенска в З. Европу (через Америку) и снова принять участие в социал-демократическом движении.

После ареста Дейча группа «Осв. Тр.» лишилась своего главного организатора, через которого она поддерживала связи с Россией. Потеряв эти непосредственные связи, она должна была отказаться на некоторое время от издания рабочей литературы и ограничиться печатной и устной пропагандой среди революционной русской молодежи за-границей. Из готовившейся к печати «рабочей библиотеки» появилась только книжка П. Аксельрода: «Рабочее движение и социал-демократия».

В 1888 г. группа «Осв. Тр.» издает сборник «Социалдемократ», который с 1890 г. превращается в социал-демократический журнал (вышло 4 номера). В целом ряде статей члены группы знакомят русского читателя с успехами зап.-европейского рабочего движения (ст. П. Аксельрода о германской социал-демократии) и освещают с социал-демократической точки зрения выдающиеся явления русской и заграничной общественной жизни и литературы [ст. Плеханова: «Н. Г. Чернышевский», «Русский рабочий в революционном движении», В Засулич «Революционеры из буржуазной среды» и др.].

Исключительно тяжелые условия, созданные реакцией 80-х годов, были причиной того, что деятельность членов первой социал-демократической организации свелась главным образом к литературной пропаганде за границей*), откуда эта пропаганда распространялась очень медленно в России. Впоследствии русской социал-демократии бросали упрек в том, что ее первая программа была выработана за-границей, и потому должна страдать оторванностью от русской жизни. Поскольку дело идет о научном обосновании классовых интересов пролетариата, то подобный упрек с одинаковым правом можно отнести ко всякой социалистической рабочей партии, которая усвоила идеи «Коммунистического Манифеста», написанного немцами Марксом и Энгельсом. Но таким патриотическим упреком менее всего могут смущаться «пролетарии всех стран», у которых «нет отечества». В свое время некоторые «истинно-немецкие» люди упрекали и самого Маркса в том, что он придумал свою программу за пределами Германии.

Однако заграничное пребывание Маркса, остававшегося почти всю жизнь в изгнании, не только не помешало, но значительно помогло ему в выработке теории современного социализма, так как оно дало ему возможность близко наблюдать развитие капитализма и рабочего движения в передовых капиталистических странах, а не только в отсталой Германии.

Заграничное пребывание членов группы «Осв. Тр.» дало им возможность близко познакомиться с теорией и практикой современного социализма в З. Европе, опередившей нас по пути развития общественных отношений и социалистической мысли, и усвоить идеи научного социализма, которые лежат в основе всей современной социал-демократии.

---

*) Заметим, что Дейч, Засулич и Аксельрод неоднократно приезжали „нелегально“ в Россию.

Что же касается практических задач русских социал-демократов, то они требуют, конечно, глубокого знания своеобразных экономических и общественных условий России. Но все члены группы «Осв. Тр.» принимали деятельное участие в русском революционном движении, как члены «Земли и Воли», и в ответ на упомянутые доводы противников они с полным правом могли сослаться на свой революционный опыт: «За границей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России. И во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1884 году и напечатанном в 1885 г., нет ни одной строки, которая не имела бы в виду того или иного «проклятого вопроса» нашей революционной практики, и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики» *).

И действительно, ни что иное, как неудачи революционной практики привели к полному крушению старых утопических теорий заграничной группы бывших чернопередельцев. Эта же практика должна была показать, насколько далеки или близки были к условиям русской жизни новые социал-демократические взгляды группы «Освобождение Труда».

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 70-х И 80-х Г. Г.

В то время, как революционная интеллигенция возлагала все свое упование на русскую общину и бесплодно растрачивала свои силы на социалистическую пропаганду в деревне, в недрах промышленной России быстро развивалась новая революционная сила—рабочий класс. Правда он был еще очень не велик по числу в сравнении с огромной массой земледельческого населения. Эта-то малочисленность городского пролетариата и внушала народникам уверенность в том, что капитализм не имеет в России никакой почвы и что у нас невозможно рабочее движение в том виде, как оно существует на Западе. «Но если у нас мало рабочих, писал Плеханов в 1893 г., то из этого еще не следует, что у нас должно быть много утопических предрассудков» *). И действительно, только народнические предрассудки мешали русской интеллигенции разглядеть общее направление нашего экономического развития и действительные размеры уже существующего капитализма.

Еще накануне освобождения крестьян в 1860 году в Европейской России, кроме Финляндии и Польши, считалось, по сведениям департамента торговли и мануфактур, 15.388 фабрик и заводов и 565.142 рабочих. С падением крепостного права капитализм стал развиваться гораздо быстрее, а вместе с тем возрастало и число фабричных рабочих. Но огромное большинство фабрично-заводского населения сохраняло тесную связь с земледелием, покидая фабрику на время полевых работ. Эта связь русского рабочего с землей казалась народникам тем преимуществом России пред З. Европой, которое должно предохранить нас «от язвы капитализма». На самом же деле такой порядок вещей еще более ухудшал положение наших наемных рабочих, и без того очень тяжелое в периоде первоначального накопления капитала. Привязанные к своим ничтожным наделам, обложенным к тому же непосильными податями, работавшие на фабриках крестьяне изо всех сил стремятся поддержать свое

*) Плеханов, предисловие к „Истор. революц. движения в России".
**) Плеханов: „О русской социал-демократии в России 93 года".

падающее хозяйство и на фабричную работу смотрят как на подсобный промысел. Понятно, что при таких обстоятельствах они соглашаются на самые тяжелые условия найма и гораздо менее способны оказать сопротивление эксплуатации, чем профессиональные пролетарии.

Но всякой эксплуатации бывает предел. Волнения и стачки на фабриках начались у нас еще при крепостном праве. Правда, бесправное положение крепостных рабочих делало почти безнадежной всякую борьбу с предпринимателями, которые были в то же время «господами». Волнения крепостных рабочих мало чем отличаются от крестьянских бунтов.

Более или менее сознательное стачечное движение появляется у нас к началу 70-х годов. В мае 1870 г. забастовали все 240 прядильщиков Невской бумагопрядильни в Петербурге, требуя повышения заработной платы. Стачечникам впервые пришлось испытать на себе тяжелую руку русского правосудия, которое с самого начала рабочего движения выступило могучим покровителем капитала. 57 человек были приговорены окружным судом к аресту на разные сроки. Но русский закон, каравший за всякую мирную стачку, как за «бунт», показался перепуганному правительству слишком слабым средством для охраны «общественной безопасности» и предпринимательских интересов. После этой петербургской стачки был издан указ, который давал губернаторам право высылать забастовщиков за пределы губернии без всякого судебного разбирательства. Этот указ был применен задним числом к «зачинщикам» на Невской бумаго-прядильне.

В 1872 году вспыхнула забастовка на огромной Кренгольской мануфактуре в Нарве. Она окончилась так же неудачно, как и петербургская. Депутаты рабочих были арестованы, а для усмирения «бунтовщиков», требовавших освобождения товарищей, были высланы войска.

Более или менее крупные забастовки происходили в 1874 г. в Москве на суконной фабрике Лазарева; в 1875 г. на заводе Юза и на строившейся Оренбургской железной дороге. В 1876 г. бастуют 500 прядильщиков Никольской фабрики в Орехове-Зуеве, в 1878 г. была стачка в Новой бумаго-прядильне в Петербурге и пр. Только некоторые из стачек этого времени привели к незначительным уступкам со стороны предпринимателей. Но зато всякая забастовка сопровождалась массовыми расчетами рабочих, арестами и высылкою сколько-нибудь заметных участников.

Несмотря на жестокие преследования со стороны властей, борьба рабочих 70-х годов была направлена исключительно против предпринимателей. Предъявляя во время стачки требования к хозяевам, рабочие нередко обращаются с жалобами и ходатайствами в полицейский участок. Даже после того, как они убеждались, что полиция — плохой защитник рабочих, они все же надеялись на заступничество высшего правительства, которое непременно должно прийти к ним на помощь. Так, петербургские рабочие во время стачки на Новой бумагопрядильне в 1878 г. обратились с ходатайством о защите, прежде всего, к приставу. Но тот, после некоторой проволочки по внушению высшего начальства, стал угрожать ходокам от рабочих наказанием и потребовал, чтобы рабочие приступили к работе на старых условиях.

«Снюхался с управляющим», — решили рабочие и пошли просить защиты у градоначальника. Когда же и градоначальник не оказал никакой поддержки, было решено

обратиться за помощью к самому наследнику престола. Сочинив соответствующее прошение, забастовщики торжественно отнесли его всей толпой к Аничкову дворцу. Не дождавшись ответа на свое прошение, забастовщики вынуждены были скоро стать на работу. Они не добились почти никаких уступок, но зато пришли к убеждению, что им не на кого надеяться, кроме как на самих себя. У тогдашнего рабочего, недавно вышедшего из деревни, еще очень сильна была вера в заступничество высшего начальства.

Практика пролетарской борьбы скоро должна была вытравить эту веру. Когда в следующем же году повторилась стачка на Новой бумагопрядильне, то рабочие только смеялись, вспоминая о своих ходатайствах. Умудренные горьким опытом, они пишут уже не прошение к начальству, а воззвание ко всем петербургским рабочим:

«Братья! У нас на Новой канаве стачка уже не в первый раз.

«Каждый раз мы писали просьбы, обивали пороги у всякого начальства; теперь мы видим, что начальство стоит за хозяев, а не за рабочих, и никогда хозяина на рабочих не сменяет!

«Что же нам делать? Неужели позволять хозяевам мудрить над нами, как им вздумается?

«Оттого над нами и брали верх, что не дружно мы стояли. Не только с разных мастерских, с разных фабрик должны помогать друг другу. Поддержите нас, соберите у себя сбор, кто, что может».

Такое же воззвание было распространено от бастовавших в то же время рабочих фабрики Шау.

Несмотря на беспримерные преследования, стачечное движение мало-по-малу распространилось по всей России. В 1882 году, когда разразился сильный промышленный кризис, происходили крупные стачки в Петербурге, Нарве, Перми, Иваново-Вознесенске и других городах.

Возникнув помимо всякого постороннего влияния, рабочее движение, особенно в Петербурге, неизбежно должно было встретиться с народническим социалистическим движением. Но что могли дать рабочему классу социалисты-народники, которые возлагали все свои надежды на крестьянскую общину и не придавали почти никакого значения рабочему движению в России? Они не понимали его и не верили в его будущее.

По поводу первой же стачки 1870 г. орган передовой русской интеллигенции «Отечественные записки» писал: «Настоящее значение стачки у нас неизвестно и неподходяще к характеру (!) русских рабочих».

Но, не признавая никакого самостоятельного значения за рабочим классом, народники, однако, не упускали случая устраивать кружки из городских рабочих. Они делали это лишь с тою целью, чтобы выработать из рабочих пропагандистов в крестьянской среде. Не интересуясь рабочим движением, народники не могли, конечно, своей пропагандой удовлетворить самых основных запросов пролетария.

«Идя к рабочим, не то, чтобы против воли,—рассказывает один бывший землеволец*),—а так сказать против теории,—мы, разумеется, не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл идеей четвертого сословия. Мы про-

*) Плеханов, „Русский рабочий в революционном движении". Изд. „Пролетариат", стр. 18.

поведывали им не социализм и даже не либерализм (это было бы еще полбеды), а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» политическую свободу и ставил пред ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться глубокой ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в коем случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария».

И однакоже, народническая пропаганда принесла немалую пользу рабочему движению. Правда, само по себе народническое учение могло скорее только затемнить классовое сознание рабочих. Но пропаганда народников несомненно дала им некоторые полезные сведения *) и вообще способствовала их умственному развитию. Но самое главное это то, что сближение с революционными организациями интеллигенции помогло организоваться самим рабочим. Созданные народниками рабочие кружки скоро пришли к мысли о самостоятельной рабочей организации, которая, не только наперекор теории, но и помимо воли народников, пришла к «идее четвертого сословия».

В 1875 г. на юге возникла первая большая рабочая организация: «Южно-Русский Рабочий Союз». Но она очень скоро распалась, так как в том же году, было арестовано большинство ее членов вместе с ее основателем Заславским. На суде, разбиравшем дело Ю.-Р. Р. Союза, было прочитано письмо Союза к северным товарищам. В этом письме южные рабочие заявили, что они своей ближайшей задачей считают завоевание политической свободы. «Не думайте, однако,— писали они,—что мы отказываемся от великой конечной цели, переустройства всего общественного строя и перехода орудий труда в руки трудящихся. Мы только считаем, что этой цели всего легче добиться уже по завоевании политической свободы».

Таким образом, мысль передовой части рабочих, затронутых революционной пропагандой, еще в половине 70-х годов, пришла к идее «буржуазной» политической свободы, от которой открещивались интеллигенты-народники.

После распадения Ю-Р. Р. Союза это «политическое» направление продолжало делать успехи в наиболее сознательной части рабочего класса, несмотря на упреки со стороны народников, считавших это направление буржуазной ересью. Еще более определенно была разработана мысль о необходимости политической свободы северными рабочими.

Начиная с 1877 г. из отдельных кружков, примыкавших к обществу «Земля и Воля», стала складываться самостоятельная рабочая организация, которая окончательно была основана в 1879 г. под названием «Северного Союза Русских Рабочих». В первое же время после своего основания Союз насчитывал больше 200 членов. Его отделения с особыми комитетами, кассами и конспиративными квартирами были рассеяны по всему Петербургу. Руководство всеми делами Союза принадлежало

*) В этом отношении более полезной была пропаганда не „землевольцев", а так наз. „лавристов", которые были тогда в значительном меньшинстве, и не пользовались большим влиянием в революционном движении. Особенно ценными были те сведения, которые лавристы сообщали в своих лекциях о западно-европейском рабочем движении.

центральному кружку, в распоряжении которого находилась центральная касса Союза и его библиотека. Душою Союза и главным ее организатором выступил столяр Халтурин. Об'единившись в самостоятельную рабочую организацию, «Северный Союз Русских Рабочих» изложил свою программу в «Воззвании ко всем русским рабочим».

«Северно-Русский Рабочий Союз»,—говорилось в этом воззвании,—«тесно связанный в своих задачах с западно-европейскими рабочими партиями, выставляет следующую программу:

1) Уничтожение существующего политического и экономического строя.

2) Основание вольного народного союза (федерации) общин на основании полного равноправия при полном внутреннем самоуправлении.

3) Отмена частной собственности на землю и замена ее общинным землевладением.

4) Организация рабочих ассоциаций, передача всех средств производства и орудий труда в руки производителей.

Изложив эти социалистические требования, программа Союза продолжает:

«Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода печати и слова.

2) Свобода собраний и союзов.

3) Отмена тайной полиции и преследований за политическую деятельность.

4) Отмена сословных прав и привилегий.

5) Уменьшение постоянного войска или же его полная замена всеобщим народным вооружением.

6) Всеобщее бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

7) Право сельских обществ свободно заведывать своими делами.

8) Отмена паспортов.

9) Отмена косвенных налогов и замена их прямым налогом на доходы и наследства.

10) Ограничение числа рабочих часов на фабриках и заводах и запрещение детской работы.

11) Основание производительных артелей и товарищеских касс с беспроцентным кредитом от казны.

Такова была первая программа русских рабочих. Она была совершенно самостоятельно выработана рабочими, которые ревниво оберегали Союз от всякого вмешательства интеллигенции. По уставу членами Союза могли быть только рабочие. Однакоже нетрудно разглядеть в этой программе влияние народничества, которое сказалось в требовании федерации общин и государственной поддержки артелей. Основатели Союза вполне усвоили взгляды на будущее общество социалистов—народников, понимавших этого общество в духе анархического коммунизма.

Кроме отсутствия научного обоснования социалистических требований, можно указать еще на другой недостаток этой программы: перечисляя в своих ближайших требованиях отдельные свободы, программа совершенно умалчивает о самом главном—

замене существующей самодержавной власти народным представительством, которое только и может обеспечить все перечисленные свободы.

Но при всех этих недостатках, эта замечательная программа сделала огромный шаг вперед в сравнении с народничеством. Она впервые неразрывно связывает дело социализма с борьбою за политическую свободу. За «Северным Союзом Русских Рабочих» нужно признать, таким образом, огромную заслугу в том, что в истории нашего социалистического движения он первый отделился от утопических представлений «самобытных» русских социалистов о социальном перевороте, который должен совпасть с предстоящей политической революцией. Заявляя в своей программе, что «решение социального вопроса прежде всего обеспечивается политической свободой», Союз написал на своем знамени то самое требование, в защиту которого через 4 года выступила группа «Освобождение Труда» во всеоружии научного социализма.

Однако, успехи «Сев. Союза Русских Рабочих» не изменили взглядов народников на рабочее движение, а его программа встретила решительное осуждение на страницах «Земли и Воли».

Отстаивая свою программу, Союз продолжал развивать свою деятельность. Еще при самом его возникновении явилась мысль об издании рабочей газеты. Редактором единогласно был избран Халтурин. В газете предполагалось главным образом, помещать сообщения самих рабочих об их положении на фабриках и заводах. Передовицы же должны были обрабатывать и освещать этот материал. Союзу удалось издать в собственной типографии 1-й № газеты «Заря Рабочего». Но этот № был арестован тотчас же по отпечатании в феврале 1880 г. и потом уже возобновить издание газеты не удалось.

«Сев. Союз Русских Рабочих», как показывает его название, вовсе не хотел ограничиться одним Петербургом; с самого начала своего существования он стремился завести связи с рабочими в провинции, с тем, чтобы потом устроить всероссийскую рабочую организацию.

Однако, обстоятельства сложились очень неблагоприятно для неокрепшего еще союза. Хотя он и стремился к полной самостоятельности, но на практике ему еще трудно было обойтись без помощи революционной интеллигенции, когда нужны были квартиры, паспорта или нелегальная литература. А между тем, эта интеллигенция уже ко времени основания Союза все более вовлекалась в террористическую борьбу. Когда же образовалась партия «Народной Воли»,—террор поглотил почти все силы революционеров, и рабочие организации были предоставлены самим себе. Кроме того, террор «Народной Воли» создавал еще большие затруднения для деятельности самих рабочих. Каждое новое покушение вело за собою усиленные репрессии, которые отзывались гораздо тяжелее на рабочих организациях, чем на террористах.

К тому же все больше ожесточавшаяся террористическая борьба с правительством стала мало-по-малу увлекать также и передовых рабочих. Доведенные до отчаяния постоянными «провалами», они решили примкнуть к народовольцам, надеясь, что удачное покушение на царя принесет с собою политическую свободу и, таким образом, откроет простор для рабочего движения *).

*) Так рассуждал, например, Халтурин. Из этих рассуждений мы можем заключить, что примкнувшие к террористам рабочие вовсе не разделяли их утопических надежд на социальный переворот, который должен последовать за покушением и захватом власти.

Мы видели, что передовая часть сознательных рабочих сумела не только взять из революционной пропаганды народников все то, что она могла им дать, но смогла также самостоятельно переработать заимствованное у народников учение и внести в него те поправки, которые подсказывались им нуждами рабочего движения. Точно так же сумели оценить некоторые рабочие и террор «Народной Воли», справедливо полагая, что этот способ борьбы совершенно не пригоден для рабочего класса. Но разгоравшаяся террористическая борьба подавала слишком большие надежды на скорую победу. Эти-то надежды и побудили рабочих, скрепя сердце, оставить свое «рабочее дело», чтобы оказать помощь «Народной Воле», с которой они и разделили ее ошибки заговорщической террористической тактики.

Лишившись не только поддержки со стороны революционной интеллигенции, но также и своих лучших сил из рабочей среды, «Северный Союз Русских Рабочих» стал быстро клониться к упадку и скоро должен был прекратить свое существование. Наступившая же после разгрома «Народной Воли», реакция наложила свою руку также и на рабочее движение.

Правда, промышленный кризис 1882 г. вызвал повсеместные волнения и стачки рабочих в промышленных центрах. Но к этому времени прежние рабочие организации были уже совершенно обессилены. Они лишились самого сознательного своего ядра и не могли придать стихийному движению сознательную форму, не могли оказать никакого противодействия тем темным силам которые толкнули озлобленный народ на еврейские погромы, сопровождавшиеся убийствами, грабежами, столкновением с войсками...

При таких тяжелых условиях приходилось продолжать дело «Северного Союза Русских Рабочих» первым последователям социал-демократического учения, которые, в противоположность народникам, стремились направить все свои силы на пропаганду социализма среди промышленных рабочих. Отдельные сторонники социал-демократии из революционной интеллигенции стали появляться почти тотчас же после первых изданий группы «Освобождение Труда». Но в общем идеи научного социализма в течение 80-х годов пролагали себе дорогу в России очень медленно.

Первая социал-демократическая организация, занявшаяся пропагандой научного социализма среди рабочих, появилась в Петербурге в 1884 году. Она возникла совершенно независимо от группы «Освобождение Труда», с которой, однако, скоро вступила в тесные сношения. Одним из ее основателей был болгарский студент Благоев, приехавший учиться в Петербург в 1880 г. Здесь он познакомился со многими народовольцами и чернопередельцами, но взгляды обоих этих фракций его не удовлетворяли, и после долгих споров с ними он обратился к изучению «Капитала» Маркса и сочинений Лассаля. Ознакомившись с этими сочинениями, Благоев уже в конце 1883 г. приступил к пропаганде научного социализма среди петербургской интеллигенции. Наибольший успех он имел, по его рассказам, среди чернопередельцев. В 1884 г., благодаря его усилиям, сорганизовалась социал-демократическая группа, которая, выработав свою программу, приступила к практической деятельности. Группа вела пропаганду среди рабочих, а также среди интеллигенции, главным образом в студенческих кружках.

Первоначальные взгляды группы, как вспоминал потом Благоев, значительно отличались от взглядов современной социал-демократии. Они представляли смесь научного социализма с лассальянством и «лавризмом». «В основе наших взглядов и программы, писал Благоев к одному товарищу, лежал общий принцип социал-демократии, а именно, что рабочий класс России должен выделиться в самостоятельную политическую партию, конечная цель которой должна состоять в преобразовании общества на социалистических началах, на коллективном владении средствами производства; что для приближения к этой цели рабочему классу России необходимо прежде всего добиться конституции, и что в России конституционное управление останется мечтой до тех пор, пока не явится сильная рабочая партия с самостоятельными от буржуазии задачами. Политическую свободу мы считали первым необходимым условием для того, чтобы можно было бороться для социалистического переворота. А этот последний мы представляли себе по Лассалю, т.-е. через рабочие ассоциации, субсидируемые государством».

В духе этой программы петербургская социал-демократическая группа стала издавать в 1885 г. газету «Рабочий» орган партии русских социал-демократов.

Но вскоре после своего возникновения петербургская группа завела сношение с группой «Освобождение Труда», с которой она долго вела переписку о программе. Эти сношения окончились тем, что петербургские социал-демократы окончательно приняли программу группы «Освобождение Труда». Уже в № 2 «Рабочего» была напечатана статья Плеханова «Современные задачи русских рабочих» (Письмо к петербургским рабочим кружкам« и статья П. Аксельрода о западно-европейском рабочем движении. В своем письме к петербургским рабочим Плеханов развивает главным образом ту мысль, что борьба за экономическое освобождение неразрывно связана с борьбой за политическую свободу. Задачи рабочих кружков сводятся по мнению Плеханова к тому, чтобы: 1) развивать сознательность в среде товарищей, 2) организовать и сплачивать их силы, 3) направлять эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а главное, облегчили бы окончательную победу рабочих в будущем.

Эта первая социал-демократическая организация в России просуществовала недолго. Уже в марте 1885 г. один из ее главных деятелей Благоев был арестован и выслан из России, как иностранец*).

27 января 1886 г. группа подверглась полицейскому разгрому, от которого она уже не могла оправиться. Были арестованы: Харитонов, Бутков, Теселкин, кн. Кугушев, бр. Катаевы, Артаумов. Была взята также типография группы, печатавшая газету «Рабочий». Оставшиеся члены поддерживали начатую работу до следующего года, когда они подверглись участи своих товарищей.

Последовательно возникавшие потом социал-демократические группы в общих чертах повторяли историю своей предшественницы. Аресты выметали обыкновенно без остатка всю организацию, не оставляя непосредственных преемников.

*) Возвратившись к себе на родину, Благоев поддерживал некоторое время связи с Петербургской социал-демократической группой. Потом он принял деятельное участие в болгарской с.-д. партии, как депутат болгарского Народного Собрания и редактор научного социалистического журнала.

Организованный Брунсевым социал-демократический кружок студентов-технологов должен был заново устанавливать связи с рабочими, прежде чем приступить к пропаганде. Эта новая группа стремилась расширить свою организацию и установила связи с некоторыми провинциальными городами. Аресты 1892 г. прекратили ее существование. В 1888 г. небольшая социал-демократическая организация была основана д-ром Абрамовичем в Киеве, где ему удалось сорганизовать до 30 рабочих. Эта организация была уничтожена арестами в следующем же году. К началу 90-х годов отдельными последователями научного социализма социал-демократическая пропаганда заносится почти во все крупные промышленные города: Петербург, Киев, Харьков, Казань Ростов-на-Дону, Тулу, Минск, Вильну.

Несмотря на все неблагоприятные условия 80-х годов, идеи современного социализма, хотя и очень медленно, все же прокладывают себе дорогу в рабочей среде. Сторонников нового учения было еще очень мало, а затишье, наступившее в рабочем движении, не позволяло даже и думать о широкой политической борьбе или хотя бы о такой широкой рабочей организации, какою был «Северный Союз Русских Рабочих» Единственной возможной задачей для немногочисленных с.-д. групп, затерявшихся на огромном пространстве Российской империи, была неустанная пропаганда в тесных рабочих кружках, которые в свою очередь должны были вербовать и об'единять все новых сторонников социал-демократии, новых сознательных товарищей.

Невелики были эти кружки и незаметна была работа первых социал-демократов в России. Но в безотрадные времена 80-х годов, когда прекратилось всякое организованное революционное движение, уступая дорогу торжествующей реакции, а хранители «славных традиций Народной Воли» вырождались в самых плоских либералов,— эти небольшие рабочие кружки были единственным залогом лучших времен, зародышем будущей социалистической рабочей партии.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 90-х ГОДОВ.

„Она—Р. С.-Д. Р. П.—хочет быть и остаться—классовым движением организованных рабочих масс". (Манифест Р.С.-Д.Р.П 1898 г.).

90-е годы принесли с собою новый, небывалый под'ем общественной жизни. После долгих лет застоя «вековые устои качнулись», наконец, для того, чтобы никогда уже не придти в равновесие.

Так называемая «эпоха великих реформ» была выражением очень мелкого общественного движения, которое не шло дальше образованных, либеральных помещиков. 70-ые годы вывели на сцену еще разночинную интеллигенцию, но и этот общественный слой, принявший участие в сознательной политической жизни, был очень невелик и оказался тем более ничтожной политической величиной, чем грандиознее были его благие пожелания. Считая свои собственные утопические идеалы выражением интересов крестьянства, социалисты-народники хотели построить здание социализма на том самом основании, которое на самом деле было самой прочной опорой старого режима. В этом и заключается утопизм народнического революционного движения, которое было обречено на неудачу политической неподвижностью того класса, на

который оно хотело опереться. Вместе с упадком движения рушились и самые утопические теории, по мере того, как после опыта революционной борьбы исчезала вера в революционные силы «народа», т. е. крестьянства. Горькое разочарование в «народе» звучит в тоскливой интеллигентской «дубинушке»—этом истинном произведении 80-х годов:

«...завещает родному он сыну
лишь слепую покорность судьбе роковой»...

Совсем иную картину представляет движение 90-х годов, которое, раз начавшись, продолжало расти и усиливаться, захватывая все более и более широкие слои народа, пока, наконец, не потрясло старый режим до самого основания.

Первым сильным толчком, всколыхнувшим стоячее болото реакции, был голод 1891—92 г.г. Разразившийся неурожай окончательно разорил хозяйство «податного сословия», благосостояние которого и раньше не поднималось выше уровня нищеты благодаря финансовой политике, откровенно покровительствовавшей поместному дворянству и крупнейшей буржуазии. Но само по себе крестьянство и теперь еще, на краю голодной смерти, не представляло для правительства опасной силы. Если прежде нищета и бесправие не могли одолеть «слепой покорности» забитой крестьянской массы, то теперь голод и последовавшая за ним холера могли породить только стихийные холерные бунты, сопровождавшиеся избиением земских врачей, разгромом и т. п.

Но либеральную буржуазию этот голод пробудил от долгой политической спячки. Передовая печать указывала, что голод—не случайное бедствие, а результат многолетней политики правительства, подкопавшей основы народного хозяйства. Самодержавие, которое еще недавно казалось огромной силой, опиравшейся на устойчивое и выносливое крестьянство, теперь было об'явлено «колоссом на глиняных ногах».

Но ни крестьянские бунты, ни либеральное движение не представляли большой опасности для самодержавия. Все это было у нас и раньше. То, что вносило совершенно новый смысл в движение 90-х годов, что придавало ему особую силу в конце концов должно было сыграть решающую роль,—это было поразительно быстро растущее рабочее движение, которого не знали предыдущие десятилетия.

Неурожай 91—92 г.г. не только произвел опустошение в деревне, но и сильно подорвал уже значительно развитую фабричную промышленность. Разорив крестьянство, он лишил наши фабрики главного рынка и привел к сильному промышленному кризису. Неизбежное при всяком кризисе понижение заработной платы и массовая безработица вызвали повсеместные волнения рабочих. В 1892 г. были крупные беспорядки в Юзовке, окончившиеся военным усмирением. В 1893 г. происходят забастовки и волнения рабочих в Петербурге, Харькове и Ростове на-Д. В следующем году забастовки распространяются почти на все промышленные центры России.

Широко развернувшееся рабочее движение привлекает к себе внимание передовой русской интеллигенции, присматриваясь к русской действительности, эта интеллигенция скоро должна была порвать с традициями народничества, которое было совершенно бессильно об'яснить новые явления русской экономической жизни, и согласовать с ними свои прогрессивные стремления. Бьющие в глаза успехи капитализма и широко распространившееся рабочее движение сделали то, чего не могла достигнуть литературная пропаганда группы «Освобождение Труда» в 80-е годы. Те самые мысли,

которые высказались в «Наших разногласиях» и приобретали в свое время лишь единичных сторонников, теперь быстро усваивались передовой русской интеллигенцией, так как находили блестящее оправдание в русской экономической и общественной жизни. Спор о значении капитализма и развитии его в России скоро перешел на страницы легальной печати и стал предметом ожесточенной борьбы между отживающим свои дни народничеством и сторонниками учения Маркса. В 1894 г. появляются в печати «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» П. Струве, это первое крупное произведение русского легального марксизма. Огромную роль в распространении новых взглядов сыграла книга Плеханова, изданная легально под псевдонимом Бельтова в 1895 г.: «К вопросу о монистическом понимании истории». Она сводила окончательные счеты с народничеством в лице его самого популярного представителя Н. К. Михайловского. С 1894 г. марксистами стал издаваться журнал «Новое Слово», который с большим успехом продолжал начавшийся в легальной литературе поход против народников. Эта марксистская критика развенчивала народничество, как «передовое направление» русской интеллигенции, в котором видели продолжение «славных традиций Народной Воли», и привела к тому, что к концу 90-х годов «марксизм» стал господствующим направлением в среде революционной молодежи.

Впоследствии обнаружилось, что далеко не все представители этого «легального» марксизма, остались в то же время сторонниками русской социал-демократии. В то время, по цензурным условиям, в легальной печати было невозможно изложить учение Маркса во всей полноте. Пока дело шло о значении капитализма, о роли внутреннего и внешнего рынков и т. п., в среде «легальных» марксистов, дружно боровшихся против народников, не замечалось никаких разногласий. Научные взгляды народничества в этих вопросах не выдерживали критики даже с точки зрения современной буржуазной политической экономии. Неудивительно поэтому, что в лагере «легального» марксизма, под которым понимали все то, что боролось против народнических теорий, не замедлили обнаружиться крупные разногласия, как только споры с народниками приходили к концу. По мере того как даже сквозь цензурные перегородки все яснее выступало революционное содержание марксизма, как теоретического обоснования современной социал-демократии, многие из прежних его сторонников стали один за другим перебегать в лагерь либеральной буржуазии. Это случилось прежде всего с тремя наиболее популярными из «легальных» марксистов: Струве, Туган-Барановским и Булгаковым—выступившими с критикой «ортодоксального», т. е. революционного марксизма. В этом и заключается пресловутый «кризис марксизма», который доставил столько удовольствий и утешения нашим народникам, потерпевшим полное поражение от марксистов.

Массовое увлечение марксизмом русской интеллигенции, т. е. демократической и либеральной буржуазии, и не могло, конечно, создать из этой буржуазии социал-демократических кадров. Но учению Маркса суждено было сыграть у нас ту роль, какую оно не играло, кажется, ни в какой другой стране. Оно помогло русской интеллигенции освободиться от тяготевших над ней традиций народничества, которое, при данном уровне производительных сил, становилось все более р е а к ц и о н н ы м. В учении Маркса прогрессивная буржуазия нашла то оружие, с помощью которого она с успехом боролась против реакционной мелко-буржуазной идеологии. Подобно

тому как «Северный Союз Русских Рабочих» сумел значительно переработать народнические теории в духе социал-демократии, так и русская буржуазная демократия, воспользовавшись для своих целей революционной социал-демократической теорией, сумела переработать эту теорию «критикой» и приспособить ее к своим либеральным идеалам.

Но если революционный характер «ортодоксального» марксизма оттолкнул от него широкие слои «интеллигенции», то тем более крепко стала держаться этого учения революционная часть интеллигенции, которая теперь стала быстро пополнять ряды социал-демократии.

Рост рабочего движения и широкое распространение учения Маркса среди интеллигенции впервые создают у нас благоприятные условия для развития современной социал-демократии.

Однако в первой половине 90-х годов социал-демократическая работа почти не изменила своего характера и ограничилась, как и в 80-е годы, кружковой пропагандой. Она только увеличивается количественно и из главнейших промышленных центров—Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Киева, Екатеринослава — распространяется на новые местности. Особенно быстрые успехи с.-д. пропаганда делает в Северо-Западном крае среди еврейского пролетариата. Главнейшим центром движения и рассадником социал-демократии здесь явилась Вильна, где первые социал-демократические кружки из еврейской интеллигенции появляются одновременно с петербургскими еще в половине 80-х годов.

Но повсюду работа социал-демократов попрежнему носит пока только подготовительный характер. Она ставит себе задачей выработать из рабочей среды достаточное количество сознательных социал-демократов, которые могли бы в будущем оказать личное влияние на рабочие массы и руководить их борьбой. Как смотрели на свои ближайшие цели небольшие социал-демократические кружки, мы лучше всего поймем из речей сознательных рабочих на тайном собрании 1 мая 1891 г. в Петербурге:

«...чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее,—говорил один оратор,—нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развивать себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей умных, честных и сильных и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас в пример себе и другим».

«Следовательно успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии; и потому товарищи, наш долг, как честных и развитых людей, приготовить из себя и из подходящих для того людей опытных пропагандистов и организаторов в социально-революционном деле и энергичных борцов за право человека и светлое будущее» *).

Так же точно смотрят на свои ближайшие задачи и еврейские социал-демократы. На тайном первомайском собрании, где присутствовало около 100 человек сознательных рабочих, один из них говорил:

«Мы не можем сидеть сложа руки и ждать помощи сверху: только от нас самих зависит наше освобождение и спасение. По мере возможности каждый должен

*) Первое мая 1891 г. „Четыре речи рабочих“. Женева, 1892 г.

стараться учить и себя и других и таким образом способствовать образованию на первых порах хоть маленьких кружков».

Этот узкий, кружковой характер работы был неизбежным до тех пор, пока ничтожное количество сознательных социал-демократов-рабочих тонуло в море темной рабочей массы. Понятно, что в период кружковой пропаганды социал-демократия остается в стороне от рабочего движения, на которое она еще бессильна оказать влияние. Как и знаменитая Морозовская стачка 1885 г., так и широкое стачечное движение начала 90-х годов происходит без всякого участия социал-демократов, которые, при слабости своих сил, не расчитывают оказать влияние на рабочие массы и не рискуют разбить те небольшие социал-демократические рабочие кружки, которые им удается создать путем долгих усилий.

Но по мере того, как расширялись с.-д. кружки и стихийно развивалось рабочее движение, одна только пропаганда перестала удовлетворять сознательных рабочих, которые стремятся принять участие в пролетарской борьбе.

«Чаша переполнилась,—говорит одна еврейская работница на том же первомайском собрании 92 г.:—Дальше продолжаться так не может. Наша покорность и безропотность ни к чему не поведут—мирным путем мы ничего не сделаем. Мы должны бороться с нашими врагами. Но, конечно, каждый человек должен измерять свои силы... поэтому мы должны бороться с нашими ближайшими врагами, с которыми нам приходится сталкиваться каждый день, а именно с нашими хозяевами».

«...Чтобы не было между нами такой разрозненности, чтобы об'единиться—мы должны устраивать частые сходки... Все должны стараться основать кассы и заботиться об их расширении. Мы должны устраивать стачки».

Но прошло не мало времени, пока эти новые пути и способы борьбы преодолели все сомнения и проложили себе дорогу в социал-демократической практике. По мере расширения работы возникает борьба против «кружковщины» и созревает мысль о необходимости перейти от выработки отдельных социал-демократов путем пропаганды к широкой агитации в рабочих массах на почве повседневных нужд и требований. В первый раз эта мысль была обстоятельно развита в брошюре «Об агитации». Эта брошюра появилась в Вильне в 1894 г. и долго ходила по рукам в рукописи, пока не была издана в Женеве в 1896 г.

«Как бы широко ни было рабочее движение,—говорится в брошюре,—успех его не обеспечен до тех пор, пока рабочий класс не станет твердо на почву политической борьбы». «Как ни проста и очевидна идея политической свободы проникнуться ею, притом еще в стране политически отсталой, рабочий класс не может до тех пор, пока не перестанет задыхаться в данной политической атмосфере, пока удовлетворение ставших для него необходимыми потребностей не будет невозможным в пределах существующих политических условий. Задачей социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимает их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и в конце концов поставит пред ними более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный таким образом к более серьезной борьбе, рабочий класс приступает к решению своих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов

должна иметь целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом более сознательном виде создаст почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса... Тот не социал-демократ, кто своею деятельностью не содействует росту классового сознания и революционных требований пролетариата».

Стремясь расширить социал-демократическую работу, брошюра создавала таким образом целую «теорию» агитации. Приступая слишком осторожно к новой задаче, автор в интересах сближения социал-демократии с массой суживает самые задачи социал-демократии, рекомендуя ограничиться чисто-экономической агитацией в течение целых двух стадий, пока рабочий класс не будет подготовлен к политической борьбе. Грубая ошибка этой теории заключалась в том, что она предполагала для политической борьбы политическую зрелость всего рабочего класса, а не передовой его части, хотя бы и очень немногочисленной, и таким образом откладывала политические задачи социал-демократии в долгий ящик.

Несмотря на эти недостатки, брошюра «Об агитации» имела большое значение для расширения социал-демократической работы. Большую пользу нашему движению она принесла не своей доктринерской теорией, а той практикой, которую она настоятельно рекомендовала. Практика же сводилась к широкой агитации в массах и руководству экономической борьбой рабочих. Такая практика была большим шагом вперед в сравнении с «кружковщиной», которая оставляла социал-демократов в стороне от рабочего движения. Борьба с «кружковщиной» стала настоятельной необходимостью не только потому, что при изменившихся условиях она стала отсталой формой, не позволяла придать работе более широкий размах, но также и потому, что она местами вырождалась в уродливые формы. Нередко спропагандированные рабочие, всецело погружаясь в науку, становились менее чутки к повседневным злобам окружающей их «серой» массы, становились чуждыми этой массе, на которую они смотрели свысока. Из среды этой отсталой части социал-демократов, потерявшей чутье к вопросам жизни и твердо державшихся раз выработанных приемов работы, и выступили главным образом противники массовой агитаци, когда возникли горячие споры по поводу выдвинутого вопроса. Как это всегда бывает, новые взгляды окончательно восторжествовали только тогда, когда они наглядно были подтверждены опытом.

В самых старых центрах движения устная агитация в кружках и небольших собраниях ведется уже в 1893—94 г.г. Но скоро могучим агитационным средством становятся социал-демократические прокламации, которые дают возможность захватить самые широкие массы неорганизованных рабочих. В Петербурге гектографированные с.-д. листки появляются уже в январе 1895 г. по поводу стачки на заводе Семянникова. После этого первого опыта, оказавшегося очень удачным, петербургские социал-демократы издали целый ряд печатных прокламаций в течение этого года, который был богат стачками (в порту, на суконной фабр. Торнтона, на табачной фабр. Лаферм и др.). В Москве агитация посредством прокламаций начинается еще раньше. После целого ряда гектографированных листов социал-демократам удалось, наконец, в конце 1894 г. распространить печатную прокламацию, которая имела огромный успех. Какой дружный отклик в самых широких массах рабочих встречала социал-демократическая агитация,—совершенно неожиданно показала первая маевка в Москве в

1895 г. Хотя, по примеру петербургской маевки 91 г., она была отпразднована на тайном собрании, в котором приняли участие всего 250 человек, но слухи об этом собрании распространились по всей Москве. Выпущенные организацией первомайские листки с величайшим интересом читались всем рабочим населением, а участники тайного собрания выступили на другой день истолкователями этих листков и передавали собиравшимся повсюду группам рабочих содержание произнесенных речей. Таким образом, в более старых организациях и вместе с тем в крупнейших центрах рабочего движения, как Петербург и Москва, социал-демократическая агитация на-ряду с пропагандой, входит в практику местной работы, как только оказывается достаточное количество сознательных социал-демократов из рабочей среды, которые и являются необходимыми проводниками этой агитации в массах. «Кружковщина» оказывается более живущей в городах со слабо развитой промышленностью или же там, где поздно занесенная пропаганда не успела еще подготовить достаточного количества рабочих для агитации.

Начало широкому применению агитации даже в более отсталых центрах движения положила знаменитая стачка петербургских ткачей и прядильщиков в 1896 году. Небывалая по своим размерам (более 30000 чел.) и по своей стойкости и выдержанности, эта стачка имела большое значение не только для Петербурга, но и для всей России, т. к. всюду встретила огромное сочувствие и будила классовую солидарность в рабочих массах. Зараженные этим боевым настроением, забастовали московские железнодорожные рабочие, которые, вслед за петербургскими ткачами, выставили неприятное для правительства требование уплаты за коронационные дни. О русском рабочем движении заговорили во всем мире, и правительство не только не может уже замолчать «рабочий вопрос», но в своем «Правительственном Вестнике» в первый раз сообщает во всеобщее сведение о деятельности с.-д. организаций. Оно горько жалуется на социал-демократов, которые стараются «придать стачкам социальный характер и в этом смысле руководить забастовщиками». И действительно, петербургская и московская с.-д. организации, еще раньше пустившие корни в рабочие массы, теперь успешно вели усиленную агитацию, так что во время стачки по правительственному сообщению появилось «25 различного содержания подметных листков».

Петербургская стачка окончательно рассеяла сомнения некоторых социал-демократов в том, что стачки, при наших полицейских порядках, могут оканчиваться успешно и приносить какую-нибудь пользу рабочему движению. Опыт этой стачки ясно обнаружил, каким могучим средством воспитания классового сознания может стать руководство социал-демократов экономической борьбой рабочего класса и агитация на почве этой борьбы, при наших политических условиях.

Эти новые приемы массовой агитации получают теперь всеобщее признание и скоро повсюду входят в практику социал-демократической работы.

Применяясь к новым задачам, складываются новые, более сложные организации. Наряду с пропагандистскими кружками организуются рабочие кассы для поддержки стачек, помощи заключенным, покупки нелегальной литературы и т. п. Вокруг этих касс группируются более широкие слои сознательных рабочих, а руководителями и организаторами выступают все более сами рабочие. Если в первой половине 90-х годов социал-демократическая работа по необходимости ограничивалась, главным образом, про-

пагандой и отливалась в форму «кружковщины», то, начиная со второй половины этого десятилетия, вместе с поразительно быстрым ростом рабочего движения и расширением практической деятельности социал-демократов,—стали быстро вырастать прочные социал-демократические организации. В 1895 г. в Петербурге все местные социал-демократические группы об'единяются в С.-Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», за подписью которого и распространяются прокламации. В этом же году образовался «Иваново-Вознесенский Рабочий Союз», который оказался, однако, на первых порах слишком слабым для широкой агитации и, опасаясь разгрома неокрепшей еще организации, не решился принять участия в крупной стачке, которая возникла в этом году на Ив.-Вознесенской ткацкой мануфактуре. В 1896 г. в Москве многочисленные с.-д. группы об'единились в «Московский Рабочий Союз», который в скором времени насчитывал уже до 1000 рабочих. В этом же году Московский Союз послал своим представителем В. Засулич на Лондонский международный социалистический конгресс, на котором нашей делегацией было подробно доложено о только что минувшей стачке петербургских ткачей, о росте рабочего движения и успехах социал-демократии в самодержавной Российской империи. В следующем году, «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» возникают и в трех крупнейших промышленных центрах Юга: в Киеве, Харькове и Екатеринославе. В этом же году были основаны еще две крупные с.-д. организации: «Всеобщий еврейский рабочий союз в Польше и Литве» (Бунд) и заграничный «Союз русских социал-демократов».

Окрепшие социал-демократические организации повсюду ведут широкую агитацию как печатную—посредством своих листков, так и устную—через своих организованных рабочих, которые все более тесно связывают организацию с рабочей массой и дают возможность чутко прислушиваться к интересам рабочего движения. Но скоро стали обнаруживаться и недостатки этой работы. У более сознательных рабочих, не входивших в организации, эти листки только разжигали любознательность, но не могли ее удовлетворить. Создать же популярную литературу было делом гораздо более трудным, чем печатать небольшие листки. Дело в том, что тесно сплоченные на местах союзы были совершенно оторваны друг от друга и должны были самостоятельно обслуживать все свои потребности. А между тем, издание брошюр было не под силу ни одной из отдельных организаций. Единственным источником, который обслуживал общие потребности в литературе, была заграничная группа «Освобождение Труда». В начале 90-х годов этой группой были изданы брошюры Плеханова: «Всероссийское разорение» и «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России». Наряду с прежними изданиями группы «Осв. Тр.» эти брошюры, попавшие в соц.-демокр. кружки, имели большое значение для теоретического развития первых наших социал-демократов, только что приступавших к практической работе. Но они не были доступны широким слоям рабочих. А те немногие популярные брошюры, которые были изданы группой «Осв. Тр.» (Речь Петра Алексеева», «4 речи русских рабочих», «Наемный труд и капитал» Маркса, а позднее «Машина» Кольцова, «Десятилетие морозовской стачки» и др.), далеко не могли удовлетворить огромный спрос со стороны рабочих. Поэтому наряду с печатными книжками в это время в большом ходу были рукописи переведенных сочинений Энгельса, Лассаля, Бебеля и проч. С 1896 года группа «Осв. Тр.» стала издавать

популярный журнал «Работник» и «Листок Работника». По богатству материала эти издания были ценным вкладом в социал-демократическую литературу, но они попадали в Россию слишком в небольшом количестве и притом неаккуратно. Только с 1897 г. когда образовался за границей «Союз русских социал-демократов», в который вошла и гр. «Осв. Тр.», издательство популярной литературы и доставка ее в Россию приняли большие размеры, хотя, конечно, никогда не могли вполне удовлетворить все возраставшему спросу.

Подпольные социал-демократические типографии до самого последнего времени не могли подняться выше уровня «кустарного» производства. Они превосходно приспособились к изданию прокламаций, распространение которых непрерывно возрастало и, несмотря на частые «провалы», достигло огромных размеров. Но издание брошюр было редким исключением *). Потребность в живом печатном слове была так велика, что некоторые организации скоро приступили к изданию своих печатных органов. С конца 1896 г. стала издаваться в Киеве «Рабочая Газета», а в 1897 г. в Петербурге «Рабочая Мысль». В этом же году в Варшаве вышел № 1 «Голоса Рабочего» (на еврейском жаргоне), изданный группою рабочих без ведома организации. Эта газета стала центральным органом «Бунда». Но регулярное издание газеты оказалось не под силу даже самым сильным организациям. Номера появлялись очень редко и обыкновенно отставали от текущей жизни. Только Бунду удалось издать с 1897 по 1901 г. 25 номеров «Голоса Рабочего». Из русских социал-демократических газет дольше других просуществовала «Рабочая Мысль», закончившая существование на 16-м №. Но уже начиная с 3 №, издание ее пришлось перенести за границу.

Поразительно быстрый рост социал-демократических организаций в 94—97 г. закончился первым социал-демократическим с'ездом, провозгласившим о существовании Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Когда отдельные организации в крупнейших промышленных центрах развили широкую деятельность, и когда они настолько упрочились, что никакие аресты не могли уже остановить работу, мысль об об'единении всех организаций в единую рабочую партию возникла сама собою.

Весною 1898 г., в одном из небольших городов Литвы собрались представители всех крупных с.-д. организаций России. С'езд был созван по почину редакции киевской «Рабочей Газеты», которая разослала приглашения во все организации, с которыми она имела связи. На с'езде были представлены след. организации: Петербургский, Киевский, Харьковский, Екатеринославский и Московский «Союзы борьбы», группа, издававшая «Рабочую Газету», заграничный «союз русских социал-демократов» и «Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в России и Польше». Ни одна из этих организаций, кроме заграничного союза, до сих пор не называла себя официально социал-демократическим именем. Они делали это для того, чтобы не отпугивать массы непонятным иностранным словом. Точно так же предпочла избегнуть этого названия и группа «Освобождение Труда», считаясь с предрассудками русской «социалистической интеллигенции». Первый с'езд закрепил это название за нашей партией, когда

*) Самой большой книгой, изданной социал-демократами в России, была, насколько нам известно, „Эрфутская программа“ Каутского, отпечатанная в типографии Ц. К. в 1905 г. накануне появления ее в легальном издании „Буревестника“.

самое учение социал-демократии стало уже достаточно популярно среди рабочих. С мнением же народнической интеллигенции при таких обстоятельствах считаться не приходилось, да притом же, русские социал-демократы были достаточно ненавистны ей и в качестве «марксистов».

Положив основание партии, первый с'езд не об'явил, однако, вполне разработанной партийной программы. «Проект программы русских социал демократов», выработанный группой «Освобождение Труда», не мог, конечно, быть принят в качестве программы партии, так как он, как мы уже видели, имел в виду только подготовительную деятельность руских социал-демократов и не отвечал бы современному положению вещей в России. Переработать же этот проект или выработать новый, как это и предполагалось некоторыми инициаторами с'езда, не успели. С'езд ограничился опубликованием «Манифеста Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», в котором он указывает на развитие в России капитализма, на неизбежно возникающее отсюда освободительное движение пролетариата. В самых общих чертах манифест определяет цели и средства социал-демократии и указывает ближайшую задачу партии. «Ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы,—говорится в манифесте,—социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые выбирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс».

Для дальнейшего развития социал-демократии этот с'езд имел большое значение. Хотя он и не принял полной и законченной социал-демократической программы, но в опубликованном «Манифесте Партии» он выразил основные взгляды российской социал-демократии, которые коренным образом отличают ее от древнего народничества, как партию рабочего класса. Этот 1-й с'езд укрепил, таким образом, идейную связь между отдельными организациями, которые возникли и развивались до сих пор почти независимо друг от друга.

Для руководства и об'единения деятельности всех отдельных с.-д. организаций, переименованных теперь в комитеты партии, с'ездом был выбран центральный комитет и редакция центрального органа партии, которым была об'явлена киевская «Рабочая Газета». Но эта первая попытка установить прочное организационное единство партии не удалась. Единственным общепартийным делом, кроме «манифеста», было издание общей первомайской прокламации 1898 г.

Тотчас же после с'езда начались повсеместные аресты, которыми руководил киевский жандарм Новицкий (еще раньше прославившийся удачной охотой на народовольцев). Раз'ехавшиеся по разным городам делегаты 1-го с'езда были выслежены сыщиками и дали, таким образом, возможность жандармам в разных местах почти одновременно арестовать до 500 человек. В руки жандармов попали почти все участники с'езда (со всеми документами) и в том числе члены только-что выбранных Ц. К. и редакции Ц. О. Арестована была также и типография «Рабочей Газеты». Этот массовый разгром разрушил общепартийную организацию в самом зародыше. Однако, местные организации очень скоро оправились после арестов. Так в Киеве,

где было арестовано в это время 176 человек, вскоре после арестов были распространены первомайские прокламации, и работа пошла попрежнему. Местные организации пустили такие глубокие корни и были так прочны, что остановить их работу нельзя было уже никакими арестами. А если так, то ничто, повидимому, не мешало восстановить общепартийные органы. Однако же, несмотря на то, что работа на местах продолжала развиваться, восстановить общепартийную организацию не удавалось в течение целых 5 лет после 1-го с'езда. К концу 90-х годов организационная разрозненность и разброд, существовавшие до 1-го с'езда, не только не прекратились, но значительно увеличились. Так, с осени 1897 по 1900 г. в одном только Петербурге наряду с «Союзом борьбы»—комитетом партии одновременно существуют следующие самостоятельные с.-д. организации: группа «Рабочей Мысли» (с 1897 г.), гр. «Рабочего Знамени» (с 1897 г.), группа «Самоосвобождения рабочего класса» (с 1897 г.), «группа 20» (с 1899 г.), «Социалист» (с 1900 г.).

Что же раз'единило эти организации? Мы видели, что 1-й с'езд не дал партии подробно выработанной программы. Но основные положения этой программы были ясны, как из манифеста партии 1898 года, так и из всей социал-демократической литературы. Этот же манифест вполне правильно определил общий характер социал-демократической тактики, указав, что «средства и пути, которые избирает социал-демократия», должны согласоваться с «классовым движением организованных рабочих масс». Массовая борьба и широкая агитация всегда были могучим средством социал-демократии, отличительной чертой ее тактики. Но вопрос о том, что должно быть предметом этой агитации, социал-демократами конца 90-х годов решался не одинаково и в большинстве случаев уже не так, как решали его деятели 1894—1897 гг. Массовые аресты, хотя и не могли уже остановить социал-демократической работы, но при частой смене работников они не давали возможности сохранить прочную преемственность этой работы. Возникшее в конце 90-х годов новое направление в среде «молодых» деятелей пришедших на смену «старым», значительно отличалось от взглядов «старых» на ближайшие задачи агитации. В то время как «старые» полагали, что «борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения» *),—«молодые» об'явили, что рабочий класс в массе еще не созрел для политической агитации и поэтому, в интересах сближения с массой, считали нужным ограничиться агитацией на почве сознанных массой, экономических интересов. Это направление и стало известно под именем «экономизма». Хорошо усвоив не только практику, но и теорию брошюры «Об агитации», «экономисты» полагали, что в настоящей «стадии» развития рабочие массы могут интересоваться только событиями и явлениями их повседневной фабричной жизни. Самым ярким выразителем «экономического» направления была газета «Рабочая Мысль», которая поставила себе задачей быть «лишь отражением мысли рабочих масс». Следуя правилу—вести агитацию лишь на почве «непосредственных столкновений» «Рабочая Мысль», заполняет свои страницы исключительно сообщениями об условиях труда, о повседневной жизни рабочего и борьбе его с предпринимателем и усердно обходит все другие вопросы общественной и политической жизни. Даже такие крупные по тому времени события, как всеобщая

*) „Рабочая газета" № 2. 1897 г.

туденческая забастовка 1899 г., не удостоилась внимания этой газеты. Это направление стало господствующим почти во всех с.-д. изданиях.

В то самое время, когда в легальной печати горячо обсуждались вопросы текущей жизни, когда велся ожесточенный бой с народниками, когда в широких кругах интеллигенции велись горячие споры о значении капитализма и роли рабочего класса нелегальная литература, предназначенная для рабочих, отличалась поразительной скудостью материала и отсутствием живой политической мысли. «Экономическая борьба, рассуждали «экономисты»,—рано или поздно приведет рабочих к непосредственным столкновениям с полицией и другим начальством, и только тогда можно будет приступить к политической агитации». Из отчета Екатеринославского комитета 1900 г. мы узнаем, что местная организация все еще не может приступить к политич. агитации, т. к. полиция пока не вмешивается в борьбу рабочих с капиталистами. Работа социал-демократов этого времени сводится, главным образом, к организации стачек, устройству фабричных касс, —словом, не идет дальше программы профессиональных союзов в свободных странах. В эти годы выработался тип «практика», который только в такой деятельности видел настоящее «рабочее дело».

Отказываясь итти в своей агитации дальше «сознанных массой интересов», «экономисты» принижали, таким образом, сознание социал-демократии до уровня стихийного рабочего движения. «Мы свою программу, свою тактику, свою борьбу приспособили к массе» *),—похвалился один еврейский социал-демократ на майском собрании агитаторов в Вильне в 1895 г.

Чтобы понять это направление социал-демократической мысли, нужно иметь в виду, что целое поколение русских социал-демократов конца 90-х годов воспиталось под влиянием «легального» марксизма, который по цензурным условиям не мог изложить теорию научного социализма во всей полноте. Но этого мало. «Легальный» марксизм из недоговоренного до конца учения социал-демократии трудами »критиков» скоро превратился у нас в идеологию прогрессивной буржуазии. И если незрелая часть социал-демократов-практиков могла по недоразумению, или, лучше сказать, по неразумию, подпасть под влияние этого «легального марксизма, то некоторые вполне зрелые представители этого «марксизма» сознательно развивали оппортунистическую сторону «экономизма, желая видеть в рабочем движении простой придаток к либеральному освободительному движению. В «экономическом направлении» сказалось, таким образом, влияние буржуазного либерализма, который всегда и везде, а не только у нас в России—стремился сузить задачи рабочи партии, свести рабочее движение к чисто-экономической борьбе лишить его революционного, классового характера. Большую смуту должна была вносить буржуазная идеология таких, напр., «теоретиков» социал-демократии, как Петр Струве, который не только своими легальными произведениями, но также и личным участием в делах социал-демократических организаций оказывал влияние на взгляды молодых **).

С другой стороны, укреплению «экономического» направления способствовали внешние условия. Наша промышленность в конце 90-х годов переживала лучшие

*) „Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения".

**) В Киеве принимали участие в делах местн. комитета В. Водовозов и Бердяев.

времена. Заваленные заказами фабриканты гораздо охотнее, чем в другое время, шли на уступки, и стихийное рабочее движение естественно направлялось в сторону наименьшего сопротивления, т.-е. борьбы с отдельными предпринимателями за улучшения условий найма. Руководство с.-д. организаций экономической борьбой рабочего класса много содействовало росту классовой солидарности и сознательности рабочих масс. Благодаря этому руководству стачки нередко носили такой организованный и выдержанный характер, который без этого руководства был бы немыслим при наших полицейских порядках. Но эти же быстрые и видимые успехи помешали социал-демократам правильно отнестись к самой главной ближайшей задаче рабочего движения,— завоеванию политической свободы, без которой не прочны и экономические завоевания рабочих.

Как бы то ни было, в 90-е годы социал-демократия сделала большие успехи. Пропаганда в начале этого десятилетия дала немало вполне сознательных социал-демократов из рабочей среды. Социал-демократическая агитация середины 90-х годов находит дружный отклик в рабочих массах и будит в них классовое сознание. Из тесных кружков вырастают организации, которые становятся во главе рабочего движения. В период «экономизма» эта связь социал-демократии с рабочей массой и ее руководство рабочим движением еще более упрочиваются. Но влияние социал-демократов на ход рабочего движения происходит уже насчет революционного содержания социал-демократии и увлек ее за собою. И к концу 90-х годов, несмотря на огромный рост рабочего движения и быстрое развитие социал-демократии, мы не находим еще широкого и организованного с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о г о движения: С.-д. организации не могли вызвать к жизни такого движения до тех пор, пока они отодвигали на задний план политические задачи социал-демократии. Именно по этой причине (а не вследствие случайных арестов первых Ц. К. и Ц. О.) не удалось упрочить организационное единство партии. Прочною связью всех с.-д. организаций могли быть только общие политические задачи рабочего класса, а не разрозненная экономическая борьба с отдельными предпринимателями. К концу 90-х годов русская социал-демократия оказалась еще не в силах на практике разрешить тот вопрос, который давно был решен ею в теории: вопрос об отношении социализма к политической борьбе.

ПЕРВЫЙ С'ЕЗД РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Оживление социал-демократического движения, начавшееся после голодных 91-92 годов, привело к увеличению числа кружков. В это время потребности движения вызывали необходимость создания централизованной организации. Попытки об'единения кружков и социал-демократической партии замечаются уже в 1894-м году, когда руководители московского движения нащупывали организации и в других городах, завязывали (правда, слабые) связи в целях об'единения и координации действий. Шли даже переговоры о созыве с'езда. Но частые «провалы» московской организации не позволяли довести дело до конца. В 1896-м году такую же попытку сделала петербургская организация (4-го летучего листка), которая установила связи с Вильной, Москвой и Киевом, но и здесь аресты прервали работу. Попытки созвать с'езд предпринимались виленской организацией в конце 1896 г., затем киевской в начале

1897 г. Словом, идея созыва с'езда неслась так сказать в воздухе. Осуществить ее удалось киевской группе «Рабочей газеты», усилиями которой с'езд, наконец, был созван. Ниже приведена статья Б. Эйдельмана о созыве 1-го с'езда, составляющая собою 8-ю главу из его воспоминаний.

Чтение этой выдержки может быть затруднено упоминанием кое-каких организаций и фамилий, приводя, которые Б. Эйдельман не дает почти никаких пояснений, предполагая очевидно, что все это должно быть известным. Во избежание все-таки некоторой недоговоренности, которая может получиться у читателя, ниже приводятся краткие сведения касающиеся тех пунктов, которые могут затруднить чтение. Справляться с проводимым материалом лучше всего в процессе чтения статьи.

I. «Группа Рабочей газеты». В 1891-м году—в Киеве организовался марксистский кружок, назвавшийся русской социал-демократической группой, в отличие от 2-х польских кружков (П. П. С. и П. С.-Д.) члены кружка завязывали связи с рабочими и в 1893-м году некоторые члены «русской группы» уже руководили кружками рабочих. В 1894-м году организуется празднование маевки. В этом же году группа окончательно оставляет пропаганду среди интеллигенции и переходит к работе среди рабочих. Группа же переводит «Эрфуртскую программу»—Каутского на русский язык и печатает ее в Галиции. В декабре 1895 г. самочинно и чисто стихийно из кружков выделяется руководящая группа в составе 4-х человек: (Ю. Мельников, Б. Эйдельман, Поляк-Роялист и Заготовский.) которая после начала называться «Киевским Рабочим Комитетом» и распространила свое влияние на все три организации. Комитет просуществовал до апреля 1896 г., когда Мельников был арестован. За время своего существования комитет выпустил три прокламации и выработал устав стачечной кассы. В 1896-м году в связи с переходом к агитации в широких рабочих массах «Русская Группа» переименовалась в группу «Рабочее Дело» и начала издавать газету «Вперед». Для издательского дела и для сношений с другими группами «Рабочее Дело» выделило редакционную комиссию. В 1897 г. делает попытки к созыву с'езда. Группа завязывает сношения с Вильной, Петербургом, Москвой и Иваново-Вознесенском. С'езд был назначен на 17-е марта 1897 г. Приехали представители Москвы и Петербурга. Представитель Москвы уехал и после его от'езда, вместо с'езда, состоялось нечто вроде конференции в составе: группы «Рабочее Дело», группы польских с.-д. и представителя Петербурга. После «конференции» все три Киевские группы (П. П. С., П. С.-Д. и «Рабочее Дело») об'единились в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Газета «Вперед» с 3-го номера перешла в распоряжение «Союза», а редакционная комиссия была пополнена и взялась за издание «Рабочей газеты»; она и составила «Группу Рабочей Газеты». «Союз» же созвал и второй «Киевский Рабочий Комитет», наметив в качестве его членов по одному человеку от каждого рабочего социал-демократического кружка, плюс по одному представителю от «Союза Борьбы» и «Группы Рабочей Газеты». Группа «Рабочей Газеты» взялась за организацию созыва 1-го с'езда партии. Эта работа ей удалась. А через неделю после с'езда 10-го марта (старого стиля) вся группа была арестована.

II. «Роялист».—Наборщик подпольной типографии «Рабочей Газеты» Исаак Давыдович Поляк. Типография на условном языке называлась «Рояль».

III. «Белосточанин».—Наборщик Моисей Лурье, член Белостокской, отколовшейся от Бунда «Группы Рабочих Революционеров». Принял участие в издании «Рабочего Знамени».

IV. «Группа Рабочего Знамени». (Ногин, М. Лурье и др.) «Рабочее Знамя» (всего было выпущено три номера), было в России органом «политиков»; издававшееся для борьбы с «экономизмом». Группа, издававшая «Рабочее Знамя», образовалась из нескольких членов Петербургской группы «Социалист» и Белостокской «Группы Рабочих Революционеров», отделившиеся от Бунда. В мае 1898 г. группа выпустила первый номер «Рабочего Знамени». Вскоре после этого вся типография была разгромлена полицией и следующие два номера вышли за-границей.

V. «Бунд». Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, России и Польше. Образован в 1897 г. Был представлен на первом с'езде Р. С.-Д. Р. П. и вошел в партию на «автономных» началах (об этой «автономии»—ниже в статье Б. Эйдельмана). Во главе союза стоял центральный комитет, имевший оффициальным органом газету «Рабочий Голос» («Арбетер Штимме»), издававшийся на еврейском языке. На втором с'езде после того, как была принята резолюция о строгом централизме во взаимоотношениях ЦК и местных организаций «Бунд» вышел из состава партии. На Стокгольмском «Об'единительном» с'езде «Бунд» снова вошел в Р. С.-Д. Р. П. В течение всей своей деятельности «Бунд» придерживался по преимуществу меньшевистской тактики. Только после Октябрьской революции в нем стало заметно изживание меньшевизма, в результате чего, часть его, наиболее революционная, влилась в РКП.

VI. П. П. С.—Польская социалистическая партия, образовавшаяся в 1893 году. Возникла под влиянием оппозиционного настроения против выдвинутого польским капитализмом «варшавского позитивизма». По существу социализм П. П. С. был мелко буржуазным с сильным привкусом национализма. В центре программы П. П. С. стоял пункт, требовавший восстановления независимого национального польского государства. Осуществление этого пункта предполагалось помощью организации национального восстания. После русской революции 1905 г. П. П. С. распалась на две части: «левицу» (социалистическая часть) и «революционную» (националистическую). Пильсудский один из важнейших членов революционной (националистической) П. П. С.

VII. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Предшественником «Союза» была «Центральная группа для руководства рабочим движением». Эта группа была обыкновенным кружком пропагандистов-интеллигентов. По инициативе В. И. Ленина кружок организовался в «Союз». Членами его были: В. И. Ленин, Старков, Мартов, Кржижановский, Ванеев, Сильвин, Запорожец. В 1895 г. тов. Ленин уезжает за-границу, завязывает связи с Группой Освобождения Труда и налаживает транспорт литературы. В декабре 1895 г. «Союз» разгромлен полицией и вожди его арестованы. С 1897 года «Союз» становится на путь экономизма. Прекратил свое существование после второго с'езда Р. С.-Д. Р. П.

VIII. «Московский Рабочий Союз» был преемником разгромленного полицией в августе 1895 г. Центрального Московского рабочего кружка. Союз организовался в

январе 1896 г. и быстро вырос в крупную организацию, насчитывавшую около 1000 рабочих. «Союз» энергично работает, имеет собственную нелегальную типографию, выпускает прокламации. К празднованию 25-тилетия Парижской. коммуны по инициативе «Союза» посылается адрес французским рабочим, покрытый 600 подписей рабочих. На конгресс второго интернационала в Лондоне «Союз» уполномачивает представительствовать В. Засулич. В июне 1896 г. по доносу провокатора (члена союза) Рум'а, было арестовано несколько сот человек рабочих и членов «Союза». После этого провала, Московский Рабочий «Союз фактически прекратил» свою деятельность.

IX. «Союз Русских Социал-Демократов». Фактически был создан заграницей «Группой Освобождения Труда» в 1895 г. Деятельность «Союза» заключалась в издании социал-демократической литературы. Издавался журнал «Работник» (6 номеров) и «Листок работника» (10 номеров). В 1898 году в «Союзе» наметился раскол. Вызван он был наплывом в «Союз» молодых которые, тянули «Союз» в русло «экономизма». Когда в ноябре 1898 г. собрался с'езд «Группа Освобождения Труда» заявила, что она отказывается от редактирования изданий «Союза». Тогда в «Союз» вступил Б. Кричевский (вождь «экономизма») и Сибиряк, усилиями которых был создан журнал «Рабочее Дело» (12 номеров), который якобы пытался занять среднюю позицию между «экономистами» и «политиками», но фактически был выразителем «экономизма». Программа «Рабочего Дела» сводилась к следующему: воззрения и «экономистов» и «политиков» это различные, но необходимые стадии в развитии рабочего движения; самое важное это, все-таки стихийное движение рабочих масс, с которым социал-демократия обязана считаться на данной ступени развития движения; переход к «политике» необходим только потому, что правительство запрещает стачки. Второй С'езд «Союза Руссих Социал-Демократов» произошел в апреле 1900 года; на этом с'езде произошел окончательный раскол. Из состава «Союза» вышли «Группа Освобождения труда» и примыкавшие к ней лица. Они в мае 1900 года образовали «Революционную организацию Социал демократ». В июне 1901-го года по почину группы «Борьба» (называлась «Группа Инициаторов»), взявшей на себя инициативу примирения различных ветвей заграничной социал-демократии, (члены этой группы Рязанов, Стеклов, Смирнов, после неудачи этого с'езда выступили в качестве самостоятельной издательской группы), была созвана конференция из представителей «Союза Русских Социал-демократов», «Революционной организации социал-демократии и вновь образованного заграничного отдела «Искры и Зари»: Конференция выработала проект соглашения организаций и постановила в октябре созвать с'езд. С'езд состоялся в октябре 1901 г., но соглашение не состоялось из-за принципиальных расхождений с «Союзом Русских Социал-Демократов». Сейчас же после с'езда «Революционная Организация Социал-Демократ» и организация «Заря» и «Искра» об'единились в «Заграничную лигу Русской Социал-Демократии». «Лига» издавала брошюры и Бюллетень (3 номера), а «Союз» с ноября 1902 года начал издавать журнал «Красное Знамя» (3 номера). «Союз Русских Социал-Демократов» на втором с'езде РСДРП был об'явлен распущенным.

Редакция.

* * *

Когда группа «Р. Г.» решила созвать с'езд *), то первым был решен вопрос о том, из кого должен состоять с'езд. Решено было, что с'езд будет состоять из представителей социал-демократических групп, а не отдельных социал-демократов, которые представляли бы только себя самих. Группы же, чтобы иметь право на участие, должны были вести действительную работу на местах. По своим связям группа «Р. Г.» надеялась не упустить ни одной из них. Если, тем не менее, некоторые социал-демократические организации не были приглашены на с'езд, то этому были особые причины, о которых речь впереди.

Второй вопрос был о том, как быть с городами, где действуют две социал-демократические организации. Собственно, такого случая, где имеются две самостоятельные социал-демократические организации, группа не знала. Она хотела только считаться с тем положением дел, когда в данном месте в интеллигентской группе работала специальная организация рабочих социал-демократов, как, например, «Киевский Рабочий Комитет». На такой случай предположено просить прислать от каждой приглашаемой на с'езд группы двух делегатов, в том числе одного от рабочей организации, по возможности рабочего же.

Вообще вполне целесообразным надо считать решение группы «Р. Г.» при созыве с'езда считаться с какой-либо одной главной организацией, предоставляя ей соглашение и переговоры с остальными местными организациями.

После первого об'езда мысль о двух делегатах от организации была оставлена. Ясно было уже тогда, что рабочих будет очень мало на с'езде или вовсе не будет. Как ниже увидим, был всего один делегат-рабочий. А вопрос о том, как лучше организовать представительство на местах, после первого об'езда был оставлен на решение той группы, которую решено было пригласить на с'езд.

Это были первые решения группы, созывавшей с'езд, до первого специального об'езда всех известных групп и организаций. Эта первая поездка для переговоров о с'езде должна была ознакомить с личным составом групп и на местах собрать сведения о положении дел, особенно в более молодых организациях, которые не успели еще выяснить своей физиономии в местной работе или в своих изданиях, недостаточно выразили свои взгляды или не доказали своей конспиративности. На последнее качество группа «Р. Г.», вышедшая, как мы видели, из хорошей конспиративной школы, обращала особенное внимание. Требовалась строгая точность и пунктуальная аккуратность в исполнении правил конспирации, которая одна только давала более или менее продолжительное существование подпольной организации. Напомним, что после виленской организации только группа «Раб. Газ.» имела в своих рядах членов, работавших беспрерывно пять лет и более, если прибавить сюда и годы предварительных знакомств с чисто интеллигентскими революционными организациями. Только Бунд насчитывал в своих рядах работников старшего возраста и опыта.

Хотя группа «Р. Г.» и стремилась об'единить все социал-демократические организации, однако она программы на с'езд не представила. В предыдущей главе мы видели, что в смысле программы об'единяло группы-основательницы партии.

*) Или, как мы из конспирации называли его, коллоквиум.

Хотя группа и обсуждала вопрос о программе и отдельные части были распределены между несколькими членами, но на выработку программы не хватило, «ни сил, ни времени».

Задача групп, собравшихся на первый с'езд, состояла не в выработке программы, а в сплочении с.-д. элементов вокруг одного центра и в создании дееспособного центра организаций, об'единенных единством взглядов на ближайшие практические задачи партии и на методы их достижения. Что касается основ социал-демократии и согласования всех программных требований в стройной и полной системе согласно основам, то это поневоле приходилось отложить. Первой на очереди задачей группы считали—из накопленных социал-демократических элементов создать фактически живое целое, и тогда можно будет подумать о логически стройном согласовании частей в полную социал-демократическую программу.

Теперь мы постараемся поближе рассмотреть те ближайшие мотивы, какие повелительно требовали от групп быстрейшего создания центра и об'единения вокруг него.

Хотя и теперь (писано в 1906 г.) конспирация не излишня, но количество работы, которую теперь нужно делать конспиративно, в сравнении с конспиративной работой того времени—невелико. Одна только доставка читателю печатной книжки с изложением основ социал-демократии чего стоила!

Очень часто книжка пропадала в рукописи. Часто совсем готовая и отпечатанная, она пропадает накануне выхода вместе с типографией, как в первом случае (в рукописи), с почтальоном или автором. Так на каждом шагу подстерегает ее враг. И эта книга теперь (писано 1906 г.) почти свободна. Так обстоит дело и с некоторыми другими функциями наших организаций. В описываемое время типография и контрабанда отнимали много сил у подпольных организаций.

При этих условиях всякая местная группа, имевшая возможность нажить известный опыт, сознавала пользу об'единения групп и создания центральной организации.

Центральная организация при известной строгости конспирации почти неуловима. Местная же, несмотря ни на какую конспиративность, делается раньше или позже известной властям и обречена на погибель. Спасает только перемена места; но без центральной организации, знающей эти места, чтобы использовать такие силы, перемена места или невозможна, или бесполезна для дела.

На наших глазах погибли все крупные местные организации. Погиб Спб. Союз борьбы, основанный в 1895 г., провалился московский Рабочий союз, основанный в 1896 г., провалилась и группа четвертого «Летучего Листка». Последняя группа погибла, когда наша группа решила вступить с ней в переговоры через виленчан об об'единении. Киевская группа тоже ждала провала, в том числе многие члены группы «Р. Г.». За многими из них явно следили. Этим обстоятельством об'ясняется, что аресты членов группы «Р. Г.» 10—11 марта 1898 г. были произведены во многих городах [Петербург, Москва, Самара, Екатеринослав и др.]. Члены группы хотели спастись, удалившись на время от дел, к своим родным и знакомым, на нейтральную почву. И это, конечно, не помогло. Только существование дееспособной центральной организации могло сделать продуктивной и возможной частую и своевременную перемену местного личного состава. Только таким образом возможно было сохранить опыт старых работников и их самих. В противном случае пропадало и то и другое. Вот что понимали старые опытом сознавшие орган. организации. Вот что толкало их

к об'единению и дало возможность первой, практически поставившей себе эту задачу организации (группе «Р. Г.») выполнить ее.

Вполне ясно понимали эту задачу старые опытом организации.

Молодые организации ценили возможность получить своевременно и в достаточном количестве, с таким трудом создаваемую, издаваемую и доставляемую нелегальную литературу и возможность через центральную организацию осведомляться о рабочем движении в России устным, письменным или путем печати. Все это обещала программа с'езда в пункте, определявшем задачи Ц. К. партии. Возможность регулярного осведомления высоко ценилась всеми организациями. Что отличало молодые организации от старых, это—боязнь за свою самостоятельность при существовании центра с широкими полномочиями. Этой детской болезни, боязни за свою самостоятельность, не избежала, кажется, ни одна организация.

Таким образом к доводу сохранения энергии (путем централизации и конспирации) присоединялся и второй весьма сильный довод—истребление партикуляризма. Раньше боязнь нарушения своих прав центром, потом идет охранение своих прав ради охранения, и забывает так маленькая провинциальная группка, ради чего и каким образом получила она, самостоятельная группа, свои права. Права ради прав—вот и партикуляризм. А там пошла «оппозиция» и все прелести закоулков и захолустья.

При существовании центральной организации на всех новых пунктах можно было создать сразу колонии-комитеты. При этом сохранялся опыт старых работников, уменьшалась потеря революционной энергии при выработке революционного опыта на местах, и вместо колокольного патриотизма партикуляристов воспитывалась партийность. Это же отнимает всякую почву «оппозиций».

Вот главные ближайшие мотивы, заставившие с.-д. группы собраться в 1898 году на с'езд и создать партию.

Перехожу к обзору имевшихся в России групп ко времени с'езда.

К тому, что было сказано по поводу киевской конференции, о Москве остается мало прибавить. После первого провала московского Рабочего союза первого состава и краткого расцвета второго состава, о котором выше было рассказано, Москва так и не создала большой и сильной организации. На с'езд от Москвы был приглашен молодой и слабый московский Союз борьбы.

Виленчане успели создать областную организацию (Бунд), которой не было еще во время киевской конференции.

Из четырех Союзов борьбы особенную физиономию имел екатеринославский. Одно время [1894—1895 г. г.] тут работали и провалились киевские студенты, которые стояли близко к русской социал-демократической группе. Провалившись они дали членов заграничной колонии эмигрантов и сибирской колонии ссыльных. В Екатеринославе Союз борьбы несколько напоминал нормальный тип союза, создаваемого центральной организацией. Сразу здесь осела небольшая группка членов организаций других городов с известным опытом. А среди рабочих были ссыльные из других двух центров рабочего движения. Были виленские ремесленники, высланные сюда, и большая группа петербургских участников стачки 1896 года. Екатеринославский союз принялся за об'единение всех этих элементов.

Еще группе «Р. Г.» были известны организации в Одессе, Николаеве и Харькове.

В Одессе киевская группа имела связи и готовилась создать местную организацию, но призывать из Одессы представителей на с'езд мы не считали нужным.

Относительно Одессы надо то же сказать, что и о Москве. И тут и там ранний провал организации совершенно уничтожил всякую надежду на воссоздание ее. Что касается Одессы, то мы имеем в виду провал 1894 г. при попытке без предварительной подготовки начать широкую агитацию*).

О Николаеве мы узнали, что там имеется маленькая живая группка, которая за очень короткое время успела проявить большую энергию в агитации масс. К нам доходила газета, издаваемая этой группой («Наше Время»). В Николаеве у нас был одно время ученик из школы-мастерской Мельникова. Ученик этот кончил жизнь самоубийством. Николаевскую группу мы считали мало конспиративной. Группа была накануне провала. Поэтому группа не получила приглашения на с'езд.

В Харькове мы имели через Роялиста связи в рабочей среде и таким образом разыскали молодую интеллигентскую группку. При первом об'езде предстояло обратить особое внимание на две организации: на московскую и харьковскую. На московскую потому, что она по личному составу была нам очень мало известна, хотя и считалась преемницей московского рабочего союза. Харьковская же организация была совсем молодая. Эта группа при первом об'езде после долгих переговоров дала свое согласие, но когда при втором посещении ей была передана программа с'езда она представила письменный отказ от участия в с'езде, мотивируя его неблаговременностью создания партии при слабости групп петербургского и московского Союзов борьбы.

Из национальных с.-д. организаций только за несколько дней до с'езда была приглашена на с'езд литовская с.-д. партия, но она делегата не прислала. Приглашена была эта организация так поздно потому, что мы ее очень мало знали раньше. Что касается Социал-демократии Царства Польского и Литвы, то ее мы также очень мало знали, и она приглашена не была. Хорошо нам была известна Польская партия социалистическая, но ее мы и не думали приглашать, так как ни группа «Р. Г.», ни какая другая из социал-демократических групп не считала ее социал-демократической.

Чтобы закончить с имевшимся к первому с'езду группами, которые имели право на участие в с'езде, нам остается рассказать, почему не были приглашены на с'езд заграничная группа «Союза русских социал-демократов» и группа «Рабочего Знамени».

О наших отношениях к Союзу р.с.-д. мы уже выше говорили. Все сказанное об этом Союзе сводится к тому, что, как организация, она была чужда нам. Мы знали хорошо только пару-другую имен и несколько книг. Но мы не видели в Союзе живой и деятельной организации. К тому же мы особенно не доверяли не-практикам (в узком смысле слова) вообще, как не знающим местных условий (на этом основан первый пункт устава с'езда), и кроме того особенно мы не доверяли и заграничным из предполагаемой неконспиративности их. Вот почему заграничный Союз р. с.-д. не был.

---

*) Кстати, сошлюсь на эти примеры в оправдание осторожности в тактике при переходе к новым формам борьбы, как эта осторожность проявилась киевской группой „Раб. Дело". Киевская с.-д. группа убеждала в своей прокламации сознательных рабочие не участвовать 18 марта 1897 года в демонстрации, на которую призывали рабочих киевская группа эс-эров. Один социал-демократ по поводу упомянутой с.-д. прокламации говорил, что это ушат холодной воды на и без того не горячую голову русских рабочих. Но возбуждающие средства для нормального питания должны занимать только скромно. место и никогда почти не заменяют собой продолжительной подготовки путем пропаганды, агитации и организации.

приглашен на с'езд. Но так как образовавшейся партии нужны были и литераторы и заграничный комитет, то на с'езде об этом и было вынесено известное постановление. Правда, мы мало или почти ничего не знали о разногласиях между членами, и, принимая на с'езде решение о заграничном комитете партии, имели в виду, конечно, всех работников, а не одну какую-нибудь группу этого Союза.

Теперь нам остается рассказать, почему не было на с'езде группы «Рабочего Знамени».

В первом номере «Рабочего Знамени» написано, что только условия подпольной работы в России послужили причиной одновременного появления двух ничем не отличавшихся между собой партий. Цитирую на память цитату из «Рабочего Знамени» в «Рабочем Деле», но за смысл ручаюсь. Так представляет дело «Рабочее Знамя». Но это не совсем так.

Как известно, группа эта на своих изданиях, до появления «Рабочего Знамени», называла себя кружком рабочих-революционеров. Это был белостокский кружок. О влиянии одного из членов этой группы и его деятельности в Киеве мы выше говорили. Мы знали об этой группе, что у нее имеется около 12—15 членов, кажется по преимуществу рабочих, что у них имеется хорошо поставленная типография. Об одном из их изданий был дан отзыв во втором номере «Рабочей Газеты». Также мы знали, что группа эта вербует членов в Киеве. До выхода их издания «Задачи русской рабочей партии», которое представляет собою перепечатку женевского издания «Чего хотят социал-демократы» с прибавлением одной—двух страниц о тактике, мы не имели данных считать эту группу социал-демократической, да и она сама себя, кажется, таковой не считала. Мы судили о группе по Белосточанину, который имел весьма широкие полномочия. Так, например, он мог, одобрив рукопись, взяться печатать ее в типографии группы. С этой целью велись у нас переговоры, но они ни к чему не привели. Одно время в их типографии долго лежала изданная потом за границей брошюра Ленина*), переданная через нашу группу из Петербурга, но напечатана не была. Может быть, эта брошюра не осталась без влияния на самоопределение белостокской группы в смысле принятия социал-демократической программы. Киевляне считали эту группу отчасти неопределившеюся и несколько близкою по своим воззрениям к киевским эс-эрам. О других особенностях группы мы говорили по поводу влияния Белосточанина на киевскую «оппозицию». После издания «Задач русской рабочей партии», один член киевского союза борьбы и один петербургского получили предложение от белостокской группы присоединиться к этой партии. Это было незадолго до с'езда. Мы считали эти предложения за желание построить партию вокруг белостокской группы «Рабочего Знамени», как центра. Но для этого собиравшиеся на с'езд группы не считали ее пригодной. Против приглашения группы «Рабочего Знамени» на с'езд говорило сравнительно недавнее присоединение ее к социал-демократической программе и недавняя близость ее во взглядах киевских членов к эс-эрам. Затем мы считались и с тем, что взгляды группы, судя по Белосточанину, представляли некоторые такие особенности, что мы считали нужным выждать их дальнейшего выяснения. Вот почему группа будущего «Рабочего Знамени», заявив-

*) Точного заглавия не помню; кажется, „К вопросу о задачах и тактике с.-д."

шая о своем существовании и работе, что, давало по неписанному уставу с'езда ей право на участие в нем, как социал-демократической после выпуска вышеупомянутого издания, и ведущей работу на местах,—не получила приглашения на с'езд. Но выбранный на с'езде Центральный Комитет партии одним из первых вопросов решил вопрос о вступлении в переговоры с ней для выяснения отношений и вступления ее в образовавшуюся на с'езде партию.

Таким образом на с'езде оказались следующие организации Союзы борьбы за освобождение рабочего класса—петербургский, московский, киевский, екатеринославский, Бунд и группа «Рабочей Газеты».

Общее решение о представительстве приведено выше.

Как устраивались выборы делегатов на с'езд в других организациях, в том числе и в Бунде, пославшем в своей делегации одного рабочего, не знаем. Заметим только, что посылка делегации для Бунда была облегчена тем, что с'езд происходил в районе Бунда, в Минске, а средства, конечно, были весьма скромные.

В Киеве выборы на с'езд происходили таким образом.

Киевскому Союзу борьбы в полном собрании было доложено, что предстоит с'езд для образования партии и передана программа с'езда и предложение принять участие. Союз выбрал делегата. Затем были собраны все члены «киевского Рабочего комитета» и несколько не-членов, и сделан тот же доклад и предложение. Кроме рабочих была и одна работница; на этом заседании расширенного Рабочего комитета присутствовали и два интеллигента. Один из них был членом Рабочего комитета в это время, а другой—раньше, в комитете первого состава. Эти интеллигенты уже имели мандаты на с'езд. На этом собрании интеллигенты сделали указание, что желательно послать делегатом на с'езд рабочего. Но рабочие, из недоверия ли к своим силам, из других ли соображений, выбрали интеллигента. Не сомневаюсь, что, будь в это время в Киеве Мельников, он был бы выбран, но он в это время, больной, был под надзором полиции в Ромнах в ожидании приговора.

Из группы «Рабочей Газеты» был выбран один и потом, по его предложению другой, хотя не без пользы, и с полным правом группа могла бы послать и еще одного—двух. Имела значение и экономия, и желание собрать как можно меньше людей из конспирации, а количество голосов, предоставленное каждой организации, как и раньше предполагалось и на с'езде было решено, был один голос для каждой. Но на с'езде царило полное согласие и члены его скоро перестали считать голоса при решении вопросов, так как все решения принимались подавляющим большинством.

Таким образом первого марта 1898 года вечером в Минске собрались девять представителей социал-демократических организаций: четыре от четырех Союзов борьбы, три от Бунда и два от группы «Рабочей Газеты».

Первое заседание началось до приезда девятого делегата, который ожидался вечерним поездом и приехал ко второй половине заседания.

Порядком дня служила программа с'езда. Эта программа была представлена группой «Раб. Газ.» и была передана для обсуждения и дополнения во все социал-демократические организации. Из всех организаций только петербургский Союз прибавил определение задач Центр. Комитета—руководство движением; в программе имелся перечень функций, какие возлагались на Ц. К. В программе было сделано указание,

что делегаты должны иметь полномочия обсуждать и принимать решения и по таким вопросам, если бы они возникли, о которых программа не упоминает.

Мне кажется, что ясное представление об этой программе можно составить себе по решениям с'езда которые приложены к манифесту, так как эти решения представляют ответы на вопросы, предложенные в программе. Программа по некоторым вопросам давала и предполагаемое решение, например, по вопросу о названии партии давались два ответа: русская и российская.

Первым вопросом на первом заседании обсуждался вопрос о названии партии. К слову «Российская» было прибавлено слово рабочая, которого в программе не имелось. На с'езде на второй или на третий день были даны названия учреждениям партии: Центральный Комитет, местные комитеты и известные теперь (писано в 1906 г.) формы для изданий, с названием партии в заголовке.

Слово Российская было выбрано для партии, чтобы указать, что в работе, какую партия наша делает, принимают участие не только русские пролетарии, но и пролетарии всех других населяющих Россию народов.

Как организация борьбы, партия пролетариата России должна была, по мысли с'езда, в лице своей центральной организации быть единой, как един и ее ближайший противник.

После вопроса о названии партии, одним из первых было формулировано отношение нашей партии к национальному вопросу. Вопрос возник по поводу пункта порядка дня: отношение к Р. Р. S. Будучи практиками, мы хотели решить вопрос об отношении нашей партии к революционной организации, с которой мы не могли не встречаться, как работавшей на том же поле, что и мы, а главное, против того же противника, который был и нашим противником. Ища решения частного конкретного вопроса и не находя его за недостатком данных в опыте партии, мы натолкнулись, однако, на общий вопрос, который должен был быть решен предварительно. И, поставивши последний, мы дали на с'езде то его решение, которое вошло в программу второго с'езда, вместе с прибавленным на втором с'езде некоторыми следствиями из него.

Это был единственный програмный вопрос, обсуждавшийся и решенный на первом с'езде.

Вопрос о признании заграничного Союза русских с.-д. представителем партии за-границей был решен довольно быстро. Но об этом потом была речь на заседании Ц. К.

В связи с вопросом об автономии местных комитетов была предоставлена и автономия Бунду. Бунд от других организаций, участвовавших на с'езде, отличался тем, что представлял об'единенный комитет нескольких городов, и некоторая особенность его автономии зависела также от особого языка его членов. Так как Центральный Комитет партии не мог расчитывать, по крайней мере, на первых порах, сам издавать и литературу на еврейском языке, то эта задача выпадала автономному Бунду. Но в то время, как все остальные местные комитеты могли ставить себе задачей только местные по преимуществу издания, так как общий орган должен был издавать Ц. К., еврейские издания все оставались в руках Бунда. В помощь бундовской издательской деятельности со стороны центрального органа партии было обещано передавать Бунду для его еврейского органа газетный материал для одновременного

его появления и на еврейском языке. Из всего этого видно, что автономия Бунда, по смыслу постановления с'езда, была скорей всего технического свойства, отличавшаяся от автономии других комитетов тем, что права, предоставленные всем местным комитетам, Бундом осуществлялись в большей степени, чем другими, и часть этих прав и функций (имеем в виду издательство на еврейском языке,) повидимому, могла и должна была расшириться с помощью Ц. К. Во всяком случае ни один комитет, ни Бунд не получил права сношений с другими организациями ни в России, ни за-границей помимо Ц. К. партии.

Это видно из того, что сношения с другими организациями и с заграничною было возложено на Центр. Ком., а заграничная организация Союза русских социал-демократов об'являлась представительницей партии за-границей. В этом вопросе, как и во многих других, решения с'езда намечают только довольно широкие рамки, предоставив последующему опыту жизни партии наполнить их соответствующим содержанием. Для точного определения задач заграничного комитета партии должен был отправиться за-границу один из членов Ц. К. Чтобы закончить с об'яснениями автономии Бунда, приведу еще одно доказательство, последнее, но не наименее важное, что по существу эта автономия не отличалась от автономии других комитетов, как она понималась на первом с'езде. Доказательство это я вижу в том, что члены Ц. К. избранного на с'езде, разделяя между собой предстоящую работу, ничем не выделял, своего товарища из бундовцев от других членов этого комитета ни в отрицательном, ни в положительном смысле. Никаких особенных прав, привилегий или ограничений для бундовца сделано не было, и он призван был делать ту же работу, что и остальные члены Ц. К. Теперь два слова об автономии комитетов. Из того, что было рассказано до сих пор, видно, что основатели партии должны были быть сторонниками сильной центральной организации. И это действительно было так. Но как же в таком случае понимать автономию местных комитетов? Во-первых, как бы мы ни понимали ее, она никак не могла воспрепятствовать центру быть сильным. Центр должен был стать сильным, и при условиях подпольного существования своей конспирацией, своим составом из профессионалов, ничем не связанных, вне своих функций членов Ц. К., и последнее, самое важное, это успешным выполнением своих обязанностей, при своих широких полномочиях. Раньше, чем закреплять точно определенными границами права или обязанности Ц. К., хотелось дать опыту партийной жизни наметить эти границы, а поскольку границы эти уже определились для некоторых членов партии, задачи Ц. К. могли быть осуществлены, и автономия, как признание принципа самоуправления каждого комитета в пределах своих местных дел, нисколько не мешала работе сильного центра. Это признание широкого местного самоуправления, не мешая росту сил Ц. К. партии, помогало наиболее молодым организациям, как участвовавшим на с'езде, так и другим маленьким группкам, которых на с'езде не было, которым по малоопытности, молодости, боязни потери самостоятельности,—это признание широкого самоуправления помогало воспитать в себе партийность. Партийность надо было воспитать. И декретами этого достигнуть нельзя. Только фактическая, продолжительная и успешная работа Ц. К. могла постепенно уничтожить партикуляризм и заменить его партийностью. Широкое же самоуправление есть наилучшее условие для развития жизнеспособных местных организаций. Пользоваться автономией для ослабления центра—

это не могло принести пользы никакой местной сильной организации. А в руках слабой организации ни это и никакое другое орудие не могло быть опасным.

Смешно было бы смотреть сверху вниз на ошибку и промахи в организационном и тактическом отношении, сидя на плечах великана настоящего времени, откуда и близорукому издали видно то, что иному дальнозоркому, стоявшему в долине прошлого, видно было плохо. На как практики, хорошо знавшие условия нашего времени, мы дали в постановлениях с'езда по организационным вопросам весьма широкие рамки для развития большой партии с жизнеспособными организациями. Широкое самоуправление комитетов—это и есть не что иное, как демократизм. Как социалисты, мы не можем не быть демократами. Формы же, какие демократическая организация принимает, и меры, какими она их осуществляет, зависят от текущей реки жизни. В наше дос'ездовское время отсутствие выборов не было недемократическим, таккак мы знали, что отрицаем их из-за неконспиративности их. Выборы означали гибель организации, а с гибелью организации погибает и демократизм ее. Тогда вместо демократической организации остается пустое и мертвое слово демократизм. Если до пустых и мертвых слов, иногда очень красивых, тьма охотников, то настоящие революционеры не из их числа.

После решения вопросов о названии партии, автономии местных комитетов и Бунда и о заграничном комитете,—занял место вопрос о времени созыва экстренного с'езда и количестве голосов, имеющих право созвать его. Этим вопросом очень интересовался делегат московского Союза борьбы. Более молодая организация, она больше других боялась власти Ц. К.

При этом более нетерпеливые участники с'езда, так как вопрос был ясен, упрекнули председателя в неискусном руководстве прениями; на самом деле, говорил каждый, сколько кто считал нужным, пока делалось возможным удовлетворяющее всех решение. На одном из последних заседаний были сделаны доклады делегатов о положении дел на местах. Бундовский доклад был больше других. Доклад представителя киевского Союза борьбы и Рабочего комитета имел пессимистическую нотку. В общем положение дел для всех было ясно, и доклады ничего нового не дали.

По поводу выборов, в ЦК партии было сделано предложение о предоставлении выполнения решению с'езда представителям трех групп, которые фактически и до сих пор отчасти выполняли задачи общепартийной центральной организации. Имелись в виду группы петербургского Союза, Бунда и «Рабочей Газеты». Они-то и были избраны в ЦК. Выбрано было три члена. ЦК имел два—три заседания, в которых был намечен целый ряд задач. Члены ЦК должны были жить, где по роду их деятельности кому было удобно, и с'езжаться по мере надобности. Кроме решений ЦК о переговорах с группой «Рабочего Знамени» и Союзом русских социал-демократов заграницей, были предположения о создании новых комитетов в некоторых волжских городах.

По вопросу о редакции центрального органа партии, каковым была признана «Рабочая Газета« Центральный Комитет, которому было поручено устроить его редакцию решил передать ее, начиная с третьего номера «Р. Г.», который почти весь был готов, одному литератору-марксисту, оставив за собою контроль за всем написанным в газете. Особенно на этом контроле настаивал, один из членов ЦК.

Первый ЦК смотрел на себя, как на учреждение, которое в близком будущем должно было сильно измениться и увеличиться. Его задача была наладить текущие дела, вступить в переговоры с невошедшими еще в партию социал-демократическими

организациями и столковаться с заграничной организацией. Покончив с текущими неотложными делами, что легко было официальному общепризнанному представительному учреждению партии, каким был выбранный на с'езде ЦК, этот комитет полагал не позже шести месяцев, которых было бы достаточно для решения неотложных дел, собрать второй с'езд. Закрывая с'езд, председатель его предложил всем членам его считать себя членами ЦК, собственно кандидатами, если хотя бы один уцелел в случае провала, то ему вменялось в обязанность выполнить постановления с'езда. Председатель с'езда тогда же предупреждал товарищей не возбуждать среди членов своих организаций слишком преувеличенных надежд, но если ЦК, говорилось дальше, удастся просуществовать месяцев шесть, тогда, казалось, и большие надежды могут считаться осуществимыми. ЦК считал свои ближайшие задачи осуществимыми и посильными для себя, если будет дано несколько месяцев жизни без провала, тогда следующий с'езд очень скоро мог бы, казалось, дать полную социал-демократическую программу.

На с'езде подробно финансы партии не обсуждались. Но в Центральном Комитете был подсчитан ежемесячный бюджет.

С'езд начался первого марта вечером и окончился третьего марта вечером. Заседания начинались с раннего утра и продолжались до позднего вечера, с перерывом на обед.

Третьего марта вечером была устроена вечеринка, где присутствовали члены местной организации.

Пели песни. Были тосты. О двух из них следует вспомнить. Первый—этот тост рабочего, участника с'езда, за то, чтобы на следующем с'езде было более рабочих чем на первом. Другой тост—представителя киевского Союза и рабочего комитета. В небольшой речи он напомнил товарищам, что время основания партии совпадает, с пятнадцатилетием выхода в свет первого издания первых основателей социал-демократии в России «Группы Освобождение Труда».

Первым делом ЦК должно было быть издание манифеста об образовании партии, редакция которого предоставлена была ЦК. На с'езде было только сделано указание на то, чтобы в манифесте было кроме указания на задачи партии указано, что РСДРП, как организация борьбы, является преемницей «Народной Воли».

Не совсем удачная формулировка этой мысли (см. предпоследний абзац манифеста) дала повод к нападкам на социал-демократию со стороны одного ее критика.

Два слова в заключение. Стремясь организовать партию, группа «Рабочей Газеты» и другие группы-участницы с'езда хотели построить ее путем разрешения назревших потребностей практической деятельности и считаясь с уровнем развития большинства организаций. Усилить центральную организацию партии считали поэтому возможным в процессе работы этого центра. Партийность надо было еще нажить и воспитать. Юридически первому ЦК была дана задача больше всего обслуживать организации: издание и доставка литературы, издание центрального органа, издание прокламаций по поводам общим для всей России, напр., майской и т. п. Но это обслуживание должно было превратиться неизбежно в руководство организованным рабочим движением в России. И с'езд 1898 года сделал первый шаг в этом направлении. В этом все его значение. И несмотря на то, что от минского с'езда до брюссельского прошло несколько лет, брюссельский с'езд не мог не считать себя вторым, хотя только этот с'езд дал партии настоящую социал-демократическую программу.

Б. Эйдельман.

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБ. ПАРТИИ

50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 г. Впервые на сцену выступил—как крупная историческая сила—современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя и его, и дело свободы в руки реакции. Однако, было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет, снова появился на исторической сцене,—с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была, и главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет и по мере своего роста все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплоататорами. По мере развития капитализма размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские рабочие организации всегда в своей деятельности сознательно или бессознательно действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 1896 и 1897 годах. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени. Этот закон—как бы ни были велики его недостатки—останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда когда он требовал, и впредь будут давать лишь то, чего он п о т р е б у е т.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний,—словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма—за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыха-

ния. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только **сам**.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении и слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора об'единить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в «Российскую социал-демократическую рабочую партию». В сознании этого представители: «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы, издающей «Рабочую Газету», и «Общееврейского рабочего союза в России и Польше» устроили с'езд решения которого приводятся ниже.

Местные группы, соединяясь в партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение, так и направление—социалистическое. Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!

Решения с'езда *).

1. Организация «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы «Рабочей Газеты» и «Общееврейского рабочего союза в России и Польше» сливаются в единую, под названием «Российской социал-демократической рабочей партии», при чем «Общееврейский рабочий союз в России и Польше» входит в партию, как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата.

*) Здесь приводятся лишь те постановления с'езда, которые, по существующим в России законам, могут быть опубликованы.

2. Исполнительным органом «партии» является Центральный Комитет, избранный с'ездом «партии», которому он отдает отчет в своей деятельности.

3. На обязанности Центрального Комитета лежит:

а) забота о планомерной деятельности «партии» (распределение сил и средств, выставление и проведение однообразных требований и проч.). Центральный Комитет руководится при этом общими указаниями, даваемыми с'ездами «партии».

б) создание и доставка местным комитетам литературы;

в) организация таких предприятий, которые имеют общее для всей России значение (празднование 1 мая, издание листков по поводу выдающихся фактов-помощь стачечникам, и проч.).

4. В особо важных случаях Центральный Комитет руководится след. принципами:

а) в вопросах, допускающих отсрочку, Центральный Комитет обязан обращаться за указаниями к с'езду «партии».

б) в вопросах, не допускающих отстрочки, Центральный Комитет по единогласному решению поступает самостоятельно, отдавая отчет в сделанном ближайшему очередному или экстренному с'езду «партии».

5. Центральный Комитет имеет право пополнять свой состав новыми членами.

6. Средства «партии», которые находятся в распоряжении Центрального Комитета, составляются:

а) Из добровольных единовременных взносов местных комитетов в момент образования «партии».

б) из добровольных периодических отчислений из средств местных комитетов; и

в) из специальных сборов на «партию».

7. Местные комитеты выполняют постановления Центрального Комитета в той форме, какую они найдут более подходящей по местным условиям. В исключительных случаях местным комитетам предоставляется право отказаться от выполнения требований Центрального Комитета, известив его о причине отказа. Во всем остальном местные комитеты действуют вполне самостоятельно, руководясь лишь программой «партии»

8. «Партия» через свой Центральный Комитет вступает в отношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципов ее программы и приемов ее тактики. Партия признает за каждой национальностью право самоопределения.

Примечание. Местные комитеты вступают в отношения с такими организациями только с ведома и по указаниям Центрального Комитета.

9. Высшим органом партии является с'езд представителей местных комитетов. С'езды бывают очередные и экстренные. Каждый очередной с'езд назначает время следующего очередного. Экстренные с'езды созываются Центральным Комитетом как по собственной инициативе, так и по требованию двух третей числа местных членов.

10. «Союз русских социал-демократов» за-границей является частью «партии» и ее заграничным представителем.

11. Официальным органом «партии» об'является «Рабочая Газета».

Подробная программа «партии» будет опубликована по рассмотрению ее местными комитетами.

Д. С.

„ЭКОНОМИЗМ" И ЕГО ПРИЧИНЫ.

I.

Развитие социалдемократической мысли шло параллельно с ростом стихийного рабочего движения. Каждый из этих двух факторов влиял на другой и сам подвергался его воздействию.

Под влиянием стихийной борьбы рабочих на почве экономических нужд кабинетный марксизм превратился в социал-демократизм; в свою очередь социал-демократические идеи, попав в благотворную почву страшного гнета, в котором жил рабочий класс, в значительной мере способствовали превращению стихийного искания выхода из этого угнетенного положения, которое нередко принимало самые уродливые формы (вроде погромов, фабричных бунтов и т. п.) в сознательное организованное стачечное движение. «В это время, читаем мы в брошюре, «Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе»—среди ивановских рабочих (ткачей) еще существовала деревенская вера, что есть высшее начальство, которое покарает и казаков, и губернатора за устроенное ими побоище. Среди некоторых групп рабочих подымался вопрос об отправке жалобы к московскому генерал-губернатору, даже были намечены депутаты, но эта попытка не осуществилась. Через два года после этой стачки не было даже разговора о каких либо генерал-губернаторах, или великих князьях, как о защитниках рабочих. Ивановцы уже доросли до мысли, что против их врагов—фабрикантов у них нет защитников, ибо на законные и справедливые требования рабочих правительство всегда отвечает прикладом, нагайками и пулями».

«До последнего времени—говорит другая брошюра—«Рабочее движение в Екатеринославе»—рабочее движение в городе Екатеринославе носило чисто стихийный характер. Будучи явлением последних 2—3 лет, это движение еще не успело создать передового слоя рабочей интеллигенции, который мог бы взять на себя организацию рабочей массы на борьбу против эксплуататоров и руководство этой борьбой. Между тем, алчность наших южных горнопромышленников не знает пределов. Миллионные дивиденты создаются путем обсчитывания темных и невежественных рабочих, путем громадных штрафов, смешения поденной и поштучной платы и тому подобными уловками. Неудивительно, если при таких условиях столкновения между рабочими и администрацией заводов нередко сопровождаются убийствами, поджогами, разрушением машин и зданий. И лишь за самое последнее время, под влиянием пропаганды и агитации социал-демократической рабочей интеллигенции, эта борьба начинает принимать все более сознательный и организованный характер».

Уже стачка в Порту в Петербурге, стачки на машиностроительных заводах в Москве, Виленская стачка поражают своей выдержанностью, мирным, но энергичным отстаиванием своих интересов: это уже стачки наступательные; стачки за улучшение своего положения, стачки против попирания своего человеческого достоинства.

Сознательное стачечное движение достигло своего апогея весной 1896 г., когда в Петербурге сразу, как один человек, забастовали около 40 тысяч рабочих и продержались свыше трех недель. Эти 40 тысяч рабочих выступили не только для того, чтобы улучшить свое с о б с т в е н н о е положение: в них уже есть сознание, что они борются за улучшение положения в с е г о рабочего класса. И это сознание явля-

ется несомненным результатом предыдущей работы социал-демократов: «Усилия петербургских социал-демократов,—как сообщают в 96 году русские делегаты Лондонскому международному социалистическому конгрессу,—не пропали даром: брошенные семена дали богатую жатву. В среде рабочих создалась атмосфера, насыщенная духом недовольства и протеста. При таких-то условиях, возникла и разрослась колоссальная (на русскую мерку) стачка почти всех петербургских бумагопрядилен,—стачка, сыгравшая крупнейшую роль в истории не только петербургского, но и всего русского рабочего движения.

Как известно, русские промышленники, не без приятности приютившиеся под сенью русской протекционной системы, все, без исключения, «патриоты своего отечества», пользующиеся всякой оказией для выражения своих верноподданнических чувств. «Патриотами» явились они и во время недавних коронационных торжеств. Их «патриотизм» однако, быстро иссяк, когда дело дошло до реальных, хотя и незначительных жертв, когда дело коснулось их туго набитого кошелка. Почтенные представители русской промышленности, по крайней мере многие из них, наотрез отказались удовлетворить требования рабочих, настаивавших на получении платы за коронационные дни, которые они «прогуляли» не по собственной вине. Такой отказ получили, между прочим, рабочие так называемой Екатерингофской мануфактуры, расположенной на одной из окраин Петербурга. Рабочие этой мануфактуры обратились за помощью к другим бумагопрядильням и послали к ним своих делегатов. Рабочие целого ряда бумагопрядилен горячо отозвались на этот призыв; было постановлено представителям разных фабрик собраться на сходку и формулировать общие для всех бумагопрядилен требования. В конце мая состоялось в Екатерингофском парке собрание делегатов; присутствовало на нем человек сто—явление, совершенно необычайное для Петербурга и поражающее всякого, хотя немного знакомого с полицейским режимом русского государства. На этой сходке под открытым небом были выставлены общие требования всех занятых в бумагопрядильнях рабочих. Они были затем формулированы в прокламации, изданной «Союзом» и распространенной в огромном количестве по всему Петербургу. Затем началась стачка.

«Приводим текст этой прокламации, подписанной «Союзом» 30 мая и озаглавленной: «Чего требуют рабочие петербургских бумаго-прядилен».

Мы хотим:

1. Чтобы рабочий день у нас везде продолжался от 7 часов утра до 7 час. вечера, вместо теперешних от 6 ч. утра до 8 ч. вечера.

Чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался 10 с пол. час. вместо 12.

3. Чтобы расценки везде были повышены на одну копейку и, где можно, на две коп. против нынешних.

4. Чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа;

5. Чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени.

6. Чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно и во-время, а не оттягивали.

7. Чтобы было сполна заплочено за коронационные дни.

В течение нескольких дней стачка охватила 17 бумагопрядилен, вскоре примкнули еще 4, и, таким образом, за ничтожными исключениями, все петербургские бумагопрядильни прекратили работу. В стачку вовлечено было от 30 до 40 тысяч рабочих.

«Впечатление от стачки получилось потрясающее. Петербургское буржуазно-чиновничье общество, ошеломленное неожиданным для него явлением, задавало себе вопрос: Неужели у нас на Руси есть рабочий вопрос? неужели у нас проснулся беспокойный дух пролетария, не дающий спать «гнилому Западу». В особенное недоумение приводило петербургского обывателя необычайное спокойствие, дисциплина забастовавшей массы рабочих. Патрули казаков и усиленные патрули полицейских передвигались в рабочих кварталах среди пустынных улиц, на которых не было даже слышно обычного шума и гама. Там, где собиралась толпа и говорились речи, единичные призывы к насилию встречали отпор со стороны сознательных рабочих. Толпа была спокойна, когда тот или другой местный полицейский чин обращался к ней с речами, выхвалявшими заслуги фабрикантов, якобы в поте лица своего трудящихся на общую пользу. Изумленный Петербург в первый раз заговорил о рабочем движении: стачку обсуждали, ее защищали, на нее нападали, о ней толковали все, она у всех была на устах, даже у тех, кому впервые приходилось обращать внимание на подобного рода вопросы. А представители власти между тем не теряли времени: созвано было экстренное собрание фабричного присутствия, на котором обсуждался вопрос, что делать; министр финансов конфиденциально сообщил фабрикантам о готовности правительства поддержать их; градоначальник обращался к рабочим с печатными воззваниями, тон которых заметно понижался по мере того, как стачка затягивалась, а рабочие продолжали сохранять спокойствие, на зло и удивление полиции. Положение становилось угрожающим. Стачечное настроение заразительно. Ходили слухи, что рабочие Путиловского и некоторых других металлических заводов не сегодня—завтра бросят работу,—а это было равносильно увеличению числа стачечников еще на несколько десятков тысяч. На писчебумажной фабрике Варгунина было неспокойно. На Александровском чугунном заводе рабочие уже забастовали; но начальство поспешило их успокоить, пообещав выполнить их требования. На огромной резиновой мануфактуре ходили листки, вызывая волнение. Нужно было покончить со стачкой во что бы то ни стало. Тем более, что неслыханное дело из-за стачки сам царь откладывал свой торжественный в'езд в Петербург».

Сознание, что петербургские рабочие борются за улучшение положения всего рабочего класса, заставило многих рабочих пойти на помощь своим борющимся товарищам, которая выражалась в отчислениях их заработков на поддержку стачечников. Такие отчисления и сборы в пользу петербуржцев происходили повсюду, где только имелись организации и где только этим организациям было известно о стачке—газетам было строго запрещено сообщать о забастовке какие бы то ни было сведения и правительственное сообщение о ней появилось лишь после ее окончания. Московский «Союз» выпустил, например, в это время две прокламации, в которых приглашал московских рабочих оказать товарищескую поддержку своим петербургским братьям, борющимся за интересы всего рабочего класса России.

Характерны также стачки железнодорожников в Москве, которые тоже совпали с коронационным временем. Выбор момента стачки и включение в число требований

требования уплаты за коронационные дни придавали этим стачкам характер политического протеста. Распоряжения министра путей сообщения немедленно удовлетворить все требования рабочих (волновались главным образом мастерские) показало, что и само правительство поняло политический характер волнений и поспешило уступками заглушить протест в зародыше. Когда нибудь из архивов департамента полиции будут извлечены показания рабочих, массами попавших в 95—96 г. в тюрьму, и из этих показаний можно будет увидеть, насколько тогдашние рабочие проникнуты были социал-демократическим сознанием и как ясна для них уже тогда была связь между политикой и экономикой.

В Москве во время летних провалов 95 года была захвачена почти вся организация, в том числе все интеллигенты и самые передовые рабочие. Но, несмотря на это, рабочие, у которых совершенно порвалась всякая связь с интеллигенцией и которые совершенно лишены были поэтому возможности добывать нелегальную литературу, все-же продолжают революционную работу: сами пишут листки, сами печатают их в легальных типографиях, и тысячами распространяют по Москве и окрестностям, устраивают, наконец, сходки, на которых присутствуют по несколько сот человек. Оставшиеся без интеллигентных руководителей рабочие не меняют тактики, не отказываются от политики. В своих прокламациях и на сходках они продолжают вести как экономическую, так и политическую агитацию. Этот факт показывает, что работа социал-демократов не пропала даром и постановка ее не была искусственной. Идея необходимости политической борьбы отлично привилась в рабочей среде, по крайней мере в тех ее слоях, которые были вовлечены в круг агитационной деятельности социал-демократов. «Как на яркий признак пробуждения сознания русского рабочего класса»—говорится в докладе русских делегатов Лондонскому конгресу—«укажем, наконец, на тот интерес, с которым читаются нашими рабочими все, попадающие в русские газеты известия о движении западно-европейского пролетариата; на празднование первого мая, которое происходит на тайных собраниях русских рабочих, и на те приветствия, с которыми рабочие Петербурга и Москвы обратились в нынешнем году к французскому пролетариату по поводу празднования памяти Парижской Коммуны. На общей могиле борцов Коммуны, на кладбище Pére Lachese между другими многочисленными венками были также венки от русских рабочих Москвы и Петербурга и от еврейских рабочих организаций западной России». Конечно, что касается широкой массы рабочих, то она, хотя и набрасывается с жаром на социал-демократическую литературу, но понять все, о чем говорится в выпускаемых социал-демократами листках и прокламациях она далеко еще не может; она вылавливает из них лишь то, что является для нее или, вернее, кажется ей наиболее близким.

Как мы уже указывали, с переходом к широкой массовой агитации социал-демократы все были согласны между собой в том, что агитация эта должна исходить из ближайших нужд данных рабочих. В этом отношении, несмотря на оторванность и разобщенность первых социал-демократических организаций, царило полное единодушие. Ни с принципиальной, ни с тактической точки зрения разногласий между работавшими в Москве, Петербурге, Екатеринославе, Одессе, Нижнем и других местах не было. Задачи и план ее выполнения у всех были одни и те же; вопрос мог быть лишь в способе проведения плана.

Массовое движение рабочих, эпидемия забастовок, их организованный сознательный характер, слухи о громадных сходках, о праздновании первого мая, наконец, литература, в особенности местная агитационная литература—все это заставило наше правительство обратить усиленное внимание на рабочих. В рабочую среду отправляются целые кадры шпионов, которые появляются всюду: на фабриках, на заводах, в трактирах, на гуляньях, пролезают даже в кружки и на сходки. Но главные усилия жандармов направляются прежде всего на интеллигентов. В городах марксисты на перечет; они известны департаменту полиции по прежним выступлениям на студенческих и других интеллигентских вечеринках. Их арестовывают, при чем прежде всего попадаются не приставшие к активной работе марксисты-теоретики, а потом уже более опытные в конспирации практики-социал-демократы.

С 95 года начинаются массовые аресты социал-демократов в: Варшаве, Лодзи, Москве, Петербурге, Иваново-Вознесенске, Нижнем, Екатеринославе, Одессе, Вильне Белостоке, Самаре. Аресты эти продолжаются почти непрерывно. Арестовывается масса рабочих, а среди них в первую голову самые сознательные, самые активные. Громадное большинство социал-демократов «первого призыва» оказывается в тюрьме. Жандармы и прокуроры хвастают, что им удалось в корне задушить социал-демократическое движение, но при этом они с удивлением констатируют, что с рабочим движением справиться было не так-то легко. На допросах московский товарищ прокурора Лопухин признавался, что приступая к дознанию, он и не предполагал, что социал-демократы, несмотря на существование усиленного сыска, так много успели сделать. Его поражала также высокая степень развития простых рабочих; некоторых он даже заподозрил в том, что они интеллигенты, скрывающиеся под видом рабочих. Несомненно, однако, что правительство, которое тратило целые миллионы на организацию сыска и шпионаж и которое почти всю Россию держало на положении усиленной охраны, все же совершенно проморгало начало социал-демократического движения. Когда же оно спохватилось, движение это успело уже пустить глубокие корни Рабочий класс уже выдвинул свою собственную интеллигенцию, которая теперь вступала в спор с прокурорами и жандармами, пытавшимися доказать арестованным рабочим, что они являются лишь пушечным мясом в руках интеллигенции. «Для нас рабочих свобода нужна, как хлеб, как воздух», ответил на допросе в Москве один из простых неграмотных ткачей. «Без свободы слова, без союзов нам жить нельзя», заявил другой ткач. «Обвиняемые, являются личностями в высшей степени подозрительными», пишет в своем заключении прокурор Одесской судебной палаты Б. Ю. Витте, братец известного «братца» рабочих С. Ю. Витте—очевидно способными проявить преступную деятельность в будущем. Чернорабочие, простые каменщики по ремеслу, они видимо интересуются и занимаются вопросами, совсем не свойственными лицам этого класса и доказывающими известное опасное направление их образа мыслей. И за интерес к «несвойственным» им вопросам каменщиков на 5 лет отправляют в Восточную Сибирь.

И надо отдать справедливость компании Зубатовых, Лопухиных, Пирамидовых и других—ей удалось нанести жестокий удар социал-демократическому движению. Я подчеркиваю слово «социал-демократическому», потому что на стихийном росте рабочего движения разгром если и отразился, то лишь в обратном смысле. Благодаря

массовым арестам и последовавшим за ними массовым высылкам затронутых движением рабочих—семена этого движения проникали во все места и захолустья России, всюду будили недовольство угнетенной массы и вызывали ее к протесту в виде забастовок. Но так как далеко не все из высылавшихся в то время рабочих был[и] настолько сознательны, чтобы, призывая к стачкам, суметь без помощи литератур[ы] и вполне сознательных товарищей, выяснить связь между борьбой экономической [и] борьбой за конечные цели рабочего класса, то роль их свелась главным образом, лиш[ь] к расширению и углублению стачечного, чисто рабочего движения. В этом отношени[и] ими сделано очень много. Заглушить разросшееся вширь рабочее движение не могл[а] уже никакая сила в мире; оно стало неизбежным и всеми признанным фактором рус[ской] жизни. И это с очевидностью подтверждали все продолжавшиеся массовые про[в]алы рабочих.

Но если, как мы видим, рабочее движение в общем не пострадало, то нельз[я] того же сказать о социал-демократичности этого движения. Потеряв почт[и] всех своих руководителей, рабочее движение неминуемо должно было пойти по лини[и] наименьшего сопротивления, далеко не всегда совпадавшей с тем путем, по которому вели движение социал-демократы. Масса рабочих видела несомненный и непосредствен[]ный успех стачечной борьбы и понимала, что успех этот, выражающийся в улучш[е]нии их положения зависит от солидарности их выступления против капиталистов; и та цель, которой руководились социал-демократы, призывая их к этой борьбе, отодви[]галась все дальше и дальше. Благодаря все еще продолжавшемуся расцвету промыш[]ленности страшно быстрому и, казалось, нескончаемому поглощению капиталом резерв[]ной армии труда—никакая государственная сила не могла уже помочь капиталиста[м] противостать натиску рабочих. Постепенно вырабатывалось убеждение, что экономи[]ческое движение рабочих вовсе уж не так непримиримо с существованием полити[]ческого бесправия, как это проповедывалось до сих пор. Ведь вот, несмотря на каторж[]ные законы против стачек, стачки все-таки продолжаются, и правительство не [в] силах помешать этому; оно вынуждено мириться с постоянным нарушением им ж[е] самим изданных законов, потому что у него не хватает физической возможности аре[]стовывать и ссылать всех принимающих участие в забастовках рабочих. Несмотря н[а] каторжные законы, стачка стала почти легальным явлением русской жизни; а разв[е] точно таким же образом, нельзя легализировать необходимые для рабочего дела сво[]боды союзов, собраний и печати? Такого рода рассуждения нередко стали раздаватьс[я] со стороны средних, вовлеченных в агитацию рабочих, упоенных стачечными побе[]дами, и в особенности после опубликования закона 2 июня 1897 г. об ограничени[и] рабочего времени.

Введение этого закона рельефно обнаружило победу рабочих. Под'ем промыш[]ленности и непрерывное грюндерство, повторяю, могло лишь содействовать укреплени[ю] только что приведенного взгляда. Благодаря повсеместным стачкам рабочий день сокр[а]щается далеко за пределы установленные июньским законом, заработная плата повы[]шается; рабочие не удовлетворяясь этим, требуют и добиваются отмены унижающи[х] человеческое достоинство обысков, замены грубого обращения на «ты» более вежли[]вым—на «вы», изгнания нелюбимых мастеров и т. п. Результаты победы на лиц[о] и вот, стачка мало-по-малу приобретает значение цели самой по себе. Из одног[о]

и з с р е д с т в классовой агитации на почве ближайших экономических нужд за достижение конечного социалистического идеала, она превращается в е д и н с т в е н н о е могучее средство улучшения положения борющихся рабочих.

После блестящего, прямо поразительного успеха социал-демократической мысли и господства ее над стихийными стремлениями рабочей массы, приблизительно с 97-98 годов начинается период приспособления социал-демократов к стихийному движению. Из руководителей массы и сознательных выразителей стремлений и настроения передовых сознательных рабочих новое поколение социал-демократов становится выразителем мало сознательных средних рабочих. «Подавление сознательности стихийностью— говорит Ленин в своей брошюре «Что делать»—произошло тоже с т и х и й н ы м п у т е м. Это кажется каламбуром, но это—увы горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров—«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» В. В. русской социал-демократии. Всякий, кто—не скажу, участвовал в с о в р е м е н н о м русском движении, а хотя бы только понюхал воздух—превосходно знает, что дело обстоит именно так».

До 1895—96 года социал-демократами—руководителями были интеллигенты и рабочие, прошедшие основательную теоретическую школу в борьбе с народниками и в пропагандистских кружках, а практическую—в организации агитационной работы. Они выросли вместе с движением и каждый шаг делался ими на основании всего предыдущего опыта, в строгом согласии с принципами научного социализма. Их же заместители были люди, только что приставшие к движению и в большинстве случаев миновавшие строго выдержанную школу пропагандистских кружков. Свое политическое воспитание они получили в массовой агитации, из листковой и брошюрочной литературы. Медленный темп развития начала 90-х годов сменился теперь лихорадочным ростом движения. Активный работник, не успев еще стать сознательным социал-демократом, попадает в тюрьму или ссылку. Работа активного работника за очень редкими исключениями продолжается в среднем не более 3—6 месяцев. Провал следует за провалом, и после каждого из них состав организации совершенно меняется, а с ним вместе меняются и традиции. О последовательной, систематической работе не может быть и речи. Всем некогда заниматься теорией, некогда готовиться к практической роли руководителя. Теория оказывается в загоне, ее поглощает практика. Сознательность поглощается стихийностью. Все торопливо, лихорадочно живут лишь сегодняшним днем.

Выше мы говорили, что аресты 95—97 г.г. нанесли тяжелый удар социал-демократическому движению в России, мы указывали, что существует несомненная причинная связь между этими массовыми арестами и общим принижением сознательности. Но само собой разумеется, мы далеки от мысли считать массовое изъятие почти всех первых социал-демократов единственной причиной кризиса социал-демократического движения. Громадную роль в смысле увлечения «стачкизмом», т.-е. чисто экономической борьбой исключительно в целях поднятия благосостояния занятых рабочих, сыграл, как мы уже упоминали, блестящий расцвет нашей промышленности. Но к этим двум причинам следует добавить еще третью. Третьей причиной было переполнение рядов нашей зарождавшейся партии непролетарскими элементами или,

точней говоря, массой «интеллигентов», состоявшей, главным образом, из учащейся молодежи.

С 1895 года замечавшееся раньше враждебное настроение учащейся молодежи против марксизма начинает вдруг резко меняться. Под влиянием быстро развившейся марксистской и quasi-марксистской легальной литературы, а главным образом под влиянием неожиданного выступления на сцену широкого рабочего движения, того самого движения, возможность которого считалась совершенно невероятной и утопичной для всех воспитанников школы Михайловского, В. В., Кареева, Николай-она и К-°,—недоверие и даже прямо ненависть к марксистам сменились поголовным, стадным увлечением марксизмом. Но увлечение марксизмом относилось не к его положительным выводам,—которые вели к научному социализму,—а лишь к критической, разрушительной части его. Интеллигентная молодежь приветствовала марксизм за его удачную критику утопического народничества, совершенно в то же время не понимая революционной, классовой точки зрения, с какой велась эта критика.

В начале 90-х годов марксистской литературы совершенно почти не существовало. Изданный еще в 60-х годах перевод первого тома «Капитала» Маркса считался в то время уже библиографической редкостью и ценился чуть не на вес золота. Марксистские кружки стараются для своих потребностей скупить все имеющиеся у букинистов экземпляры, которые, как реликвии, передаются затем из кружка в кружок. «Капитал» изучают лишь члены кружков; для непосвященных же, стоящих вне этих законспирированных ячеек, достать его почти так же трудно, как богатому, по свидетельству евангелия, войти в царствие небесное. Еще менее доступна была для непосвященных нелегальная русская социал-демократическая литература—как привозная из-за границы, так и местного, отечественного производства. Активные социал-демократы, в распоряжении которых имелась эта литература, не успевали удовлетворять страшно возросший спрос на нее среди рабочих. А так как во главу угла они ставили работу среди пролетариата, на работу же среди учащейся молодежи смотрели в то время лишь как на подсобное, а стало быть второстепенное дело, то понятно, что вся литература, которой вообще было очень мало, отдавалась рабочим. Издания Московского рабочего союза не попадали не только в руки учащихся, но не доходили и в марксистские интеллигентские кружки. Немецкая же социал-демократическая литература была доступна лишь немногим, знакомым с немецким языком.

Таким образом, для громадного большинства русской интеллигенции марксистской литературы не существовало вовсе. «У марксистов нет книги»—становится общим убеждением широких слоев учащейся молодежи,—убеждением, которое поддерживается и публицистами из «Русского Богатства» и других народнических органов.

Единственным источником знакомства с марксистской точкой зрения для тогдашней интеллигенции было изложение взглядов Маркса в статьях Михайловского, Кареева, Николай-она, Южакова и других пророков суб'ективизма и народничества, да споры на студенческих вечеринках. Доступ на эти вечеринки был тоже весьма ограничен: кроме того, споры велись там без всякой системы, безалаберно, так что дать сколько-нибудь верное представление о марксизме они не могли.

Между тем, начиная с 93-94 гг., в нашей литературе начинает наблюдаться явление совершенно непонятное для многих, в особенности провинциальных читателей

В «Русском Богатстве», «Вестнике Европы» и в целом ряде отдельных брошюр книг начинается вдруг систематический поход против врага, которого широкий круг читателей не только не видит и не знает, но многие едва-ли слыхали о его существовании. Легальные литераторы выступают в поход против речей, сказанных где-нибудь на нелегальной вечеринке. На вопрос, возбужденный марксистами перед аудиторией в каких-нибудь сто человек, отвечается в легальном журнале, имеющем громадный круг читателей. Само собой разумеется, что при такой постановке спора победителями обыкновенно являлись публицисты-народники и профессора Кареевы. У них были книги, у них были журналы; у них была, наконец, установленная репутация «друзей народа»; все они значились в списке «освободителей», или, по терминологии участковых охранителей, считались присяжными «крамольниками». А кто же знал марксистов? Это были никому неведомые «молодые люди», часто даже безо всякого образовательного ценза, и при том в их распоряжении не было ни книг, ни толстых журналов.

И читатели «Русского Богатства» на слово верили Михайловскому, что у Маркса нет труда, соответствующего труду Дарвина, что «не только нет такой работы у Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе, несмотря на всю ее обширность и распространенность». Тот же Михайловский уверял своих читателей, «что самые основные теории экономического материализма, безчисленное множество раз повторяемые, как аксиомы, до сих пор остаются между собой несвязанными и фактически непроверенными, что особенно заслуживает внимания в теории,—в принципе опирающейся на материальные осязательные факты и присваивающей себе титул по преимуществу «научной». Он утверждал, что вся уверенность Маркса в неизбежности социалистического строя «держится исключительно на конце гегелевской трехчленной цепи».

Читателям «Рус. Богатства» приходилось верить на слово и г. Кривенко, который клялся, что учение Маркса требует от его учеников» стараться облегчить переход к нему (капиталистическому порядку) и употреблять все усилия к скорейшему его наступлению, т. е. стараться о развитии капиталистической промышленности и капитализации промыслов, о развитии кулачества, о разрушении общины, об обезземеливании населения и вообще о выкуривании лишнего мужика из деревни на фабрику». Они, эти «ученики» Маркса прежде всего даже не революционеры, так как толкуют только о рабочих, об их интересах, а ведь «рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника». Да затем, разве борьбу из-за пятака, грубо материалистическую «шкурную» борьбу, можно сравнить с высоко-идеалистическим мировоззрением народников, с широким кругозором их суб'ективных идеалов?

Народники праздновали полную победу. Ведь марксисты молчали, не отвечали на все их нападки, следовательно они неправы и им нечего возразить. Марксисты, как мы знаем, не молчали, но отвечать они могли только в нелегальной литературе, да на нелегальных собраниях. Поэтому широкой интеллигентской публике их ответов не было слышно: слышала их лишь небольшая кучка молодежи, которая вращалась в нелегальных кружках.

Но вот начинается эпоха так называемого «легального марксизма», и картина быстро меняется. Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста,—внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него,—до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все; марксистам льстили; за марксистами ухаживали; издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг».

Первым легальным выступлением марксистов принято считать обыкновенно вышедшую в 94 году книжку П. Струве «Критические заметки». Но эта книга не дала ясного и определенного ответа на нападки народников на марксизм, не рассеяла того тумана, которым народники обволокли марксистскую идеологию. Заключительным аккордом «Критических заметок» Струве была знаменитая фраза: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Ликующий тон автора при констатировании торжества капитализма, отсутствие указаний, или хотя бы намеков на неизбежность борьбы с капитализмом, борьбы иной, чем, та, которую, якобы, вели народники, все это скорей еще более запутало, чем выяснило сложившееся у интеллигенции преставление о марксизме.

В действительности, первым решительным натиском русских марксистов на широкую интеллигентскую читающую публику можно считать книгу Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшую в 1895 г.

Бельтов дал в своей книге и прекрасный ответ народникам на их нападки на марксистов, и целостное изложение основ марксизма. Он зло осмеял «историософию» господ Кареевых, ясно показав всю научность мировоззрения, по которому «мир должного, мир истинного и справедливого стоит вне всякой связи с об'ективным ходом исторического развития». Он доказал полную утопичность вожделений наших суб'ективистов, которые, несмотря на всю их якобы «самобытность», в сущности повторяли только азы немецких мелко-буржуазных утопистов. Подвергнув резкой критике идеи народников и высмеяв изготовляемые ими «гигиенические рецепты» для оздоровления общества, их «формулу прогресса», их искание самостоятельной схемы эволюции экономических отношений, «соответствующей потребностям и условиям нашей страны», их желание втиснуть нашу жизнь в эту выдуманную схему, Бельтов вместе с тем представил массу доказательств того, что господа народники, не исключая и единственного истинного по словам Михайловского, марксиста Николай—она, никогда не понимали и не понимают излагаемого ими марксизма. «Они — говорит Бельтов, сначала припишут марксистам утопический взгляд на закономерность общественных явлений, а потом побивают этот взгляд с более или менее сомнительным успехом».

Сравнивая наших народников с утопистами Западной Европы, Бельтов приходит к заключению, что они, подобно последним, ничего общего с революцией не имеют. «Утописты воображали себя чрезвычайно практичными людьми. Они,—ненавидели «доктринеров» и все самые громкие их принципы они, не задумываясь, приносили в жертву своим idées fixes. Они не были ни либералами, ни консерваторами, ни монархистами, ни республиканцами. Они безразлично готовы были итти с либералами, и с консерваторами, и с монархистами, и с республиканцами, лишь бы осуществить свои прaктические и, как казалось, чрезвычайно практичные планы.

О, том, насколько нелепо представление русских суб'ективистов о непризнаваемой ими исторической теории Маркса, по которой якобы «ученики» обречены лишь на пассивное созерцание исторического процесса,-Бельтов говорит следующее: «Ахилл суб'ективной школы воображает, что «экономические» материалисты должны говорить лишь о «саморазвитии форм производства и обмена» Что-же это за «саморазвитие», глубокомысленный господин Михайловский? Если Вы думаете, что, по мнению Маркса, формы производства могут развиваться «сами собой», то Вы жестоко ошибаетесь. Что такое общественные отношения производства? Это отношения людей. Как-же будут они развиваться без людей? Ведь там, где не было бы людей, не было бы и отношений производства. Химик говорит: материя состоит из атомов, которые группируются в молекулы, а молекулы группируются в более сложныя соединения. Все химические процессы совершаются по определенным законам. Из этого вы неожиданно заключаете, что, по мнению химика, все дело в законах, а что материя-атомы и молекулы — могла бы совсем не двигаться, не помешав этим «саморазвитию» химических соединений. Всем ясна нелепость такого умозаключения. К сожалению, не всем ясна еще нелепость совершенно аналогичного по своей внутренней стоимости противопоставления личностей законам общественной жизни деятельности людей—внутренней логике форм их общежития».

Но Бельтов не только критикует и популяризирует, он делает также указания, как применить на деле философию марксизма, дает план действия. «Степень развития производительных сил—говорит он определяет меру власти над природой. Диалектический метод не только не стремится, как это приписывают ему противники, убедить человека, что нелепо восставать против экономической необходимости, но он впервые указывает, как справиться с нею... Раз мы узнали этот железный закон, от нас зависит свергнуть его иго, от нас зависит сделать необходимость послушной рабой разума».

«Я—червь, говорит идеалист. Я—червь, пока я невежествен, возражает материалист-диаликтик; я—бог, когда я знаю».

«Действие (законосообразная деятельность людей в общественно-производительном процессе) об'ясняет материалисту-диалектику историческое развитие разума общественного человека. К действию же сводится и практическая философия. Диалектический материализм есть философия действия».

«Но если уже давно сказано,—продолжает Бельтов—что никто не зажигает светильника, чтобы ставить его под спудом, то материалисты-диалектики прибавляют: не следует оставлять светильника в тесном кабинете «интеллигенции». Пока существуют «герои», воображающие, что им достаточно просветить свои собственные го-

ловы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нес, как из глины, все, что им вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семи-мильными шагами лишь тогда, когда сама толпа станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой массе, разовьется соответствующее этому самосознание. Развивайте человеческое сознание, сказали мы. Развивайте сознание производителей, прибавляем мы теперь. Суб'ективная философия кажется нам вредной именно потому, что она мешает интеллигенции содействовать развитию этого самосознания, противопоставляя толпу героям, воображая, что толпа есть не более, как совокупность нулей, значение которых зависит лишь от идеалов становящегося во главе ея героя»... «Надо разбудить в толпе героическое самосознание; надо увеличить силу их (пролетариев) сопротивления против кабака, против кабатчика и против всякого дурмана, какие только подносит или будет подносить им история».

Легко понять, какое громадное впечатление должна была произвести эта книга с ее ясным, целостным мировоззрением, с резко выраженной революционной физиономией. Это впечатление усиливалось еще более вследствие контраста с общей умеренностью и бесцветностью всей тогдашней литературы. Но в первый момент широкая читающая публика была только ошеломлена; она прежде всего обиделась за своих признанных вожаков, за свои «унаследованные» традиции. Общее мнение было таково, что Бельтов только ругается и ругается грубо. Очень возможно, что, приняв такое решение, наша интеллигентская публика на этом бы и успокоилась, тем более, что народники-литераторы, боясь полемики с таким сильным противником, как Бельтов, прекратили свои нападки по существу и стали только горько жаловаться на нанесенную им и их «устоям» обиду. Но жизнь поторопилась иллюстрировать положения, выставленные в книге Бельтова.

Могучей волной разлившееся рабочее движение показало интеллигенции, что «действие» уже началось и что «ученики» не только спорили с народниками и господами Кареевыми, но успели и кое-что сделать в смысле развития самосознания «производителей» и пробуждения их к классовой борьбе. Удивленные взоры веровавших в незыблемость «устоев» увидали вдруг, что за «учениками» оказались целые батальоны сознательных и отчасти уже сорганизованных рабочих, которые мощными пролетарскими голосами заявляли о своем праве на существование, о своем твердом намерении встать в авангарде борьбы против «всякого дурмана», какой только подносит или будет подносить им история».

И это фактическое выступление рабочих: 600 подписей московских рабочих под адресом к 25-летию Парижской Коммуны, 40,000 забастовавших в Питере, шумные маевки, участие московских рабочих в демонстрации по поводу мученической смерти Ветровой, массовые аресты «учеников» и рабочих,—все это вместе взятое сделало вдруг марксизм «модным учением». Сплошными рядами покидала молодежь народнические позиции и становилась под знамя марксизма. Бельтовым клялись, Бельтова читали запоем в каждом гимназическом кружке. «Народник», «суб'ективист» стали бранными словами, синонимами «инвалида». Народнические храмы пустели все более и более.

За учащейся молодежью потянулись и более или менее сознательные идеологи капиталистического общества. Им также, как и марксистам, нужно было очистить

горизонт от мелко-буржуазных утопий господ—В. В. и Николай-онов; как и марксистам, им важно было доказать бессмысленность и бесполезность всех попыток осуществить на деле эти утопии; и вот, чтобы достигнуть этого, они тоже начинают группироваться вокруг авторитетного имени Маркса.

«В настоящее время—говорит Ленин—об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости «союза»... Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором.

В этом сборнике революционный марксизм обрушивается на своего «союзника» П. Струве, ясно доказывая—всю не революционность постановки им вопроса в его «Критических заметках». Бельтов проглядел эту нереволюционность и возражая на нападки Михайловского на Струве ограничился только тем, что признал неловкость выражения. «Г. Михайловский—говорит Бельтов—в своей статье поднял смешной шум по поводу слов г. Струве: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Г. Михайловскому хочется изобразить дело так, как будто бы эти слова означали: о т д а д и м ж е п р о и з в о д и т е л я в ж е р т в у э к с п л у а т а т о р у. Г. П. Струве легко будет показать тщету усилий г. Михайловского, да ее, вероятно, и теперь видит всякий внимательно прочитавший «Критические заметки». Но г. Струве все-таки очень неосторожно выразился, чем, вероятно, ввел в соблазн многих простаков и обрадовал нескольких акробатов».

Сборник был сожжен цензурой, поэтому в руки широкой публики не попал, и она продолжала считать «только союзника» единомышленником.

Вслед за первыми легальными марксистскими книгами начинают выходить и марксистские газеты и журналы. Первой появляется издаваемая в Риге на латышском языке «Deenas Lapa», затем «Самарская газета», «Новое слово», «Начало» и «Жизнь», в которых все еще продолжалась совместная деятельность революционных социал-демократов с «легальными марксистами», вроде Струве, Туган-Барановского, Изгоева и др.

В настоящее время для нас является совершенно неоспоримым тот факт, что совместное выступление Плеханова, Засулич, Ленина с одной стороны, и Струве, Туган-Барановского и К°—с другой несомненно способствовало тому разброду, той теоретической беспринципности, которые явились отличительным признаком всего последующего периода. Ошибка революционной социал-демократии заключалась, конечно, не в заключении ими временного соглашения с буржуазными критиками, а в том, что она не взвесила того обстоятельства, что правительственная цензура, которая пропускала «критику» буржуазных идеологов, непременно должна будет наложить свою лапу на

всякую попытку довести эту критику до конца, т. е. на попытку от критики утопической теории народников перейти к критике реальной действительности.

Разрыв—говорит Ленин вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, об'являя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и реалистической борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а, следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

«Естественно», что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились бывшие марксисты, вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии», и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Р. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли цензора с жандармами, это видно из таких фактов, как появление трех русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна, или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра», № 10). На социал-демократов легла трудная теперь сама по себе и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к критике сопровождался встречным влечением практиков социал-демократов к «экономизму».

Воспитанная на этой «легальной» марксистской литературе молодежь и заменила первых русских социал-демократов. «Молодые» социал-демократы, как они называют себя, в 1898 г. становятся идеологами рабочего движения.

* * *

В следующей части нашей работы мы подробней остановимся на этом новом течении социал-демократического движения в России, течении, которое с полным правом может быть названо детищем, прижитым от незаконного сожительства буржуазного «легального» марксизма с идеологией стихийно растущего рабочего движения. Как тот, так и другая могли развиться лишь на почве быстро прогрессирующего капитализма. В момент под'ема промышленности русская европеизированная промышленная буржуазия должна была почувствовать себя стесненной самодержавно-полицейским строем нашего государства. Она не могла простить самодержавию удара

нанесенного ей русско-германским торговым договором, заключенным в интересах наших аграриев. В обложении промышленных предприятий трехпроцентным сбором и в введении квартирного налога она усматривает грозных предвестников перехода к подоходному налогу. С другой стороны, крупная промышленная буржуазия видит, что рабочее движение растет, что оно уже не миф, так как даже правительство принуждено с ним считаться (закон 2 июня 97 г.), что это движение уже с самого начала грозит принять классовый характер и неминуемо идет к сознательной борьбе за политическую свободу. Политическая свобода нужна была и крупной буржуазии. Она чувствовала, что единственной реальной силой, которая могла бы ограничить самодержавие, вырвать у него необходимые для буржуазии уступки, был рабочий класс. Но она понимала, что борьба рабочего класса—оружие обоюдоострое и что рабочие только тогда могут сыграть роль кули революции, когда они бессознательны, когда они ведут политическую борьбу не как класс, резко отмежеванный от других классов, не как самостоятельная партия, а в хвосте буржуазии.

Чисто экономическая борьба рабочих менее всего опасна крупной буржуазии. Уже на знаменитом заседании московского отделения «Общества для содействия мануфактурной промышленности» в 1895 г. представители крупнейших мануфактурных предприятий Московской и смежных губерний, в полном согласии с представителями Лодзинскаго отделения того же общества, признали, что от уступок рабочему движению, проведенных законодательным путем, крупная промышленность не только не пострадает, но, наоборот, даже выиграет вследствие конкуренции с средними и мелкими предприятиями, для которых такие уступки означают крах.

Итак, особенно опасаться организованного стачечного движения крупной буржуазии не приходилось. Она готова была примириться с рабочим движением, но под условием отказа его от самостоятельной политической борьбы, от выставления самостоятельной политической платформы. Марксизм, подчеркивавший прогрессивную сторону переживаемого Россией экономическаго переворота, борющийся со всеми остатками старых дореформенных порядков, обнаруживавший и изобличавший всю безплодность попыток поддержать старые полусгнившие устои и видевший даже зло в недостаточном развитии капитала, являлся желанным союзником для крупной буржуазии. Она быстро усваивает его терминологию; ее признанные органы, вплоть до «Вестника Финансов и Промышленности», любезно предоставляют свои столбцы марксистам; марксистским духом веет даже от всеподданнейших докладов министра финансов, этого чиновного ходатая русской крупной буржуазии.

Но идя за Марксом, буржуазия хочет превратить его в своего идеолога, хочет лишить его всей его классовой сущности. Выставляя легальных марксистов-Булгакова, Струве и Ко своими идеологами, крупная буржуазия накладывает на них печать своей классовой психологии, своих классовых вожделений. Развивайте сознание рабочих-диктует она им,-изобличайте перед ними существующий политический строй, призывайте их к экономической борьбе, но, критикуя марксовскую ересь о революционной роли рабочаго класса, т. е. «теорию социалистической миссии пролетариата» разбивая в пух его «теорию обнищания», готовьте нам, буржуазии, послушных илотов, которые пойдут под нашим знаменем в бой за политическую свободу. Такой ход мыслей должен

был естественно выработаться у апологетов капитализма, у идеологов крупной буржуазии, так наз. «легальных» марксистов.

Первые социал-демократы, воспитанные на оригинальных трудах отцов социал-демократии, не дали себя провести «легальным» марксистам (они соглашались с их критикой реакционных, мелко-буржуазных, народнических утопий, но твердо стояли на точке зрения научного социализма. Как в Москве, так и в Питере «Критические заметки» Струве немедленно получили надлежащую оценку, и революционные социал-демократы поторопились отмежеваться от него). Михайловский долго смеялся над истинными и неистинными «учениками»—ему было выгодно смешивать их в одну кучу. Позднейшие поколения социал-демократов, воспитанные исключительно на легальной литературе не сумели, к сожалению, отличить «истинных» марксистов от «неистинных», легальных вульгаризаторов Маркса от его революционных последователей. Познакомившись с принципами научного социализма только по этой вульгаризации, они пошли сами и повели рабочее движение по линии, которая более всего была по душе крупной буржуазии, а именно по линии, ведущей к тред-юнионизму, к отказу рабочего класса от самостоятельной политической роли. Считаясь с наличностью уже возникшего рабочего движения и, видя невозможность избавиться от него, идеологи крупной буржуазии естественно предпочли тред-юнионизм социал-демократизму. Малосознательная социал-демократия в лице «молодых», отказываясь на время по каким-то тактическим соображениям от политической агитации, бессознательно сыграла на руку крупной буржуазии, поведя рабочих к тред-юнионизму и тем фактически превращая рабочее движение в придаток буржуазного либерализма.

До конца 1897 г. это движение только намечается, преобладает еще старое революционное течение. «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса»,—к к после успешного выступления Петербургского Союза, стали называть себя социал-демократические организации в Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве и Екатеринославе, и остальные организации: в Нижнем, Одессе, Самаре, Харькове—ведут решительную социал-демократическую агитацию.

Московская организация в своей революционной ортодоксальности особенно подозрительно относилась ко всему тому, что могло вызвать ложное толкование. Так, напр., она не одобряла агитационной литературы для рабочих, которую давала Группа Освобождения Труда, потому что видела в этой литературе лишь голое противопоставление западно-европейской «свободы» русскому самодержавному произволу. Посылая своего делегата за-границу, к Группе Освобождения Труда, она выставляет требование, чтобы в популярной литературе на ряду с критикой самодержавия, непременно давалась и критика буржуазного конституционализма Западной Европы. Когда в 95 г из-за границы была получена там напечатанная брошюра «Рабочий день», Московская организация не решилась распространять ее без комментариев; она предпочла даже вырвать заключительную страницу этой брошюры, где говорилось о свободах, которыми пользуются рабочие в Западной Европе, и совершенно отсутствовали указания на то, что эти свободы далеко не полны и что качество их находится в прямой зависимости от степени сплоченности и сознательности рабочего класса данной страны. На конференции московских и нижегородских работников, о которой мы

говорили выше, было постановлено, что главная задача русских социал-демократов заключается в том, чтобы сразу начать воспитывать русских рабочих для самостоятельного политического выступления и тем предотвратить всякую возможность превращения его в простой придаток буржуазного освободительного движения. Уже на первом майском празднике в Москве в 95 г. сами рабочие (и при-том рабочие не из самых сознательных) выражали недовольство нашей литературой за то, что она, указывая на современное положение западно-европейских товарищей, совершенно умалчивает о путях, какими они добились этого положения, о том, как они боролись за свободу и как должны в свою очередь бороться русские рабочие.

Вообще, тогдашняя заграничная литература в этом смысле совершенно перестала удовлетворять потребности движения. Она не давала ни одного практического лозунга, который не был бы уже аксиомой для действующего агитатора и всех сознательных рабочих. Ошибка группы Освобождения Труда заключалась в том, что она слишком переоценивала в то время значение «социалистической» интеллигенции. В своей литературе она обращалась главным образом к ней, доказывая ей необходимость «возбуждения сознательно политического движения в среде рабочего класса», она говорила, что «от нашей социалистической интеллигенции в значительной степени зависит будущее решение этого вопроса», (что без рабочих, сознающих свои классовые интересы, нет социализма»), что «социалистическая интеллигенция—это тот фермент, который попав в благоприятную (т. е. в рабочую среду, может развить в ней брожение, которое приведет к возникновению социалистической партии). Все эти безусловно верные мысли попадали, однако, не по адресу. В широкие слои интеллигенции, как мы видели, брошюры группы Освобождения Труда не попадали вовсе, так-как большинство активных социал-демократов порвали почти все связи с интеллигентской публикой; эти брошюры читались только узким кругом сознательных рабочих, которые вполне уже стояли на точке зрения гр. Осв. Труда. Но эти рабочие желали действовать, хотели стать тем «ферментом», о котором говорил Плеханов, стремились развивать сознание масс и требовали от группы Осв. Тр., в которой они видели своего идеолога и единственный источник социал-демократической литературы, чтобы она дала им и оружие для работы среди масс.

Сознательные рабочие и социал-демократы—практики (а только практики и были в то время в России) требовали от своих теоретиков, чтобы они дали им материал для агитации в духе тех идей, которым учили эти теоретики. Весь трагизм положения, в какое попала группа Освобождения Труда в средине 90-х годов, и заключался в том, что она не поняла этих требований. Она продолжала говорить о «будущем рабочем движении» и занята была исключительно тем, что отстаивала перед интеллигенцией неизбежность этого движения. А между тем движение это уже началось и требовало себе руководства. Другими словами, благодаря своей оторванности от русской действительности заграничная группа Освобождения Труда просмотрела начало у нас массового рабочего движения и, толкуя в своих изданиях о необходимости проникновения в массу о необходимости агитации, продолжала в сущности только пропаганду, совершенно почти не давая никакой агитационной литературы и фактически, таким образом, отстраняясь от руководства уже зародившимся движением.

В самой России еще не успели выделиться теоретики-социал-демократии, но если даже они и имелись, то в их распоряжении не было техники, при помощи которой они могли бы создать широкую агитационную (брошюрочную) литературу. Русские же эмигранты, состоявшие исключительно из теоретиков, оторванных от практической работы, не поняли насущной потребности в этой литературе; в этом-то обстоятельстве несомненно кроется причина, почему группа Освобождения Труда вынуждена была на известное время уступить место идейных руководителей так называемым «молодым» воспитанникам «легальнаго» марксизма. Когда в средине 90-х годов возник конфликт между русскими практиками и заграничными теоретиками, русские практики в идейном отношении стояли вполне на точке зрения группы Освобождения Труда, но были очень недовольны тем, что эта точка зрения все еще только пропагандировалась группой, а не агитировалась.

Вполне доверяя опыту и главное, знаниям эмигрантов, русские социал-демократы требовали от группы Освобождения Труда, чтобы она взяла на себя практическое руководство движением; а так как она этого не сделала, то движением начали руководить местные организации—каждая на свой риск и страх. Так, движение в Северо-Западном крае пошло совершенно в сторону от социалистическаго пути, и автор «Поворотнаго пункта в истории еврейского рабочего движения» не находит за границей никакой отповеди.

Наборот, член группы Осв. Тр., Плеханов, представлявший еврейское движение на Лондонском конгрессе, своим молчанием даже как-бы признает справедливость нового характера движения. «Экономизм», т. е. «чисто рабоче движение» перекидывается и в остальную Россию, найдя здесь благоприятную почву в стихийном увлечении рабочих масс «стачкизмом» и в стадном увлечении интеллигенции «модной» теорией легального марксизма.

Правда уцелевшие от массовых провалов «старики»—первые социал-демократы, еще крепко держатся за старую программу. Издаваемые ими органы: «С. Петербургский рабочий Листок» и «Рабочая Газета» целиком стоят на точке зрения революционной социалдемократии: они видят первую и насущнейшую задачу социал-демократов в том, чтобы об'единить и сорганизовать всех вовлеченных в агитацию рабочих в одно органическое целое, слить в один поток все отдельные ручейки социалдемократического движения, словом создать единую политическую рабочую партию. «Ниспровергнуть самодержавие... может лишь крепко организованная, многочисленная рабочая партия» —писали в 97 году петербургские социал-демократы.—«Организовавшись в сильную партию, рабочие освободят себя и всю Россию от всякаго политического и экономического гнета»).

Борьба с самодержавным правительством за политическую свободу—писали киевские товарищи—есть ближайшая задача русского рабочего движения... Руское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит, как единое стройное целое, с общим именем и стройной организацией... Отдельные рабочие кружки должны превратиться в одну общую партию... Русская рабочая партия будет партией социал-демократической».

Лозунг, дан и все «старые» социал-демократы приняли его. Начинается работа по подготовке перваго с'езда, который должен положить начало партийному выступлению русской социал-демократии.

Но наряду с «Рабочей Газетой» появляется уже «Рабочая Мысль»; наряду с группой Рабочей Газеты то тут, то там укрепляются «молодые», неся с собой свою тактику. Начинается новый период нашей истории, «период разброда, распадения, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью,—с одной стороны в произведениях г. г. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны—у В. И.—на и Р. М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то-же время косвенно и на оживление демократическаго духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного под'ема,» среди социал-демократов преобладала уже другая полоса—полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем больше массы сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но попытались защищать свою отсталость всякими высиренними доводами. Социал-демократизм принижался до тред-юнионизма и брентанистами легальной, и хвостистами нелегальный литературы»).

М. Лядов.

ОБ ЭКОНОМИЗМЕ

(выдержки из книги В. И. Ленина „Что делать?“).

Предисловие.

Брошюра «Что делать?» вышла за границей в самом начале 1902 года. Она посвящена критике правого крыла уже не в литературных течениях, а в социал-демократической организации. В 1898 году состоялся 1-й с'езд с.-д. и положено основание Российской С.-Д. Рабочей Партии. Заграничной организацией партии стал заграничный «Союз русских социал-демократов», включавший и «Группу Освобождения Труда». Но центральные учреждения партии были разгромлены полицией и не могли быть восстановлены. Фактически единства партии не было: оно осталось лишь идеей, директивой. Увлечение статечным движением и экономической борьбой породило тогда особую форму социал-демократического оппортунизма, так наз. «экономизм». Когда группа «Искры» в самом конце 1900 года начала свою деятельность за границей, раскол на этой почве был уже фактом. Плеханов весной 1900 года вышел из заграничного «Союза русских с. д.» и образовал особую организацию «Социал-демократ».

«Искра» начала свою работу формально независимо от обоих фракций, но по существу—вместе с плехановской группой против «Союза». Попытка слияния (июнь 1901 г., с'езд «Союза» и «Социал-демократов» в Цюрихе) не удалась. Брошюра «Что делать?» систематически излагает причины расхождения и характер искровской тактики и организационной деятельности.

Брошюру «Что делать?» часто упоминают теперешние противники большевиков—меньшевики, а также писатели из буржуазно-либерального лагеря (кадеты, «беззаглавцы» из газеты «Товарищ» и т. п.). По существу содержания этой брошюры необходимо обратить внимание современного читателя на следующее.

«Основная ошибка, которую делают люди, в настоящее время полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии. Наглядно обнаружил эту ошибку, напр., Парвус (не говорю уже о многочисленных меньшевиках), писавший много лет спустя после выхода брошюры о ее неверных или преувеличенных идеях насчет организации профессиональных революционеров.

«В настоящее время подобные заявления производят прямо смешное впечатление, как будто люди хотят отмахнуться от целой полосы в развитии нашей партии, от тех завоеваний, которые в свое время стоили борьбы, а теперь давно уже упрочились и сделали свое дело.

«В настоящее время рассуждать о преувеличении «Искрой» (в 1901 и 1902 годах!) идеи организации профессиональных революционеров, это все равно, как если бы после русско-японской войны стали упрекать японцев за преувеличение русских военных сил, за преувеличение заботы до войны о борьбе с этими силами. Японцам надо было собрать все силы против максимально возможных русских сил, чтобы одержать победу. К сожалению, многие судят о нашей партии со стороны, не зная дела, не видя того, что теперь идея организации профессиональных революционеров уже одержала полную победу. А победа была невозможна без того, чтобы не выдвинуть эту идею на первый план в свое время, без того, чтобы «преувеличенно» не втолковать ее людям, которые мешали осуществлению этой идеи.

«Что делать?» есть сводка искровской тактики, искровской организационной политики 1901 и 1902 годов. Именно: «сводка», не более и не менее. Кто возьмет на себя труд ознакомиться с «Искрой» 1901 и 1902 годов, тот несомненно убедится в этом. А кто судит об этой сводке, не зная искровской борьбы с преобладавшим тогда экономизмом и не понимая этой борьбы, тот просто роняет слова на ветер. «Искра» боролась за создание организации профессиональных революционеров, боролась особенно энергично в 1901 и 1902 годах, поборола преобладавший тогда экономизм, создала эту организацию в 1903 году окончательно, удержала эту организацию, несмотря на последующий раскол искровцев, несмотря на все треволнения в эпоху бури и натиска, удержала ее в течение всей русской революции, удержала и сохранила ее с 1901—2 до 1907 года.

Догматизм и „свобода критики"

Ни для кого не тайна, что в современной международной *) социалдемократии образовались два направления, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает

*) Кстати. В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и, в своем роде, чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние вре-

ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных „резолюций о перемирии.» И в чем состоит „новое“ направление, которое „критически относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью **сказал** Бернштейн и **показал** Мильеран.

Социалдемократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; об'являлось несостоятельным самое понятие о «конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась **теория классовой борьбы**, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны, и с университетской кафедры, и в массе брошюр, и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике,—то неудивительно, что «новое критическое» направление в социалдемократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера. По всему содержанию, этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую.

Новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность **оппортунизма**. И если судить о людях не потому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют, то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

мена споры между лассальянцами и эйзенахцами, между гэдистами и поссибилистами, между фабианцами и социалдемократами, между народовольцами и социалдемократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики,—все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против „догматического“ марксизма. Может быть, в этой первой, действительно международной, схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социалдемократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?

Критика в России.

Основная особенность России в рассматриваемом отношении состоит в том, что уже самое начало стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением). Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) «народовольчества», не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов розыскала нового врага и обрушилась на него,—до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окруженных этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»...

В настоящее время об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости «союза».

Но если так, то не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов, которые вошли в этот союз с будущими «критиками»? Такой вопрос, вместе с утвердительным ответом на него, приходится слышать иногда от людей, черезчур прямолинейно смотрящих на дело. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временных союзов, хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде).

Разрыв впоследствии вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления,— естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением Рос-

сии. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, об'являя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а, следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Р. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензора с жандармами, это видно из таких фактов, как появление трех русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна, или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра», № 10). На социал-демократов легла теперь трудная сама по себе и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался встречным влечением практиков социал-демократов к «экономизму».

Как возникала и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегального экономизма,—этот интересный вопрос мог бы послужить предметом особой статьи. Нам достаточно отметить здесь несомненное существование этой связи. Пресловутое «credo» потому и приобрело такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту связь и проболтало основную политическую тенденцию «экономизма»: рабочие пусть ведут экономическую борьбу (точнее было бы сказать: трэд-юнионистскую борьбу, ибо последняя об'емлет и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенция пусть сливается с либералами для «борьбы» политической.

Начало стихийного под'ема.

Мы отметили повальное увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1886 года. Их распространение по всей России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности—рознь. Стачки бывали в России и в

70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин, и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными»—до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо более проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были просто восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой трэд-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознания социал-демократического. В этом смысле, стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости об'единиться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов, и т. п.*). Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло, как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только не было уже вполне сложившейся программой Группы Освобождения Труда, но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом, на лицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократическою теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При

*) Трэд-юнионизм вовсе не исключает всякую „политику", как иногда думают. Трэд-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии трэд-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в след. главе.

этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что первые социал-демократы этого периода, усердно занимаясь экономической агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»), не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив, с самого начала выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще, и задачу ниспровержения самодержавия в особенности.

Крайне важно установить, что часть (может быть, даже большинство) действовавших в 1895—1898 г.г. социал-демократов вполне справедливо считали возможным тогда же, в самом начале «стихийного» движения, выступать с самой широкой программой и боевой тактикой. Неподготовленность же большинства революционеров, будучи явлением вполне естественным, никаких особенных опасений возбуждать не могла. Раз постановка задач была правильная, раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи,—временные неудачи представляли из себя полбеды. Революционная опытность и организаторская ловкость—вещи наживные. Была бы только охота вырабатывать в себе требуемые качества! Было бы только сознание недостатков, равносильное в революционном деле больше чем половине исправления!

Но полбеды сделалось настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди,—и даже социал-демократические органы,—которые недостаток готовы были возвести в добродетель, которые попытались даже теоретически обосновать свое раболенство и преклонение перед стихийностью. Этому направлению, содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма», пора подвести итоги.

Преклонение пред стихийностью—„Рабочая Мысль“.

Прежде чем переходить к литературным проявлениям этого преклонения, отметим следующий характерный факт (сообщенный нам из упомянутого выше источника), который бросает некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникла и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии. В начале 1897 г. А. А. Ванееву и некоторым из его товарищей пришлось участвовать перед отправкой их в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Беседа велась, главным образом, об организации и, в частности, о том самом «уставе рабочей кассы», который в окончательном своем виде напечатан в № 9—10 «Листка Работника» (стр. 46). Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно, прежде всего, вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от

мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы со «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние экономисты). И если эта борьба не оставила по большей части, «документальных» следов, то причина этого единственно та, что состав работающих кружков менялся невероятно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласия не фиксировались никакими документами.

Возникновение «Раб. Мысли» вывело экономизм на свет божий, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себе условия работы и кратковременность жизни массы русских кружков (а конкретно представляет себе это только тот, кто это пережил), чтобы понять, как много случайного было в успехе или неуспехе нового направления в разных городах и как долго ни сторонники, ни противники этого «нового» не могли, буквально таки не имели никакой возможности определить, действительно ли это особое направление или просто выражение неподготовленности отдельных лиц. Например, первые гектографированные номера «Раб. Мысли» остались даже совершенно неизвестны громадному большинству социал-демократов, и если мы теперь можем ссылаться на передовицу первого ее номера, то только благодаря перепечатке ее в статье В. И—а. («Листок Работника», № 9—10, стр. 47 и сл.). А на передовице этой стоит остановиться—настолько рельефно выразила она весь дух «Раб. Мысли» и экономизма вообще.

Указав на то, что руке в синем обшлаге (жандармерии) не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает:.. «Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется, наконец, за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т.-е. социалдемократы, организаторы союза борьбы) были вырваны полицией из рук, можно сказать, рабочих, а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига! Вместо того, чтобы звать вперед, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности стали звать назад, к одной трэд-юнионистской борьбе. Провозгласили, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения — «борьба за экономическое положение» (!) или еще лучше, «рабочие для рабочих»; об'являлось, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций» (сравните это, относящееся к октябрю 1897 года утверждение с спором «декабристов» с молодыми в начале 1897 года) и т. п. Словечки в том роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабочего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой» и т. д., и т. д., сделались модой и приобрели неотразимое влияние на массу привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным подавлением сознательности стихийностью тех «социалдемократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм

и всякая политика, что должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» (передовая № 1 «Р. Мысли».)

Указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже стихийным путем. Это кажется каламбуром, но это—увы!—горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров-«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социалдемократии».

«Во-вторых, уже на первом литературном проявлении экономизма мы можем наблюдать то в высшей степени своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социалдемократов явление, что сторонники «чисто-рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой не-рабочей интеллигенции (хотя бы это была социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам буржуазных «только трэд-юнионистов». Это показывает нам, что «Р. Мысль», с самого своего начала, принялась—бессознательно для самой себя—осуществлять Credo. Это показывает (чего никак не может понять «Р. Дело»), что всякое преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии означает тем самым,—совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет,—усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих. Все, кто толкует о переоценке идеологии, о преувеличении роли сознательного элемента и т. п., воображают, что чисто-рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка.

О самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда вне-классовой или над-классовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, идет именно по программе credo, ибо стихийное рабочее движение есть трэд-юнионизм, а трэд-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления трэд-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии.

Но почему же,— спросит читатель,—стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает не-

неизмеримо большими средствами распространения. И чем моложе социалистической движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п.

Первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экономизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за «экономикой». Эти положения «Рабочей Мысли» совершенно неверны, если понимать под политикой социал-демократическую политику. Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана [хотя и не неразрывно] с политикой буржуазной, клерикальной и проч., положения «Р. Дела» верны, если понимать под политикой политику трэд-юнионистскую, т.-е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т.-е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно обще и английским трэд-юнионистам, враждебно относящимся к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом, мы видим, что и по отношению к политической борьбе «Раб. Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько преклонение пред ее стихийностью, пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от самостоятельной выработки специфической социал-демократической политики, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям.

Итак, основная ошибка «нового направления» в русской социал-демократии состоит в преклонении пред стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный под'ем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

Стихийный под'ем масс в России произошел (и продолжает происходить) с такой быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач. Это неподготовленность—наша общая беда, беда всех русских социал демократов. Под'ем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, и даже крестьянства). Революционеры же отставали от этого под'ема, и в своих «теориях» и в своей деятельности им не удавалось создать непрерывной и преемственной организации, способной руководить всем движением.

Политическая агитация и ее сужение экономистами.

Всем известно, что широкое распространение и упрочение экономической *) борьбы русских рабочих шло рука об руку с созданием «литературы» экономических (фабричных и профессиональных) обличений. Главным содержанием «листков» были обличения фабричных порядков, и среди рабочих скоро вспыхнула настоящая страсть к обличениям. Как только рабочие увидали, что кружки социалдемократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их,—они стали, можно сказать, засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов. Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах. А так как нужды и бедствия рабочих разных заведений и разных профессий имеют много общего, то «правда про рабочую жизнь» восхищала всех. Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься»—благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве случаев были действительно об'явлением войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками. Сами фабриканты, в конце концов, до такой степени должны были признать значение этих листков, как об'явление войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны. Обличения, как и всегда, сделались сильны одним уже фактом своего появления, приобрели значение могучего нравственного давления. Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований. Одним словом, экономические (фабричные) обличения были и теперь остаются важным рычагом экономической борьбы. И это значение сохранится за ними, пока будет существовать капитализм, порождающий необходимо самозащиту рабочих. В самых передовых европейских странах можно наблюдать и теперь, как обличение безобразий какого-нибудь захолустного «промысла» или какой-нибудь всеми забытой отрасли домашней работы служит исходным пунктом к пробуждению классового сознания, к началу профессиональной борьбы и распространения социализма **).

---

*) Заметим, во избежание недоразумений, что в дальнейшем изложении мы понимаем везде под экономической борьбой (согласно установившемуся у нас словоупотреблению) ту „практически-экономическую борьбу“, которую Энгельс назвал „сопротивлением капиталистам“ и которая в свободных странах называется профессиональной синдикальной или трэд-юнионистской борьбой.

**) В настоящей главе мы говорим только о политической борьбе, о более широком или более узком ее понимании. Поэтому лишь мимоходом отметим, просто, как курьез, обвинение „Раб. Делом“, „Искры“ в „излишнем воздержании“ по отношению к экономической борьбе (»Два с'езда«, стр. 27, разжевано Мартыновым в его брошюре: „Социалдемократия и рабочий класс“). Если бы гг. обвинители выразили хотя бы в пудах или печатных листах (как они любят это делать) отдел экономической борьбы в „Искре“ за год и сравнили с соответствующим отделом „Р. Дела“ и „Р. Мысли“, вместе взятых, то они легко увидели бы, что они отстают даже и в этом отношении. Очевидно, сознание

Преобладающее большинство русских социалдемократов последнего времени было почти всецело поглощено этой работой по организации фабричных обличений. Достаточно вспомнить «Раб. Мысль», чтобы видеть, до какой степени доходило это поглощение, как при этом забывалось, что сама по себе это, в сущности, еще не социалдемократическая, а только трэд-юнионистская деятельность. Обличения захватывали, в сущности только отношения рабочих данной профессии к их хозяевам и достигали только того, что продавцы рабочей силы научались выгоднее продавать этот «товар» и бороться с покупателем на почве чисто коммерческой сделки. Эти обличения могли сделаться (при условии известного использования их организацией революционеров) началом и составной частью социалдемократической деятельности, но могли также (а при условии преклонения пред стихийностью должны были) вести к «только профессиональной» борьбе и к не-социалдемократическому рабочему движению. Социалдемократия руководит борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам. Социалдемократия представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе. Понятно отсюда, что социалдемократы не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличений составляла их преобладающую деятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания. С этим теперь, после первого натиска на экономизм со стороны «Зари» с «Искрой», «все согласны» (хотя некоторые только на словах, как мы сейчас увидим).

Спрашивается, в чем же должно состоять политическое воспитание? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса к самодержавию? Конечно, нет. Недостаточно об'яснять политическое угнетение рабочих (как недостаточно было об'яснять им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения (как мы стали агитировать по поводу конкретных проявлений экономического гнета). А так как это угнетение падает на самые различные классы общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной, и обще-гражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной и проч. и проч., то не очевидно ли, что мы не исполним своей задачи—развивать политическое сознание рабочих, если мы не возьмем на себя организацию всестороннего политического обличения самодержавия? Ведь для того, чтобы агитировать по поводу конкретных проявлений гнета, надо обличить эти проявления (как надо было обличать фабричные злоупотребления, чтобы вести экономическую агитацию)?

этой простой истины заставляет их прибегать к доводам, ясно показывающим их смущение. „Искре"—пишут они,—„волей-неволей (!) приходится (!) считаться с властными запросами жизни и хотя бы (!!) помещать корреспонденции о рабочем движении" (Два с'езда стр. 27). Вот уже подлинно уничтожающий нас аргумент!

Казалось бы, это ясно? Но именно тут-то и оказывается, что с необходимостью всесторонне развивать политическое сознание «все» согласны только на словах. Тут-то и оказывается, что «Раб. Дело», например, не только не брало на себя задачи организовать (или положить почин организации) всесторонних политических обличений, но стало тащить назад и «Искру», которая взялась за эту задачу. Слушайте: «Политическая борьба рабочего класса есть лишь» (именно не лишь) «наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы» (программа «Раб. Дела», Р. Д., № 1, стр. 3). «Теперь перед социал-демократами стоит задача— как придать, по возможности, самой экономической борьбе политический характер» (Мартынов в № 10, стр. 42). «Экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу» (резолюция с'езда Союза и «поправки»: «Два с'езда», стр. 11 и 17). Все эти положения проникают собой «Раб. Дело», как видит читатель, с самого его возникновения и вплоть до последних «инструкций редакции», и все они выражают, очевидно, один взляд на политическую агитацию и борьбу. Присмотритесь же к этому взгляду с точки зрения господствующего у всех экономистов мнения, что политическая агитация должна следовать за экономической. Верно ли это, что экономическая борьба есть вообще «наиболее широко применимое средство» для вовлечения массы в политическую борьбу? Совершенно неверно. Нисколько не менее «широко применимым» средством такого «вовлечения» являются все и всяческие проявления полицейского гнета и самодержавного бесчинства, а отнюдь не такие только проявления, которые связаны с экономической борьбой. Земские начальники и телесное наказание крестьян, взяточничество чиновников и обращение полиции с городским «простонародьем», борьба с голодающими и травля народного стремления к свету и знанию, выколачивание податей и преследование сектантов, муштровка солдат и солдатское обращение со студентами и либеральной интеллигенцией,—почему все эти и тысячи других подобных проявлений гнета, непосредственно не связанных с «экономической борьбой, представляют собой вообще менее «широко применимые» средства и поводы политической агитации, вовлечения массы в политическую борьбу? Как раз напротив: в общей сумме тех жизненных случаев, когда рабочий страдает (за себя или за близких ему людей) от бесправия, произвола и насилия, лишь небольшое меньшинство составляет, несомненно, случаи полицейского гнета именно в профессиональной борьбе. К чему же заранее суживать размах политической агитации, об'являя «наиболее широко применимым» лишь одно из средств, наряду с которыми для социал-демократа должны стоять другие, вообще говоря, не менее «широко применимые»?

Какой конкретный, реальный смысл имеет в устах Мартынова постановка социал-демократии задачи: «придать самой экономической борьбе политический характер?» Экономическая борьба есть коллективная борьба рабочих с хозяевами за выгодные условия продажи рабочей силы, за улучшение условий труда и жизни рабочих. Эта борьба по необходимости является борьбой профессиональной, потому что условия труда крайне разнообразны в разных профессиях и, следов., борьба за улучшение этих условий не может не вестись по профессиям (профессиональными союзами на Западе, профессиональными временными соединениями и листками в России и т. п.). Придать «самой экономической борьбе политический характер» значит, следовательно

добиваться осуществления тех же профессиональных требований, того же профессионального улучшения условий труда посредством «законодательных и административных мероприятий» (как выражается Мартынов на следующей, 43, странице своей статьи). Это именно делают и всегда делали все профессиональные рабочие союзы. Загляните в сочинение основательных ученых (и «основательных» оппортунистов) супругов Вебб, и вы увидите, что английские рабочие союзы давным давно уже сознали и осуществляют задачу «придать самой экономической борьбе политический характер», давным-давно борются за свободу стачек, за устранение всех и всяческих юридических препятствий кооперативному и профессиональному движению, за издание законов в защиту женщин и детей, за улучшение условий труда посредством санитарного и фабричного законодательства, и пр.

Таким образом, за пышной фразой: «придать самой экономической борьбе политический характер», которая звучит «ужасно» глубокомысленно и революционно, прячется, в сущности традиционное стремление принизить социал-демократическую политику до политики трэд-юнионистской! Под видом исправления односторонности «Искры», которая ставит—видите ли—«революционизирование догмы выше революционизирования жизни», нам преподносят, как нечто новое, борьбу за экономические реформы. В самом деле, ровно ничего другого, кроме борьбы за экономические реформы не содержится в фразе: «придать самой экономической борьбе политический характер».

И мы спрашиваем еще раз беспристрастных читателей, клевещем ли мы на рабочеделенцев (да простят мне это неуклюжее ходячее словечко!), называя их скрытыми бернштейнианцами, когда они выдвигают, как свое разногласие с «Искрой», тезис о необходимости борьбы за экономические реформы?

Революционная социалдемократия всегда включала и включает в свою деятельность борьбу за реформы. Но «экономической» агитацией она пользуется для пред'явления правительству не только требования всяких мероприятий, а также (и прежде всего) требования перестать быть самодержавным правительством. Кроме того, она считает своей обязанностью пред'являть правительству это требование не только на почве экономической борьбы, а и на почве вообще всех проявлений общественно-политической жизни. Одним словом, она подчиняет борьбу за реформы, как часть целому, революционной борьбе за свободу и за социализм. Мартынов же воскрешает в иной форме теорию стадий, стараясь предписать непременно экономический, так сказать, путь развития политической борьбы. Выступая в момент революционного под'ема с особой, якобы, «задачей» борьбы за реформы, он этим тащит партию назад и играет на руку и «экономическому» и либеральному оппортунизму.

Политические обличения и „воспитание революционной активности".

Выдвигая против «Искры» свою «теорию» «повышения активности рабочей массы», Мартынов на самом деле обнаружил стремление принизить эту активность, ибо предпочтительным, особо важным, «наиболее широко применимым» средством пробуждения и поприщем этой активности он об'явил ту же экономическую борьбу, пред которой пресмыкались и все экономисты. Поэтому и характерно это заблуждение, что оно свойственно далеко не одному Мартынову. На самом же деле

«повышение активности рабочей массы» может быть достигнуто только при том условии, если мы не будем ограничиваться «политической агитацией на экономической почве». А одним из основных условий необходимого расширения политической агитации является организация всесторонних политических обличений. Иначе, как на этих обличениях, не может воспитаться политическое сознание и революционная активность масс. Поэтому деятельность такого рода составляет одну из важнейших функций всей международной социалдемократии, ибо и политическая свобода нисколько не устраняет, а только несколько передвигает сферу направления этих обличений. Например, германская партия особенно укрепляет свои позиции и расширяет свое влияние именно благодаря неослабной энергии ее политически-обличительной кампании. Сознание рабочего класса не может быть истинно-политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на все и всяческие случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, к каким бы классам ни относились эти случаи, и притом откликаться именно с социалдемократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие не конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать каждый из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов,—не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же—тот не социалдемократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не только теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов современного общества. Вот почему так глубоко вредна и так глубоко реакционна по своему практическому значению проповедь наших экономистов, что экономическая борьба есть наиболее широко-применимое средство вовлечения масс в политическое движение. Чтобы стать социалдемократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по своему или хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах, в таких-то судебных приговорах, и проч., и проч., и проч. Эти всесторонние политические обличения представляют собой необходимое и основное условие воспитания революционной активности масс.

Почему русский рабочий мало еще проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, по поводу травли сектантов, битья крестьян, по поводу безобразий цензуры, истязаний солдат, травли самых

невинных культурных начинаний и т. п.? Не потому ли, что его не «наталкивает» на это «экономическая борьба», что ему мало «сулит» это «осязательных результатов», мало дает «положительного»? Нет, подобное мнение есть, повторяем, не что иное, как попытка свалить с больной головы на здоровую, свалить свое собственное филистерство (бернштейнианство тож) на рабочую массу. Мы должны винить себя, свою отсталость от движения масс, что мы не сумели еще организовать достаточно широких, ярких, быстрых обличений всех этих гнусностей. Сделай мы это (а мы должны сделать и можем сделать это)—и самый серый рабочий поймет или почувствует, что над студентом и сектантом, мужиком и писателем ругается и бесчинствует та самая темная сила, которая так гнетет и давит его на каждом шагу его жизни, а почувствовав это, он захочет, неудержимо захочет отозваться и сам, он сумеет тогда—сегодня устроить кошачий концерт цензорам, завтра демонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра проучить тех жандармов в рясе, что делают работу святой инквизиции и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сделали для того, чтобы бросать в рабочие массы всесторонние и свежие обличения. Многие из нас и не сознают еще этой своей обязанности, а стихийно волочатся за «серой текущей борьбой» в узких рамках фабричного быта. При таком положении дел говорить: «Искра» имеет тенденцию умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей (Мартынов, стр. 61)—значит тащить партию назад, значит защищать и прославлять нашу неподготовленность, отсталость.

Что же касается до призыва массы к действию, то это выйдет само собой раз только есть налицо энергичная политическая агитация, живые и яркие обличения. Поймать кого-либо на месте преступления и заклеймить перед всеми и повсюду тотчас же—это действует само по себе лучше всякого «призыва», это действует зачастую так, что потом и нельзя будет определить, кто собственно «призывал» толпу и кто собственно выдвинул тот или иной план демонстрации и т. п. Призвать—не в общем, а в конкретном смысле слова—можно только на месте действия, призвать может только тот, кто сам и сейчас идет. А наше дело, дело социалдемократических публицистов, углублять, расширять и усиливать политические обличения политическую агитацию.

Наши экономисты, в том числе «Рабочее Дело», имели успех, благодаря тому, что подделывались под неразвитых рабочих. Но рабочий-социалдемократ, рабочий-революционер (а число таких рабочих все растет) отвергнет с негодованием все эти рассуждения о борьбе за требования «сулящие осязательные результаты», и проч., ибо он поймет, что это только варианты старой песенки о копейке на рубль. Такой рабочий скажет своим советчикам из «Р. Мысли» и из «Раб. Дела»: зря вы суетитесь, господа, вмешиваясь черезчур усердно в то дело, с которым мы и сами справляемся, и отлынивая от исполнения ваших настоящих обязанностей. Совсем ведь это неумно, когда вы говорите, что задача социалдемократов, придать самой экономической борьбе политический характер, это только начало, и не в этом главная задача социалдемократов, ибо во всем мире, и в России в том числе, полиция нередко сама начинает придавать экономической борьбе политический характер, рабочие сами научаются понимать, за кого стоит правительство.

Что такое кустарничество?

Попробуем ответить на этот вопрос маленькой картинкой деятельности типичного социалдемократического кружка 1894—1901 годов. Мы уже указали на повальное увлечение марксизмом учащейся молодежи этого периода. Это увлечение относилось, разумеется, не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос: «что делать?,» как к призыву итти в поход на врага. И новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину. Кружок студентов, без всякой связи с кружками в других местностях или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок развертывает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающего в распоряжение «Комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние комитета (или союза борьбы), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно: те же люди, которые год или несколько месяцев тому назад выступали в студенческих кружках и решали вопрос: «куда итти»?, которые заводили и поддерживали сношения с рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу, берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстрации, переходят, наконец, к открытым военным действиям (при чем этим открытым военным действием может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый агитационный листок, и первый номер газеты, и первая демонстрация). И обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собою немедленно полный провал. Немедленно и полный, именно потому, что эти военные действия являлись не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного плана, длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы; потому что полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения, «зарекомендовавших» себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самого удобного для нее момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разростись и развернуться, чтобы иметь осязательный corpus delicti, и нарочно оставляя всегда нескольких известных ей лиц «на разводку» (как гласит техническое выражение, употребляемое, насколько мне известно, и нашим братом и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска. И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы, несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся. Правда, с исторической точки зрения, примитивность снаряжения была не только неизбежна вначале, но даже законна, как одно из условий широкого привлечения ратников. Но, как только начались серьезные военные действия (а они начались уже, в сущности, с летних стачек 1896 года),

недостатки нашей военной организации стали все сильнее и сильнее давать себя чувствовать. Опешив на первых порах и наделав ряд ошибок (в роде обращения к обществу с описанием злодейств социалистов или ссылки рабочих из столиц в промышленные центры провинции), правительство вскоре приспособилось к новым условиям борьбы и сумело поставить на подлежащие места свои вооруженные всеми усовершенствованиями, отряды провокаторов, шпионов и жандармов. Погромы стали так часто повторяться, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий кругозор в области теоретических, политических и организационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий. Дело дошло до того, что в некоторых местах рабочие, в силу недостатка у нас выдержки и конспиративности, проникаются недоверием к интеллигенции и сторонятся от нее: интеллигенты, говорят они, слишком необдуманно приводят к провалам!

Кустарничество и экономизм.

Мы должны теперь остановиться на вопросе, который наверное напрашивается у всякого читателя. Можно ли ставить в связь это кустарничество, как болезнь роста, свойственную всему движению, с экономизмом, как с одним из течений в русской социалдемократии? Мы думаем, что да. Практическая неподготовленность, неумелость организационной работы обща действительно всем нам, в том числе и тем, кто с самого начала неуклонно стоял на точке зрения революционного марксизма. И за неподготовленность само по себе никто не мог бы, конечно, и винить практиков. Но кроме неподготовленности в понятие «кустарничества» входит еще нечто другое: узкий размах всей революционной работы вообще, непонимание того, что на этой узкой работе и не может сложиться хорошая организация революционеров, наконец—и это главное—попытки оправдать эту узость и возвести в особую «теорию», т. е. преклонение пред стихийностью и в этой области. Раз только обнаружились такие попытки,—стало уже несомненным, что кустарничество связано с экономизмом и что мы не избавимся от узости нашей организационной деятельности, не избавившись от экономизма вообще (т.-е. узкого понимания и теории марксизма, и роли социалдемократии, и политических задач ее). А попытки эти обнаружились в двояком направлении. Одни стали говорить: рабочая масса не выдвинула еще сама таких широких и боевых политических задач, которые ей «навязывают» революционеры, она должна еще бороться за ближайшие политические требования, вести «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством»*) (а этой «доступной» массовому движению борьбе естественно соответствует и «доступная» даже самой неподготовленной молодежи организация). Другие, далекие от всякой «постепеновщины», стали говорить: возможно и должно «совершить политическую революцию, но для этого нет никакой надобности в создании крепкой организации революционеров,

*) „Раб. Мысль“ и „Раб. Дело“, особ. „Ответ“ Плеханову.

воспитывающей пролетариат стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы мы все схватились за «доступную» и знакомую уже дубину. Оба эти направления, и оппортунисты и «революционисты», пасуют пред господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать организацию революционеров, способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы.

Организации рабочих и организации революционеров.

Если понятие политической борьбы для социалдемократа покрывается понятием «экономической борьбы с хозяевами и правительством», то естественно ожидать, что понятие «организация революционеров» будет для него более или менее покрываться понятием: «организация рабочих». И это действительно случается, так что, разговаривая об организации, мы оказываемся буквально говорящими на разных языках. Как сейчас помню, например, разговор с одним довольно последовательным экономистом, которого мне не доводилось знать раньше. Речь зашла о брошюре: «Кто совершит политическую революцию? и мы быстро сошлись на том, что ее основной недостаток —игнорирование вопроса об организации. Мы воображали уже, что мы солидарны друг с другом—но... разговор идет дальше, и оказывается, что мы говорим про разное. Мой собеседник обвиняет автора за игнорирование стачечных касс, обществ взаимопомощи и т. п., я же имел в виду организацию революционеров, необходимую для «совершения» политической революции. И как только обнаружилось это разногласие, —я не запомню уже, чтобы мне не приходилось вообще по какому бы то ни было принципиальному вопросу соглашаться с этим экономистом!

В чем же состоял источник наших разногласий? Да именно в том, что экономисты постоянно сбиваются с социалдемократизма на трэд-юнионизм и в организационных, как и в политических задачах. Политическая борьба социалдемократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно также (и вследствие этого) организация революционной социалдемократической партии неизбежно должна быть иного рода, чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она дожна быть возможно более широкой; в третьих, она должна быть возможно менее конспиративной (я говорю, разумеется, здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации революционеров, имея в виду революционеров-социалдемократов). Пред этим общим признаком членов такой организации должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной.

В странах с политической свободой различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие трэд-юнионов и социалдемократии.

В России же гнет самодержавия стирает, на первый взгляд, всякое различие между социалдемократической организацией и рабочим союзом, ибо всякие рабочие

союзы и всякие кружки запрещены, ибо главное проявление и орудие экономической борьбы рабочих—стачка—является вообще уголовным (а иногда даже политическим!) проступком. Таким образом, наши условия, с одной стороны, очень «наталкивают ведущих экономическую борьбу рабочих на политические вопросы, а, с другой стороны, «наталкивают» социалдемократов на смешение трэд-юнионизма и социалдемократизма.

В самом деле, представьте себе людей, на 99 сотых поглощенных экономической борьбой с хозяевами и правительством». Одни из них в течение всего периода их деятельности (4—6 мес.) ни разу не натолкнутся на вопрос о необходимости более сложной организации революционеров; другие «натолкнутся», пожалуй, на сравнительно распространенную бернштейнианскую литературу, из которой почерпнут убеждение в сугубой важности «поступательного хода серой текущей борьбы». Третьи, те наконец, увлекутся, может быть, соблазнительной идеей явить миру новый образец «тесной и органической связи с пролетарской борьбой», связи профессионального и социалдемократического движения. Чем позже выступает страна на арену капитализма, а, следовательно, и рабочего движения,—могут рассуждать такие люди,—тем больше могут социалисты принимать участие в профессиональном движении и оказывать ему поддержку, тем меньше может и должно быть не-социалдемократических профессиональных союзов. До сих пор такое рассуждение вполне правильно, но беда в том, что идут еще дальше и мечтают о полном слиянии социалдемократизма и трэд-юнионизма. Мы сейчас увидим на примере устава СПБ. Союза борьбы, как вредно отражаются эти мечты на наших организационных планах.

Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социалдемократ-рабочий должен, по мере возможности, оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так. Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами «цеховых» союзов могли быть только социалдемократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость об'единения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы эти цеховые союзы не были бы очень широкими организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей. Но при широком составе организации невозможна строгая конспирация (требующая гораздо большей подготовки, чем необходимо для участия в экономической борьбе). Как примирить это противоречие между необходимостью широкого состава и строгой конспирации? как достигнуть того, чтобы цеховые организации были возможно менее конспиративны? Для этого может быть, вообще говоря, только два пути: либо легализация цеховых союзов (в некоторых странах предшествовавшая легализации социалистических и политических союзов), либо сохранение организации тайной, настолько «свободной», мало-оформленной, чтобы конспирация для массы членов сводилась почти к нулю.

Легализация не-социалистических и не-политических рабочих союзов в России уже началась, и не может подлежать никакому сомнению, что каждый шаг нашего

быстро растущего социалдемократического рабочего движения будет умножать и поощрять попытки этой легализации,—попытки, исходящие, главным образом, от сторонников существующего строя, но отчасти и от самих рабочих и от либеральной интеллигенции. Знамя легализации уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содействие ей обещано и дано г.г. Озеровыми и Вормсами, среди рабочих есть уже последователи нового течения. И мы не можем отныне не считаться с этим течением. Как считаться, — об этом среди социалдемократов вряд ли может быть два мнения. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и разъяснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные, «гармонические» нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих,—все равно, берут ли они эти ноты в силу искреннего своего убеждения в желательности мирного сотрудничества классов, в силу ли желания подслужиться начальству или, наконец, просто по неловкости. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той ловушки, которую им ставит зачастую полиция, высматривая «людей с огоньком» на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаясь чрез посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные.

Мораль отсюда простая: если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, то мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить и социалдемократические и собственно трэд-юнионистские цели. Если же мы начнем с наиболее якобы «доступной» массе (а на деле с наиболее доступной жандармам и делающей революционеров наиболее доступными полиции) широкой рабочей организации, то мы ни тех, ни других целей не осуществим, от кустарничества не избавимся и своею раздробленностью, своей вечной разгромленностью будем только делать наиболее доступными массе трэд-юнионы Зубатовского и Озеровского типа.

В чем же собственно должны состоять функции этой организации революционеров?—Об этом мы сейчас подробно побеседуем.

«Десяток умников легче выловить, чем сотню дураков». Эта великолепная истина (за преподнесение которой вам всегда будет аплодировать сотня дураков) кажется самоочевидной только благодаря тому, что вы во время хода рассуждения перескочили с одного вопроса на другой. Вы начали говорить и продолжаете говорить о вылавливании «комитета», о вылавливании «организации», а теперь перескочили на вопрос о вылавливании «корней» движения «в глубине». Конечно, наше движение неуловимо только потому, что оно имеет сотни и сотни тысяч корней в глубине, но речь-то ведь идет совсем не об этом. В смысле «корней в глубине» нас не могут «выловить» и теперь, несмотря на все наше кустарничество, и, тем не менее все мы жалуемся и не можем не жаловаться на вылавливание «о р г а н и з а ц и й», разрушающее всякую преемственность движения. А раз вы поставите вопрос о вылавливании о р г а н и з а ц и й и не будете сбиваться с него, то я вам скажу, что десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков. И я буду защищать это положение, сколько бы вы ни науськивали на меня толпу за мой «антидемократизм», и т. п. Под «умниками», в отношении организационном, надо разуметь только, как я уже не раз указывал, п р о ф е с с и о н а л ь н ы х р е в о л ю ц и о н е р о в, все равно—из студентов или из рабочих они выработаются. И вот я утвер-

ждаю: 1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организация должна состоять, главным образом, из людей профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране—чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революц. деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политич. полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию и 5) тем шире будет состав лиц и из рабочего класса, и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем.

Предлагаю нашим экономистам, террористам и «экономистам-террористам»*) опровергнуть эти положения, из которых я остановлюсь сейчас на двух последних. Вопрос о легкости выловить «десяток умников» и «сотню дураков» сводится к разобранному выше вопросу о том, возможна ли массовая **организация** при необходимости строжайшей конспирации. Широкую организацию мы никогда не сможем поставить на ту конспиративную высоту, без которой не может быть и речи об устойчивой и хранящей преемственность борьбы с правительством. И сосредоточение всех конспиративных функций в руках возможно небольшого числа профессиональных революционеров вовсе не означает, что эти последние будут «думать за всех», что толпа не будет принимать деятельного участия **в движении**. Напротив, эти профессиональные революционеры будут выдвигаться толпой все в большем числе, ибо толпа будет тогда знать, что недостаточно собраться нескольким студентам и ведущим экономическую борьбу рабочим, чтобы составить «комитет», а что необходимо годами вырабатывать из себя профессионального революционера, и толпа будет «думать» не об одном только кустарничестве, а именно о такой выработке. Централизация конспиративных функций **организации** вовсе не означает централизации всех функций **движения**. Активное участие самой широкой массы в нелегальной литературе не уменьшится, а вдесятеро усилится оттого, что «десяток» профессиональных революционеров централизует конспиративные функции этого дела. Так и только так мы добьемся того, что чтение нелегальной литературы, сотрудничество в ней, отчасти даже и распространение ее, почти перестанут быть конспиративным делом

*) Этот термин, может быть, более правилен по отношению к „Свободе", чем предыдущий, ибо в „Возрождении революционизма" защищается терроризм, а в разбираемой статье—экономизм. Охота смертная, да участь горькая!—можно вообще сказать про „Свободу". Самые хорошие задатки и самые лучшие намерения—и путаница в результате, путаница, главным образом, благодаря тому, что защищая преемственность организации, „Свобода", не хочет знать преемственности революционной мысли и социалдемократической теории. Стараться опять вызвать к жизни профессионального революционера („Возр. рев.") и предлагать для этого, во первых, эксцитативный террор, во вторых, „организацию рабочих-середняков" („Свобода", № 1, стр. 66 и след.), поменьше „подталкиваемых" со стороны"—это значит, поистине, для согревания своего жилища ломать на дрова это самое жилище.

ибо полиция скоро поймет нелепость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждого экземпляра из разбрасываемых тысячами изданий. И это относится не только к печати, а и ко всем функциям движения, вплоть до демонстрации. Самое активное и самое широкое участие в ней массы не только не пострадает, а напротив, много выиграет оттого, что «десяток» испытанных, профессионально вышколенных, не менее нашей полиции, революционеров централизует все конспиративные стороны дела, подготовление листков, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фабричного квартала, для каждого учебного заведения, и т. п. (я знаю, мне возразят о «недемократичности» моих воззрений, но я отвечу на это совсем неумное возражение подробно ниже). Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во всех других слоях населения, и проч., и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в самом широком числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно смешивать их с организацией революционеров, стирать грань между ними, угашать в массе и без того невероятно потускневшее сознание того, что для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социалдемократической деятельности, и что такие люди должны с терпением и упорством вырабатывать из себя профессиональных революционеров.

Да, это сознание невероятно потускнело. Основной наш грех в организационном отношении—что мы своим кустарничеством уронили престиж революционеров на Руси. Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря трэд-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве,—борьбе с политической полицией,—помилуйте! Это не революционер, а какой-то жалкий кустарь.

Пусть не обижается на меня за это резкое слово ни один практик, ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеоб'емлющие задачи,—и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров—и мы перевернем Россию! И, чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накоплялось горечи против тех лже-социалдемократов, которые своей проповедью позорят «революционера сан», которые не понимают того, что наша задача—не защищать принижение революционера до кустаря, а поднимать кустарей до революционеров.

Нам возразят: такая могучая и строго тайная организация, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной деятельности, организация по необходимости

централистическая, может слишком легко броситься в преждевременную атаку, может необдуманно обострить движение раньше, чем это можно и нужно по росту политического недовольства, по силе брожения и озлобления в рабочем классе и проч. Мы ответим на это: абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организация *может* повести на необдуманный бой, который *может* кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиваться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себе абстрактную возможность поражения, и нет другого средства *уменьшить* эту возможность, как организованная подготовка сражения. Если же мы поставим вопрос на конкретную почву современных русских условий, то придется сделать положительный вывод, что крепкая революционная организация безусловно необходима именно для того, чтобы придать устойчивость движению и *предохранить* его от возможности необдуманных атак. Именно теперь, при отсутствии такой организации и при быстром стихийном росте революционного движения, *наблюдаются* уже две противоположные крайности (которые, как им и полагается, «сходятся»: то совершенно несостоятельный экономизм и проповедь умеренности, то столь же несостоятельный «эксцитативный террор», стремящийся «в развивающемся и укрепляющемся, но еще находящемся ближе к началу, чем к концу, движении искусственно вызвать симптомы его конца» (В. З. в «Заре» № 2—3, ст. 353). И пример «Раб. Дело» показывает, что есть уже социалдемократы, пасующие пред обеими крайностями. Такое явление неудивительно, помимо остальных причин, и потому, что «экономическая борьба с хозяевами и с правительством» никогда не удовлетворит революционера, а противоположные крайности всегда будут возникать то здесь, то там. Только централизованная боевая организация, выдержанно проводящая социалдемократическую политику и удовлетворяющая, так сказать, все революционные инстинкты и стремления, в состоянии предохранить движение от необдуманной атаки и подготовить обещающую успех атаку.

Нам возразят далее, что излагаемый взгляд на организацию противоречит «демократическому принципу». Насколько предыдущее обвинение специфически русского происхождения, настолько это—*специфически заграничного* характера.

Присмотримся поближе к этому «принципу», выдвигаемому экономистами. Всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации. Мы назовем демократической организацию немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто, вплоть до заседаний партийного с'езда; но никто не назовет демократической—такую, которая закрыта от всех не-членов покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление «*широкого* демократического принципа», когда основное условие этого принципа *неисполнимо* для тайной организации? «Широкий принцип» оказывается просто звонкой, но пустой фразой. Мало того. Эта фраза свидетельствует о полном непонимании насущных задач момента в организационном отношении.

Не лучше обстоит дело и со вторым признаком демократизма, с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собою. «Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил»—гласит первый параграф организационного устава немецкой социалдемократической партии. И так как вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра, то это признание, или непризнание, подержка или противодействие известны всем и каждому и из газет и из народных собраний. Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами,—и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность все члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, и чтобы все, «кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил», контролировали каждый шаг революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер обязан в интересах работы скрывать от девяти десятых этих «всех», кто такой?. Вдумайтесь хоть немного в настоящее значение тех громких слов, с которыми выступает «Раб. Дело», и вы увидите, что «широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского отбора, есть лишь пустая и вредная игрушка. Это—пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация широкого демократизма не проводила и не может проводить даже при всем своем желании. Это—вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле широкий «демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество, отвлекают мысль практиков от серьезной, настоятельной задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров к составлению подробных «бумажных» уставов о системах выборов. Только за-границей, где нередко собираются люди, не имеющие возможность найти себе настоящего, живого дела, могла кое-где и особенно в разных мелких группах развиться «эта игра в демократизм».

ХРОНОЛОГИЯ.

1880 год.

Январь. Вооруженное сопротивление революционеров при взятии типографии «Народной воли».
Эмиграция заграницу «чернопередельцев».—Плеханова, Засулич, Стефановича и Дейча.
Февраль. Взрыв произведенный Халтуриным в зимнем дворце.
Март. Повешение—И. О. Млодецкого за покушение на министра Лорис-Меликова.
Апрель. Процесс Козырева, Антушева и друг. по делу о пропаганде среди рабочих и крестьян.
Июнь. Выход № 1 листка «Народной воли».
Ноябрь. Повешены в Петропавловской крепости Квятковский и Пресняков.
Декабрь. Арест в Петербурге Михайлова, одного из основателей «Народной Воли».

1881 год.

Январь. Арест членов южно-русского рабочего союза в Киеве.
Февраль. Изгнание из Франции Лаврова за организацию «Красного Креста».
Арест Морозова (Шлиссельбуржца).
Март. Убийство Александра II—по приговору «Народной Воли».
Арест Желябова.
Арест Перовской.
Арест Кибальчича и Фроленко.
Апрель. Приговор по делу 1 марта.
В Петербурге утром на Семеновском плацу повешены за участие в убийстве Александра II: Желябов, Перовская, Кибальчич, Михайлов и Рысаков.
Еврейский погром в Елисаветграде.
Манифест Александра III, возвещавший незыблемость самодержавия.
Май. Еврейский погром в Киеве продолжавшийся 2 дня.
Арест 2-ой типографии «Народной Воли» в Петербурге на Подольской улице.
Октябрь. Дело типографии «Черный передел» в Петербурге, судившиеся сосланы в Сибирь на поселение.
Аксельрод участвует в международном с'езде в гор. Хуре в Швейцарии.

1882 год.

Февраль. Процесс 20-ти (народовольцев).
Март. Расстрел Суханова в Кронштадте.
Процесс Халтурина и Желвакова в Одессе.
Апрель. Казнь Халтурина и Желвакова в Одессе.
Арест паспортного-бюро «Народной Воли».
Июль. Корпус жандармов из'ят из ведения министерства внутренних дел.
Август. Опубликована программа польской партии «Пролетариат».
Ноябрь. В Иркутске расстрелян учитель Неустроев за пощечину генерал-губернатору Анучину.

Декабрь. Волнения в войсках в Киеве и в Воронеже.

Совещание министров об отдаче студентов в дисциплинарные батальоны за участие в беспорядках.

Выход книги Народника В. В. «Судьбы капитализма в России» (в книге доказывается невозможность капитализма в России).

1883 год.

Февраль. Арест в Харькове В. Фигнер, по указанию провокатора С. Дегаева.

Апрель. Стачка на Жирардовской фабрике.

Сентябрь. Об'явление группы «Освобождение труда» об издании «Библиотеки современного социализма».

Октябрь. Появление в «Деле» статьи Аксельрода об экономическом учении Генри Джоржа.

Основание группы «Освобождение труда».

Выход книги Плеханова «Социализм и политическая борьба».

1884 год.

Июль. Правила о фабричной инспекции.

Опубликовано распоряжение об из'ятии из публичных библиотек 125 русских авторов и журналов.

Сентябрь. Студенческие волнения в Киевском университете по поводу 50-ти летнего юбилея университета.

Об'явление группы «Освобождение труда» об издании «Рабочей библиотеки».

Октябрь. «Приговор по процессу «14»; восемь приговорены к смертной казни; приведено в исполнение относительно 2-х, остальные заключены в Шлиссельбургской крепости.

Арест на улице Петербурга Г. А. Лопатина и Н. М. Саловой.

Дело Дейча в Одессе по обвинению его в покушении на убийство предателя Гориновича. Л. Дейч сослан на каторжные работы.

Штромберг и Рогачев расстреляны в Шлиссельбургской крепости.

Организован в Петербурге с.-д. кружок Благоева.

Правительство утверждает новый реакционный университетский устав.

Закрыты «Отечественные записки».

1885 год.

Январь. Договор царского правительства с Германией о выдаче политических преступников.

Морозовская стачка [в Орехове-Зуеве] под руководством рабочих Мойсеенко и Волкова.

Июнь. С. Лисянский повешен в Харькове.

«Группа Освобождение Труда» издает проэкт программы.

Группа Благоева издает журнал «Рабочий».

Арест Благоева.

«Группа освобождения труда» издает книгу Плеханова. «Наши разногласия». Министр народного просвещения Делянов—издает циркуляр о недопущении в среднюю школу «кухаркиных детей».

1886 год.

Январь. Казнь членов социалистической партии «Пролетариат» в Варшаве.

Февраль. По указанию предателя Жаркова взята типография революционной организации «Черный передел».

Провал Благоевского кружка.

Образование в Петербурге «Террористической группы Народной воли».

Группа «Освобождение труда» издает в переводе Засулич книгу Маркса «Нищета философии».

1887 год.

Январь. Ограничение гласности суда.

Март. Второе (первое марта) покушение на Александра III.

Арест А. И. Ульянова, подготовлявшего покушение на Александра III.

Май. В Шлиссельбургской крепости повешены Ульянов, Генералов и друг. осужденные по делу 1 марта 1887 г. за покушение на царя Александра III.

Социалисты-федералисты издают в Цюрихе орган «Самоуправление».

Июнь. Начало лопатинского процесса в Петербургском военном окружном суде.

Декабрь. В. И. Ленин исключен из Казанского университета за участие в студенческих беспорядках.

1888 год.

Сентябрь. Истязания политических ссыльных на Сахалине.

Доктор Абрамович, приехавший из Минска в Киев, организует там, в ж.-д. мастерских с.-д. группу.

«Группа Освобождения Труда» положила основание «Русского Социал-демократического союза».

Группа «Освобождение Труда» издает книгу Плеханова «Чего хотят Социал-Демократы»; и выпускает первую книгу «Социал-Демократ». (Литературно-политический сборник).

1889 год.

Апрель. Вооруженное сопротивление политических ссыльных в Якутске. Убито шесть человек.

Июнь. Учреждение главного по фабричным делам присутствия.

Июль. Введение института Земских начальников.

Август. Повешены в Якутске: Коган-Бернштейн, Гаусман и Зотов.

Октябрь. Смерть писателя Н. Г. Чернышевского.

Группа «Освобождение труда» посылает Плеханова на первый Контресс II-Интернационала.

В различных городах России появились марксистские кружки.

«Группа Освобождение Труда» издает брошюру Плеханова «Новый защитник самодержавия или горе Тихомирова»
По настоянию русского правительства—Плеханов и Засулич-высланы из Швейцарии.

1890 год.

Февраль. «Группа Освобождение Труда» выпускает литературно-политическое обозрение «Социал-демократ» № 1.
Август. Выход «Социал-демократа» № 2.
Декабрь. Выход «Социал-демократа» № 3.

1891 год.

Май. Празднование маевки в Петербурге.
Начало голода в России.
В Петербурге организуется группа «Народовольцев».
В Москве организуется первый марксистский кружек (Винокуров, Рязанов, Давыдов, Мандельштам и др.)

1892 год.

Май. 100.000-я первомайская забастовка в Лодзи. Празднование 1-го мая в Вильне.

Рабочие волнения в Юзовке.
Промышленный кризис. Вышел «Социал-демократ» № 4.
Г. О. Т. издает книгу Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России».

1893 год.

Февраль. Договор царской России с Соединенными штатами северной Америки о выдаче всех обвиняемых в покушении на жизнь царя.
Апрель. Отмена телесного наказания для женщин.
Июль. Указ Александра III, по которому в интересах искусственного сохранения крестьянской общины, наименьший срок между переделами установлен 12 лет.

В Самаре образуется первая марксистская группа (Ульянов, Скляренко и др.)
Образование партии «Народного Права» (Чернов, Натансон).
Стачки в Петербурге, Харькове и Ростове на Дону.

1894 год.

Апрель. Стачки в железнодорожных мастерских в Ростове на Дону.

В Вильне вышла брошюра «Об Агитации».
В Петербурге организован «Центральный кружек» для руководства рабочим движением.
Организуется в Петербурге «Кружек в Гавани».
Выходит нелегально брошюра Ленина «Кто такие друзья народа и как они воюют с с.-д.?»

1895 год.

Январь. Николай II произносит речь о бессмысленных мечтаниях земцев и незыблемости самодержавия.

Сентябрь. Организация в Петербурге «Союза Борьбы» за освобождение рабочего класса.
Стачки в Иваново-Вознесенске.
Организация «Иваново-Вознесенского рабочего Союза».
Декабрь. Полиция разгромила Петербургский «Союз Борьбы».

Стачка в Белостоке.
Стачка в Ярославле.
Благодарность Николая II «молодцам-фанагорийцам» за усмирение рабочих.
Вышла книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».
По проискам русского правительства Плеханова высылают из Франции.

1896 год.

Март. Приветствие Петербургскими рабочими французских по поводу 25-ти летия Парижской Коммуны.
Май. Катастрофа на Ходынском поле, во время коронации. Задавлено 4000 чел.
Июнь. Начало забастовки рабочих на Петербургских текстильных фабриках.
Октябрь. Стачка на фабрике Зотовых в Костроме.
Декабрь. Вышел № 1 газеты «Вперед», издававшейся русской с.-д. группой.

Отпечатана заграницей брошюра «Об Агитации», с предисловием Аксельрода.
Образование „Московского Рабочего Союза“.
Вышла книга Волгина (Плеханова).—Попытки обоснования народничества в трудах В. В.

1897 год.

Январь. Стачки в Иваново-Вознесенске.
Стачка в Петербурге.
Февраль. По царскому распоряжению в Сибирь выслан В. И. Ленин.
Самосожжение революционерки М. Ф. Ветровой в Петропавловской крепости.
Март. Попытка Киевской группы «Рабочее Дело» созвать с'езд русских социал-демократов.
Июнь. Аресты и разгром с.-д. организации в Риге и Либаве.
Закон об установлении $11^1/_2$ часового рабочего дня.
Сентябрь. Расстрел мирной толпы рабочих в Домброве.
Октябрь. Первый с'езд еврейских с.-д. в Вильне и основание Всеобщего еврейского рабочего союза «Бунд».

В Петербурге возникла «Рабочая Мысль».
Организация в Петербурге группы «Рабочее Знамя».
Организовался в Киеве и Екатеринославе Союз Борьбы за освобождение рабочего класса.
Организация Николаевского «Южно-русского рабочего союза».
Заграницей издается Социал-демократический журнал «Работник».
Совещание в Цюрихе делегатов Петербургской Виленской и Киевской организации с Заграничным союзом Русских с.-д. «о созыве с'езда».
Начал выходить легальный марксистский журнал «Новое Слово»

1898 год.

Январь. 30.000—стачка Иваново-Вознесенских рабочих.

Март. Первый с'езд и основание Российской Социалдемократической Рабочей Партии.

Массовые аресты революционеров по всей России и разгром рабочих организаций в Петербурге.

Июнь. Бунт на Брянском заводе в Екатеринославе (арестовано было до 1500 человек, 500 чел. выслано на родину.)

Забастовка 10.000 ткачей в Белостоке.

Ноябрь. С'езд «Союза русских с-д.», на котором группа «Освобождение труда» отказывается от редактирования изданий Союза.

Декабрь. Всеобщая стачка Иваново-Вознесенских рабочих.

1899 год.

Февраль. Царским правительством издан закон об организации полицейского надзора за фабрично—заводским населением.

Отмена Николаем II Филяндской конституции:свободы слова,собраний, союзов.

Избиение студентов в Петербурге и начало студенческих волнений.

Май. Расстрел рабочих демонстрантов в Риге.

Начинают выходить нелегальные марксистские журналы «Жизнь» «Начало»

Опубликование «Кредо» с протестом.

Заграницей экономисты издают журнал «Рабочее Дело».

Июль. Опубликование временных правил о сдаче в солдаты студентов за устройство беспорядков, вызвавшее в свою очередь, выстрел Карповича в министра внутренних дел Боголепова.

1900. год.

Февраль. Появление плехановского сборника «vademecum» направленного против экономизма.

Апрель. Выход «Группы освобождения труда» из союза русских социал-демократов.

Май. Стачка железнодорожников в Харькове с целью добиться освобождения 50 товарищей.

Первая уличная демонстрация-маевка в Харькове.

Образование заграниицей «Революционной организации—социал-демократ».

Июль. Белостокскому гарнизону об'явлена царская благодарность за его «действия во время погрома».

Август. Стачка в мастерских закавказских жел. дороги в Тифлисе.

Октябрь. Забастовка рудокопов Донбасса,

Декабрь. Избиение полицией в малом театре в Петербурге учащейся молодежи, протестовавшей против постановки антисемитской пьесы «Контрабандист».

Выход № 1—„Искры“.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

(история партии до 2-го с'езда).

1. Каменев. История партии коммунистов в России и В. И. Ленин (журнал «Вестник жизни».
2. Батурин. Очерки по истории Российской соц.-демократии.
3. Лядов. История Российской социал-демократической раб. партии. (в I.).
4. Зиновьев. Из истории нашей партии.
5. Спиридович. Революционное движение в России. РСДРП.
6. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии.
7. Мартов. История Российской социал-демократической раб. партии.
8. Фриче. Очерки по истории мирового рабочего движения (ч. 3). Рабочее движение в России.
9. Павлов. Пролетарская борьба в России до революции 1905.
10. Ельницкий. Первые шаги рабочего движения в России.
11. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении.
12. Стеклов. Историческое подготовление российской социал-демократии.
13. Кольцов. Конец «Народной воли» и начало социал-демократии. (80-е годы); из книги Туна революционное движение в России, издание Петросовета 1918 г.
14. Плеханов. О социальной демократии в России. (статья у Туна—Революционное движение в России).
15. Дейч. Г. В. Плеханов (от народничества к марксизму).
16. Ольминский. Из прошлого.
17. Рязанов. Г. В. Плеханов и группа «Освобождения Труда».
18. От группы Благоева к «Союзу Борьбы». Сборник.
19. Шаповалов. По дороге к марксизму.
20. Фишер. В России и в Англии.
21. Тахтарев. Очерки Петербургского рабочего движения 90-х годов.
22. Горев. Рабочее движение в Петербурге в 1890-х годах.
23. М. Ангарский. Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса.
24. Крупская. Союз борьбы за освобождение рабочего класса.
25. Шелгунов. Воспоминания о Петербургском рабочем движении 1-й половины 90-х годов.
26. На заре рабочего движения в Москве.—Сборник.
27. Невский. Южно-русский рабочий союз.
28. Смирнов. О первом кружке РСДРП.
29. Зеликсон-Бобровская. Записка рядового подпольщика.
30. Орловский. К истории марксизма в России.
31. Б. Эйдельман. О первом с'езде РСДРП. Пролетарская революция № 1.
32. Невзорова-Кржижановская. Наброски воспоминаний о союзе борьбы за освобождение рабочего класса (статьи 23, 24, 24 и 32 помещены в журнале «Творчество» № 7-10). 1920 г.
33. В. Ленин. За 12 лет. (сборник статей).
34. Колпенкимин. Истории рабочего движения в Петербурге.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ЗОЛОТОЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ

ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ каждому выиграть огромную сумму в золоте.

ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ каждому застраховать свои сбережения от обесценения.

ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ каждому получить на свои сбережения 6% годовых по курсу золота.

ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ каждому вернуть свои сбережения по курсу золота в любой день—продажей облигации.

Облигации выпускаются в 5 руб. и 25 руб. золотом по курсу 95 за 100.

Облигация в 5 рублей золотом дает право на ОДИН выигрыш, приносит 6% в год ЗОЛОТОМ и выпускается государством по курсу золота.

Облигация в 25 рублей золотом дает право на ПЯТЬ выигрышей.

1-го мая и 1-го сентября 1923 г. будут произведены первые тиражи (розыгрыши).

В каждый розыгрыш войдут: по одному выигрышу в 100000 руб. золотом, по одному выигрышу в 50000 рублей золотом, по два выигрыша в 25000 руб. золотом, по 5—в 10000 р., по 10—в 5000 р., по 1000—в 100 р., по 2000—в 50 руб. и по 10000 выигрышей в 20 р. золотом до 1927 г., а с 1928 г. по 1930 г. по 5000 выигрышей в 20 р. золотом.

Облигации принимаются в залог по всем казенным подрядам и поставкам в обеспечение уплаты акцизов и таможенных пошлин без ограничения суммы.

Каждая купленная облигация сокращает печатание бумажных денег, укрепляет курс рубля, обогащает государство

Подписка на облигации, выпускаемого займа принимается в кассах Губфинотдела и Уфинотделов, Госбанка и Рабочего Банка.

Гомельский Губфинотдел.

